

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

VI Международная научная конференция

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

Москва

УДК 340 (082)
ББК 67
А43

Главный редактор: *И. Г. Ахметов*

Редакционная коллегия сборника:

М. Н. Ахметова, Ю. В. Иванова, А. В. Каленский, В. А. Куташов, К. С. Лактионов, Н. М. Сараева, Т. К. Абдрасилов, О. А. Авдеюк, О. Т. Айдаров, Т. И. Алиева, В. В. Ахметова, В. С. Брезгин, О. Е. Данилов, А. В. Дёмин, К. В. Дядюн, К. В. Желнова, Т. П. Жуйкова, Х. О. Жураев, М. А. Игнатова, К. К. Калдыбай, А. А. Кенесов, В. В. Коварда, М. Г. Комогорцев, А. В. Котляров, В. М. Кузьмина, С. А. Кучерявенко, Е. В. Лескова, И. А. Макеева, Т. В. Матроскина, Е. В. Матвиенко, М. С. Матусевич, У. А. Мусаева, М. О. Насимов, Б. Ж. Паридинова, Г. Б. Прончев, А. М. Семахин, А. Э. Сенцов, Н. С. Сенюшкин, Е. И. Титова, И. Г. Ткаченко, С. Ф. Фозилов, А. С. Яхина, С. Н. Ячинова

Руководитель редакционного отдела: *Г. А. Кайнова*

Ответственный редактор: *Е. И. Осянина*

Международный редакционный совет:

З. Г. Айрян (Армения), П. Л. Арошидзе (Грузия), З. В. Атаев (Россия), К. М. Ахмеденов (Казахстан), Б. Б. Бидова (Россия), В. В. Борисов (Украина), Г. Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А. М. Данилов (Россия), А. А. Демидов (Россия), З. Р. Досманбетова (Казахстан), А. М. Ешиев (Кыргызстан), С. П. Жолдошев (Кыргызстан), Н. С. Игисинов (Казахстан), К. Б. Кадыров (Узбекистан), И. Б. Кайгородов (Бразилия), А. В. Каленский (Россия), О. А. Козырева (Россия), Е. П. Колпак (Россия), А. Н. Кошербаева (Казахстан), К. И. Курпаяниди (Узбекистан), В. А. Куташов (Россия), Э. Л. Кыят (Турция), Лю Цзюань (Китай), Л. В. Малес (Украина), М. А. Нагервадзе (Грузия), Ф. А. Нурмамедли (Азербайджан), Н. Я. Прокопьев (Россия), М. А. Прокофьева (Казахстан), Р. Ю. Рахматуллин (Россия), М. Б. Ребезов (Россия), Ю. Г. Сорока (Украина), Г. Н. Узаков (Узбекистан), М. С. Федорова (Россия), Н. Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А. К. Шарипов (Казахстан)

А43 **Актуальные проблемы права** : материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Москва, декабрь 2017 г.). — Москва : Издательский дом «Буки-Веди», 2017. — vi, 110 с.

ISBN 978-5-4465-0944-7

В сборнике представлены материалы VI Международной научной конференции «Актуальные проблемы права». Рассматривается широкий круг вопросов в сфере юриспруденции: теория и история государства и права, государственное право, гражданское право, уголовное право и пр.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 340 (082)
ББК 67

ISBN 978-5-4465-0944-7

© Оформление.
ООО «Издательство Молодой ученый», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Абражеева Д.В., Музыкин А.А.

Гражданское общество современной России 1

Мальчиков Н.А.

Технологические инновации в сферах оказания юридических услуг и юридической помощи 4

Симонова М.А., Суругина Е.Н.

Эвтаназия, или Право на смерть: проблемы регламентации и реализации 7

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Наумова Н.В., Кириллова Т.А.

Михаил Михайлович Сперанский – звезда отечественной юриспруденции 9

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Избасарова А.Б.

«Благая смерть», или Практика применения эвтаназии в мире 12

Рзаев Н.И., Мальцева О.А.

Суверенитет РФ в условиях современной интеграции 13

Садретдинов О.Е.

Экстремизм как угроза государственной целостности Российской Федерации 16

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Воротынцев А.С.

Актуальные проблемы досрочного прекращения полномочий главы местного самоуправления 19

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Анищенко Д.Е.

О соотношении концепции «фактического права на доходы» и концепции «относимости дохода к лицу» 23

Прохоров Э.А.

Контроль в системе госзакупок 26

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Кудрявцева А.С.

Кодекс корпоративного управления как источник корпоративного права 29

Мохов А.Ю.

Имущественная обособленность как важнейший признак юридического лица 31

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Агейченко К.М.

Деловая репутация юридического лица 34

Горбушин М.М.

Корпоративные эмиссионные ценные бумаги: доктринальное понимание, понятие, перечень, особенности 38

Кнороз А.И. Истечение срока и возникновение противоречий как основания прекращения опеки и попечительства.....	45
Лахметкина Ю.С. Некоторые проблемы применения законодательства о недееспособности граждан и пути их решения.....	47
Пастухова И.В. Особенности гражданско-правовой ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по государственному контракту.....	50
Самотойлова М.Ю. Сравнительный анализ упрощенной и обычной процедуры банкротства физических лиц.....	53

АВТОРСКОЕ ПРАВО И СМЕЖНЫЕ ПРАВА

Нургалеев М.С. Судебная практика по делам, связанным с параллельным импортом.....	56
---	----

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Жарова О.Н. Законодательные акты, регулирующие вопросы социальных гарантий детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей.....	60
Капралова А.Е. Проблемы законодательного регулирования вспомогательных репродуктивных технологий.....	62

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Калингер И.В. Правовая грамотность работников как основной механизм реализации охраны труда на производстве.....	65
--	----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Витушкина Е.В. Методика прокурорского надзора за соблюдением права на реабилитацию в уголовном процессе....	70
Егорова А.И. Недопустимость поворота к худшему в деятельности судов судебной инстанции.....	72
Мальцагов И.Д., Адамова П.С. Досудебное соглашение о сотрудничестве как процессуальный институт.....	75
Мальцагов И.Д., Ажиев Р.В. Понятие исполнения мер уголовно-процессуального принуждения.....	77
Мальцагов И.Д., Габаева Т.Р. Организация прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении заявлений (сообщений) о преступлениях.....	79
Мальцагов И.Д., Талаева М.М. Поводы и основания возбуждения уголовного дела.....	81
Осадчий И.А. Вопросы отграничения террористического акта от иных схожих преступлений.....	83
Остапенко О.И. Объективная сторона незаконного производства лекарственных средств и медицинских изделий.....	85

КРИМИНОЛОГИЯ И КРИМИНАЛИСТИКА

Осадчий И.А. Проблемные вопросы расследования заказных преступлений.....	88
--	----

Степанов Д.О. Понятие и сущность бытового убийства.....	89
Степанов Д.О. Научная методология расследования преступлений.....	92

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО, ПЕНИТЕНЦИАРИЯ

Тихомиров С.М. Недобровольное лечение и реабилитация зависимых от алкоголя и наркотиков в учреждениях исполнения наказания.....	95
--	----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Болат А.А., Молдабеков Б.Е. Причины возникновения института защиты прав беженцев в мировом сообществе.....	99
Лободина Ю.А. Правомерность санкций США в отношении проекта «Северный поток-2».....	101
Платонова И.С. Пути совершенствования таможенно-тарифного регулирования внешнеторговой деятельности в РФ в условиях глобализации экономики.....	103

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Лукшин О.В. Становление правового, социального и экономически развитого государства в послевоенной Японии.....	106
---	-----

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Гражданское общество современной России

Абражеева Дина Викторовна, подполковник внутренней службы, старший преподаватель кафедры
Музыкин Александр Александрович, курсант
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России

Россия на сегодняшнем этапе развития является правовым и демократическим государством, что подтверждает её главный закон, Конституция РФ: «Российская Федерация — Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления». [1]

Одним из неотъемлемых признаков такого типа государства является гражданское общество. На данный момент в России актуальность данного института поднята на высочайший уровень, как властями, так и самим населением страны. Хотелось бы отметить, что гражданское общество в нашем государстве существенно отличается от обществ в других демократических странах, так как в его долгом формировании отразились многие стороны менталитета Россиян. Важность данной проблемы, а также направленность России в данном вопросе отражают слова В. В. Путина: «Сегодня всё больше людей стремится участвовать в жизни своей страны, города либо небольшого посёлка, братья за социально значимые проекты, приносить реальную пользу окружающим, помогать нуждающимся, тем, кто оказался в сложной жизненной ситуации. Добровольчество, благотворительность, меценатство имеют в России глубокие корни, а чувство гражданского долга, патриотизм, доброта, милосердие всегда являлись нашими базовыми ценностями. Эти традиции нам нужно укреплять. Вижу в этом мощнейший ресурс развития России, консолидации общества, обеспечения социальной и межнациональной гармонии». [6]

В данной статье мы проанализируем состояние гражданского общества в России и предложим некоторые варианты по улучшению его состояния, но для начала хотелось бы определить суть данного понятия и его основные черты, а также дать историческую справку гражданского общества в России.

Под гражданским обществом понимается состояние социальной сферы государства, при котором созданы все возможности для соблюдения и исполнения субъективных прав и обязанностей, развития правосознания и правовой активности граждан, а также в политике. Как ранее отмечалось, у данного явления есть глубокие корни в истории России. Можно сказать, что гражданское общество начало появляться в момент предпосылок создания правового

и демократического государства и продолжает развиваться вместе с развитием данного государства, а также помогает этому развитию.

Американский политолог О. Энкарнасьон считает, что гражданское общество охватывает обширный и разнородный мир организаций, созданных частными индивидами для отстаивания своих интересов и ценностей. Этот мир включает в себя свободно созданные низовые организации граждан, такие, например, как ассоциации людей, проживающих по соседству, так же как и иерархически организованные группы типа общенациональных союзов и этнических ассоциаций. [5]

Б. Н. Чичерин трактует понятие гражданского общества, как совокупность частных отношений между людьми, управляемых гражданским или частным правом. [4]

В понимании Гегеля гражданское общество — это частная собственность, религия, мораль, семья, долг, законы, а также реализованные в них юридические отношения между членами общества, ибо без них, без соотношения с другими людьми человек не может достичь всех своих целей. [2]

В научных источниках нет существенных различий в трактовке понятия данного явления, при этом выделяются характерные признаки гражданского общества. К ним относят: экономическую свободу, демократичность и легитимность государственной власти, разделение ветвей власти, политический и идеологический плюрализм, взаимная ответственность государства и граждан и др.

Во время последнего десятилетия СССР главной задачей являлось разделение государства и общества, данная проблема существует и в наше время, являясь уровнем социума, который определяет путь развития России. Это означает нахождение того или иного минимума социальной ответственности, который бы не подпадал под тотальное огосударствление. В России существует целое многообразие форм политической и правовой организации граждан, являющееся огромным ресурсом для всестороннего развития России. Гражданское общество невозможно без чувства ответственности населения за решения проблем, как в общественных интересах, так и в государственных. Поэтому государство обязано поддерживать данные объединения и давать им больше самостоятельности в решении важных вопросов государственного значения.

Что же касается развития гражданского общества в России, то на него огромное влияние оказали радикальные реформы последнего десятилетия 20 века и не совсем положительное. В данный период произошло крушение коммунистической системы, а также было выдвинуто направления на переход к правовому государству с рыночной экономикой и гражданским обществом. Но власти пришли к отказу от такого принципа социальной справедливости, что означало к ухудшению уровня жизни большинства населения. Государство попросту отказалось от своих прямых обязанностей перед населением о создании социальных, экономических и иных условий, что привело к криминализации большей части этого общества. Всё это привело к почти полному разрушению гражданского общества.

Ещё в 2004 году В. В. Путин признал ошибки, совершенные тогда. «Переход к демократии и рыночной экономике вначале 90-х был самым активным и решительным образом поддержан гражданами России, которые сделали окончательный и бесповоротный выбор в пользу свободы. Это было огромным и реальным достижением российского народа, одним из самых больших достижений нашей страны в XX веке. Но какую цену мы вынуждены были заплатить за это? Деструктивные процессы разложения государственности при развале Советского Союза перекинулись... на саму Российскую Федерацию. Политические спекуляции на естественном стремлении людей к демократии, серьезные просчеты при проведении экономических и социальных реформ привели тогда к очень тяжелым последствиям. За чертой бедности оказалась фактически треть населения страны. При этом массовым явлением стали многомесячные задержки с выплатой пенсий, пособий, заработных плат. Люди были напуганы дефолтом, потерей в одночасье всех денежных вкладов и всех своих сбережений, не верили уже и в то, что государство сможет исполнять даже минимальные социальные обязательства». [7]

В настоящее время состояние гражданского общества в России значительно отличается от состояния в последние десятилетия XX века. Сейчас в стране уровень развития гражданских движений достигает небывалых величин. Создается все больше гражданских объединений в различных сферах жизни: экономические, культурные, спортивные, объединения по возрастам, политические. Однако проблема современных гражданских движений заключается в их качественном развитии, т. е. огромное количество объединений являются не профессиональными в своей сфере и реально не отстаивающими интересы своих участников.

Данная проблема проявляется в том, что главным направлением объединений является получение финансовой помощи, а также решение вопросов определенной группы людей, а не большинства людей. Мы говорим о том, что сегодня гражданское общество стало более корыстным, а это означает, что для тех самых определенных групп людей оно является незаконным способом заработка. Это подтверждает 160 и 201 статьи УК РФ. Однако

вместе и с негативными проявлениями в гражданском обществе появились положительные. Так общества реагируют на сиюминутные проблемы людей, а так же развиваются в различных направлениях.

Что заставляет государство облегчить контроль над деятельностью объединений, а это в свою очередь приводит к развязыванию рук данных обществ и усилению инициативности. Это приводит к эволюции гражданского общества и выходу некоторых объединений из границ неополитичности, что ставит вопрос об отношении этих объединений к гражданскому обществу. Все эти факторы говорят об усилении иерархичности элементов гражданского общества. Вскоре можно будет говорить, хоть и в переносном смысле, о гражданском обществе как о государстве в государстве.

Но вместе с осложнением структуры и усилением самостоятельности общества приходит самодостаточность. По мнению А. Хлопина, «особое соотношение целого и части с характерной для каждой части самодостаточностью, не оставляющей места для общественных интересов, обрывает социальное взаимодействие многих добровольных объединений в российском Третьем секторе». [3] Все это говорит о том, что многие объединения, во-первых, чаще всего не знают о родственных объединениях, а во-вторых, у них просто отсутствует потребность в объединении с ними из-за недостаточного осознания общих интересов, а это уже, как мы говорили, проблема качественного развития.

Еще одна проблема кроется во взаимодействии гражданского общества с органами государственной власти и местного самоуправления. Такие связи сводятся к скрытому характеру и нелегальным способам таким, как взятка. Гражданское общество — это общество равных возможностей, основанное на принципах социальной справедливости и социальной солидарности сильных и слабых. [8] Это означает, что государству необходимо решить не только проблему инициативности граждан, но и улучшить экономическую составляющую, т. е. систему социальной поддержки граждан.

Гражданское общество может качественно существовать лишь в условиях политической и экономической стабильности государства. Для этого государство должно направить свои действия на установление экономического порядка для благополучия своего населения. Так называемая рыночная реформа, проведенная в нашей стране являлась попыткой достижения достойного достатка всего населения и уменьшения расслоения населения, и эта попытка оказала очень положительное влияние. Рынок ориентирован на решение задач в социальной сфере.

В России существует так же одно из неразрешимых противоречий, кроющееся в менталитете законоотворчества. Оно заключается в предпочтении нашего государства к изданию расплывчатых, двусмысленных и неопределенных норм права, которые порождают коллизии в праве и неразрешимые ситуации в социуме, зависящим от этих норм. Такие акты издаются из-за того, что данное законодательство

быстрее приспосабливается к окружающей обстановке и почти не доставляет хлопот государству.

Однако государство нашло способ использования таких расплывчатых норм в своих целях — монополия на официальное толкование данных норм. Существует точка зрения, что власти используют данную способность для всестороннего контроля частной жизни граждан, что уж говорить о гражданских правах и обязанностях людей, они просто нивелируются. А это уже приводит к несвободному гражданскому обществу, а значит к еще одной проблеме гражданского общества в России.

Между гражданским обществом и правовым государством существует взаимозависимость, которая проявляется в гарантиях, даваемых государством, и участии гражданского общества во многих сторонах государственной жизни. Развитие правового государства означает увеличение гарантий и возможностей гражданского общества, а значит его улучшение. Однако такому улучшению препятствуют некоторые факторы такие как:

- 1) не обеспечивается равенство граждан и организаций перед законом;
- 2) недостаточное качественное развитие гражданских обществ;
- 3) увеличиваются корыстные побуждения граждан, что приводит к действиям направленным не на удовлетворения общих интересов, а на получение прибыли незаконным путем с помощью гражданских объединений;
- 4) ухудшаются взаимосвязи между родственными гражданскими объединениями и усиливается их отдаленность от всего общества, а так же ухудшается результат деятельности данных объединений;
- 5) проблема коррупции во взаимоотношениях между гражданским обществом и властями;
- 6) отсутствие твердого экономического фундамента для гражданских обществ;
- 7) расплывчатость и двусмысленность российского законодательства

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.: с учетом поправок, внес. законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 дек. 2008 г.
2. № 6-ФКЗ, 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ]; Рос. газ., 21.01.2009.
3. Гегель Г.В. Ф. Философия права. М., 1990 С. 225.
4. Хлопин А.Д. Гражданское общество в России: идеология, утопия, реальность // Pro et Contra. 2002. № 1. С.137.
5. Чичерин Б. Н. Философия права. М., 1990. С. 260.
6. Энкарнасьон О.Г. Миссионеры Токвиля. Пропаганда гражданского общества и поддержка демократии // URL: http://old.russ.ru/politics/meta/20010220_toc.html
7. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47480>
8. Выступление Владимира Путина перед доверенными лицами 12 февраля 2004 г. // URL: <http://www.putin2004.ru/shtab/dover/402C6917.html>
9. http://nicbar.ru/lekziya13.htm#_ftn8

8) ставится под сомнение свобода слова и прессы — через различные формы давления на средства массовой информации, неугодные властям.

Мы считаем, что общество в современной России пока что нельзя точно назвать гражданским, так как оно является неким объектом манипуляции со стороны государства.

Становлению именно гражданского общества могут содействовать ряд факторов, которые мы предлагаем:

- 1) реальное признание гражданских, политических и социальных прав всего населения;
- 2) улучшение качества образования и его доступности, а также перенаправление его с интровертного характера на экстравертный;
- 3) развитие системы доверия между обществом и государством, но также усиление наказания за преступления в сфере гражданских объединений;
- 4) деятельность средств массовой информации в условиях свободы и плюрализма;
- 5) финансовая поддержка политических объединений;
- 6) создание более точной и упрощенной законодательной базы;

В конце нам хотелось бы подвести итог и обозначить перспективу становления гражданского общества в современной России. У российского общества однозначно существуют трудности, не позволяющие назвать его с точностью на сто процентов гражданским: здесь и излишняя подконтрольность государству, и отсутствие экономической основы для него, и ограниченность частной жизни граждан, и отсутствие необходимого качественного развития, и т.д. — , однако в сравнении с прошлыми периодами истории России общество в ней достигает новых величин, усложняется, увеличивает количество сторон жизни государство, в которых оно участвует. Все это показывает потенциал и перспективу становления гражданского общества в России, однако не без помощи государства и при исправлении названных нами выше проблем. Гражданское общество имеет закономерную возможность на существование в нашей стране, и оно будет существовать.

Технологические инновации в сферах оказания юридических услуг и юридической помощи

Мальчиков Никита Алексеевич, магистрант
Хакасский государственный университет имени Н.Ф. Катанова (г. Абакан)

В данной статье определены основные факторы определяющие развитие рынка юридических услуг, проанализированы и сгруппированы технологические инновации применимые к сферам юридических услуг и юридической помощи. Определены обстоятельства оказывающие негативное влияние на процесс внедрения технологических инноваций в сферу юридической помощи и юридических услуг.

Ключевые слова: проблемы развития рынка юридических услуг, юридические боты, юридические IT-платформы, технологические инновации в юридической сфере

This article identifies the main factors determining the development of the legal services market, analyzed and grouped the technological innovations applicable to the spheres of legal services and legal assistance. The circumstances that have a negative impact on the process of introduction of technological innovations in the spheres of legal assistance and legal services are determined.

Keywords: legal tech; problems of development of the legal services market; legal bots; legal IT-platforms; technological innovations in the legal field

Сфера юридических услуг является, одной из самых неподверженных инновационному влиянию. Но все же, кардинальные изменения в сфере коммуникаций, нарастание процессов глобализации, непрерывное развитие информационных технологий меняют экономическую конъюнктуру рынка, заставляя организации, ведущие деятельность по оказанию коммерческих услуг в области права, соответствовать требованиям времени. Основными факторами, определяющими развитие рынка юридических услуг являются:

- Legal tech (юридические технологии, в том числе технологические инновации в юридической сфере);
- Законодательные изменения, в том числе повышающие требования к оказываемым услугам;
- Способ поиска потребителями организаций, оказывающих юридические услуги;
- Повышение конкуренции и появление новых видов оказания юридических услуг.

Сфера юридической помощи еще более невосприимчива к инновациям, в первую очередь технологическим. Факторов, влияющих на развитие и видоизменение этой

сферы, по сравнению со сферой юридических услуг, значительно меньше. В первую очередь, это связано с тем, что юридическая помощь, как сказано выше, является прерогативой и обязательством государства перед ее гражданами. Государственные аппараты исполнительной и законодательной власти Российской Федерации являются весьма неповоротливыми и медлительными механизмами, соответственно даже проведению реноваций в сфере юридической помощи, не говоря о внедрении каких-либо инноваций в эту сферу, должна предшествовать масштабная работа по разработке сопутствующей нормативно-правовой базы и законодательного закрепления всех аспектов внедряемых изменений.

Рассмотреть и проанализировать все, или даже большую часть, инноваций внедряемых в последнее время в сферы юридических услуг и юридической помощи, в рамках данной статьи, не представляется возможным. Поэтому существует необходимость выделить и рассмотреть основные и наиболее значимые (по мнению автора) инновации. Схематично виды инноваций можно представить в следующем виде:

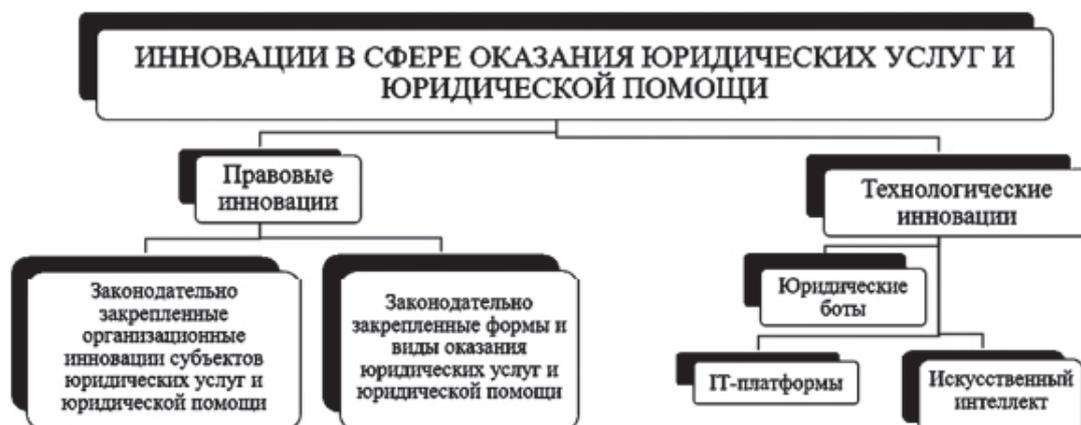

Рис. 1. Общая схема инноваций в юридической сфере

Юридические IT-платформы. В широком смысле это некий комплекс, состоящий из разрабатываемого уникального прикладного программного обеспечения и каких-либо надстроек к имеющемуся системному программному обеспечению. Предназначение юридических IT-платформ, состоит в том, что они позволяют пользователю автоматизировать обрабатываемые информационные потоки, сокращая время необходимое для выполнения рутинных, однотипных задач. Чем сложнее IT-платформа, тем большее количество атипичных задач она автоматизирует. Примерами простых юридических IT-платформ могут служить повсеместно распространенные в Российской Федерации СПС «Консультант+» и «Гарант», используемые как в предоставлении юридических услуг, так и при оказании юридической помощи.

Юридические боты (англ. bot сокращенно от robot) представляют собой специальные программы, реализованные в какой-либо программируемой среде. Обычно боты используются для выполнения однотипной и повторяемой задачи с максимальной скоростью. Для юридических ботов характерно наличие четких и определенных границ задач, и условий их выполнения, с малым количеством вариаций семантики исходных данных, предоставляемых пользователем. Наличие взаимодействия с пользователем, также является отличительным признаком юридического бота, для бесплатных юридических консультаций. На момент проведения данного исследования все виды юридических ботов можно сгруппировать в две основные категории:

— Боты, по сути, представляющие справочный интерфейс к базе данных, в которой хранятся семантические связи запросов и ответов. Основное отличие таких ботов от приведенной выше СПС «Консультант+» состоит в том, что интерфейс СПС позволяет пользователю получить информацию из базы данных, только в случае точного совпадения запроса с имеющейся в базе информацией. А юридическому боту необходимо учитывать намного большее количество семантических вариаций запроса пользователя для соотношения запрашиваемой информации с предоставляемой из базы данных. В качестве примера можно привести проект «Pravogubot» в мессенджере «Telegram», «Pravogubot» анализирует поступивший от пользователя запрос и соотносит его с информацией о деятельности и специализации указанной профессиональными юристами — участниками данного проекта, после анализа местоположения пользователя, программа предложит специалиста, наиболее подходящего запросу пользователю.

— Боты, работающие через интерфейс взаимодействия с пользователем на базе запрограммированных шаблонов опроса. Такие боты используются для составления каких-либо документов правового характера. Ярким и, пожалуй, самым успешным примером может служить сервис DoNotPay.co.uk, [1] этот бесплатный сервис разработал британский студент Joshua Browder, запуск сервиса произошел в августе 2015, тогда же появились первые пользователи. [2] Данный сервис позволяет водителям автомобилей,

получившим штраф за неправильную парковку, выбрать один из представленных 12 аргументов в свою защиту, затем ввести данные в соответствующие поля формы и отправить, в электронном виде, апелляцию, созданную посредством выполнения алгоритма сервиса, в соответствующий орган государственной власти. Время составления апелляции составляет, по словам разработчика, менее минуты, и шанс на успешную апелляцию около 64%. В данном случае несмотря на статистику, эта инновация достаточно востребована, так как суммы штрафов небольшие, и обращение к профессиональным юристам не даст экономического эффекта. Существует и российская версия описанного выше юридического бота — AutoLawyerBot созданный юристом компании «ГлавСтрахКонтроль» Алексеем Борцовым. Используя исходные данные, предоставленные пользователем, бот автоматически генерирует претензию в страховую компанию по неприменению скидки водителя по ОСАГО (бонус-малус). Учитывая сложившуюся практику, претензий, созданных посредством стандартных алгоритмов, используемых ботом, для страховых компаний достаточно. Так же можно отметить еще один российский юридический сервис FreshDoc.ru, но в отличие от рассмотренных выше, данный сервис является платным. Используя такую программу можно составить типовые документы правового характера, например, составить жалобу в Российский союз автостраховщиков или создать претензию о возмещении ущерба от ДТП в страховую компанию.

Искусственный интеллект в юридической сфере. Основным отличием программ, использующих алгоритмы искусственного интеллекта, применительно к юридической сфере, является наличие элементов самообучения, что предполагает отсутствие необходимости вносить большое количество семантических связей запросов и соответствующих алгоритмов поиска в базу данных. Системы искусственного интеллекта создаются, преимущественно, в странах с англо-американской правовой моделью, в которых прецедентная правовая система предполагает наличие необходимости анализа большого количества данных. В качестве примера можно отметить программный комплекс «ROSS», [3] использующий когнитивные алгоритмы IBM WATSON. Данная система была внедрена в нью-йоркскую юридическую компанию Baker&Hostetler, занимающуюся делами о банкротстве. Работа с такой системой заключается в том, что пользователь формулирует вопрос по юридической тематике, а система искусственного интеллекта начинает поиск во всех существующих электронных базах данных законодательства, затем «ROSS» самостоятельно формулирует ответ и даёт выборку из проанализированных судебных решений, которые могут использоваться в качестве источника прецедента и правовых норм. Также «ROSS» отслеживает изменения законодательства и новые прецеденты, чтобы уведомить пользователя, в случае если новая информация относится к пользовательскому запросу. В Российской Федерации искусственный интеллект в юридической сфере был реализован ПАО «Сбербанк». Данный проект стартовал

в конце 2016 года, и заменит профессиональных юристов, занимающихся исками к физическим лицам-должникам к середине 2017 года. [4] Разумеется, что передать абсолютно все правовые документы в ведение искусственного интеллекта не получится, речь может вестись только о типовых документах и рутинной работе, ранее выполненной штатными сотрудниками.

Рассматривая инновации в сфере оказания юридических услуг и юридической помощи, нельзя пропустить инновации в судебной системе РФ, хотя это и не в полной мере относится к тематике проводимого исследования. Вкратце можно отметить, что с начала 2017 года начал действовать новый, утвержденный Верховным Судом Российской Федерации, порядок подачи документов в электронном виде [5] (далее по тексту — новый порядок). В июне 2016 года в КАС, УПК и ГК были внесены изменения предусматривающие электронный способ подачи документов в суд. Можно привести некоторые отличия, предусмотренные новым порядком. Для гражданских, административных и уголовных дел появилась возможность подать документы в цифровом варианте. Правда теперь необходимо заверять подаваемые документы «усиленной квалифицированной электронной подписью», ранее документы в электронном виде принимались лишь в виде сканированных бумажных оригиналов. Также появилась возможность представления электронного образа документа в виде полноцветного изображения, ранее предусматривалось представление только черных-белых цифровых версий оригинальных бумажных документов. Физическое лицо для подачи документов в электронном виде, должно самостоятельно зарегистрироваться в «Личном кабинете» информационной системе официального сайта Верховного Суда. Представитель физического лица так же должен использовать «Личный кабинет», только зарегистрированный на свое имя, для представителей нет ограничения на количество представляемых физических и юридических лиц. Еще одной особенностью нового порядка будет требование к формату представляемых файлов. Для текстовых файлов это форматы различных версий MS Office — «*.doc, *.docx, *.xls, *.xlsx, *.rtf», и открытые форматы файла «*.odt и *.pdf», для графических файлов форматы — «*.jpeg (*.jpg), *.png, *.tiff *.pdf». Это позволяет подателю документов использовать как коммерческое лицензионное, так и открытое бесплатное программное обеспечение.

Внедрение технологических инноваций в сферу юридической помощи и юридических услуг в Российской Федерации на данный момент идет исключительно медленно. Сейчас по сути, деятельность профессионального

юриста заключается в анализе большого количества нормативно правовых актов и последующее, на основе проанализированного, составление документов правового характера или консультирование. Но все же автоматизация обработки информационных потоков постепенно начинает применяться и в юридической сфере. Создание документов на основе сконструированных шаблонов печатных форм для России давно не является инновацией. Предшественниками рассмотренных выше юридических ботов являются, существующие и на сегодняшний день, многочисленные программы, представляющие собой конструкторы документов, работающие на удаленном сервере. Простейшим примером будет, созданная с помощью Microsoft Word, печатная форма, которая, посредством выполнения встроенных макросов, может взаимодействовать с какой-либо электронной картой, для создания документов правового характера.

Для процесса развития деятельности по оказанию юридических услуг в Российской Федерации и внедрения каких-либо технологических инноваций, а такую деятельность, характерно наличие множества факторов, оказывающих тормозящий эффект. Основным фактором можно отметить весьма скромный размер рынка юридических услуг, а также крайнюю дешевизну предоставляемых услуг, что значительно снижает заинтересованность субъектов юридических услуг во внедрении каких-либо инноваций в свою деятельность. На западном и европейских рынках ситуация противоположна: стоимость услуг профессиональных юристов очень высока, далеко не каждый может позволить себе нанять защитника или представителя для участия в судебных процедурах. Такое положение дел стимулирует инновационное развитие юридической сферы.

Еще один тормозящий фактор в России — законодательные ограничения, которые в силу бюрократической составляющей российской законодательной власти, находятся в состоянии постоянного запаздывания за мировыми тенденциями в сферах юридических услуг и юридической помощи. Также негативное влияние оказывает отсутствие электронных массивов информации по судам, что приводит к невозможности программного анализа, имеющаяся система ГАС «Правосудие» позволяет проводить лишь поштучный, ручной анализ.

В заключении хотелось бы отметить, что несмотря на вышесказанное, согласно полученным в ходе проводимого исследования данным, legal tech в Российской Федерации постепенно набирают обороты, и в ближайшие годы может значительно изменить сложившуюся ситуацию в сферах юридических услуг и юридической помощи.

Литература:

1. The World's First Robot Lawyer [сайт] URL: <http://www.donotpay.co.uk/signup.php> (дата обращения 10.05.2017).
2. DailyMail Online [сайт] <http://www.dailymail.co.uk/news/article-3341645/The-18-year-old-student-saved-British-drivers-2MILLION-just-four-months-Teenager-sets-free-appeals-website-bedroom-overturnd-30-000-parking-fines-already.html> (дата обращения 10.5.2017).
3. Rossintelligence [сайт] <http://www.rossintelligence.com/> (дата обращения 12.05.2017).

4. Гайдаровский форум РАНХиГС [сайт] http://gaidarforum.ru/upload/iblock/19f/28_03_2017_foreign_press_clippings_gf2017.pdf. (дата обращения 12.05.2017).
5. Порядок подачи в Верховный Суд Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа: утв. приказом Председателя Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 46-П: Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс] www.consultant.ru [сайт] // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 23.05.2017).
6. Проект доклада о результатах деятельности Минюста России за 2016 год: Официальный сайт Министерства юстиции РФ [Эл. ресурс] URL: <http://minjust.ru/ru/osnovnye-itogi-deyatelnosti-ministerstva-yusticii> (дата обращения 29.04.2017).
7. Официальный сайт Министерства юстиции РФ [Эл.ресурс] URL <http://minjust.ru/ru/press/news/minyustom-gossii-gazrobotan-proekt-konceptcii-regulirovaniya-gynka-professionalnoy> (дата обращения 30.04.2017).
8. Бабанов А. Ю. Управление инновационной деятельностью в российской федерации. Механизмы правового регулирования. / А. Ю. Бабанов // Научный альманах — Тамбов: Издательство: ООО «Консалтинговая компания Юком», — 2016 г. — № 2–3. — С. 275–280
9. Грибанов Д. В. Информационно-правовая природа инноваций. / Д. В. Грибанов // Общественные науки — М.: Издательство: Автономная некоммерческая организация «Международный исследовательский институт», — 2016 г. — № 1. — С. 251–263.
10. Нестеренко А. К., Бондаренко Ю. А. Прорывные технологии — готовы ли к ним корпоративные юристы? / А. К. Нестеренко, Ю. А. Бондаренко // Закон. — М.: Издательство: ООО «Редакция журнала «Закон», — 2016 г. — С. 114–121

Эвтаназия, или Право на смерть: проблемы регламентации и реализации

Симонова Марина Анатольевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель;

Сурогина Екатерина Николаевна, курсант

Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России

В современном социуме, где права человека признаны высшей ценностью, являются неотчуждаемыми и первостепенными, юридически закрепленными в законодательстве наиболее прогрессивных стран мира, открытым остается дискуссионный вопрос, касающийся права на смерть.

Права человека присущи каждому индивиду, независимо от принадлежности его к определенной нации, стране, расе, независимо от гендерной принадлежности, а также религии, которую он исповедует. Все люди в равной мере обладают естественными правами человека, элиминируя разного рода дискриминацию, а также на находятся на одинаковом правовом уровне в социуме, претендуют на равную защиту этих прав, и должны нести соответствующие наказание за нарушение прав других индивидов. Эти права взаимосвязаны, взаимозависимы неотчуждаемы и неделимы. [1].

В статье третьей Всеобщей декларации прав человека закреплено такое право человека, как право на жизнь. Если исходить из определения прав человека, то возникает вопрос почему человек, права которого являются неотчуждаемыми, данными ему при рождении, имея право на жизнь не может распоряжаться тем, как её закончить.

Данный проблемный вопрос является одним актуальных и обсуждаемых в мировом сообществе, так как проблема возможности практического применения эвтаназии, религиозная сторона вопроса затрагивает международное право в целом и права человека, в частности.

На данном этапе развития общества человек имеет право вне зависимости от окружающих обстоятельств принимать решение по завершению своей жизни, то есть ему принадлежит право «на смерть», данное понятие представляет собой единицу неформально используемой терминологии, для обозначения одного из казусных аспектов международного законодательства и применения его на практики в частных случаях.

В современном законодательстве данное право нашло свое отражение в термине «эвтаназия». Эвтаназия — это помощь в прекращении жизни безнадежно больного человека из сострадания. Однако на деле речь не обязательно идет об убийстве — гораздо чаще подразумевается предоставление пациенту возможности умереть самостоятельно, с достоинством (например, рецепт на смертельную дозу обезболивающего препарата). [2]

Вопросы эвтаназии широко дискутируются в международном праве, но лишь в минимальном перечне стран официально разрешена данная процедура: к ним относятся страны Бенилюкса: Бельгия, Голландия, Швейцария, несколько штатов США, Канада, Люксембург.

Так же стоит обратить внимание на перечень стран Европы, где эвтаназия прямо не разрешена законом, но и нет негативных санкций за ее применение, к таким странам относятся: Германия, Испания, Франция, Албания, Израиль [3]

На современном этапе наблюдается тенденция либерализации и гуманизации позитивного права, но, несмотря на это, большинство стран все же придерживается мнения невозможности закрепления эвтаназии на законодательном уровне, так как она противоречит не только религиозным канонам, но и природе человека в целом, одной из таких стран является Российская Федерация. Несмотря на законодательный запрет эвтаназии в нашей стране, существуют определенные коллизии в праве, к ним относятся статьи 45 и 33 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» № 323, в которых регламентируется отказ граждан от врачебного вмешательства, такие действия (бездействия) гражданина можно отнести к категории пассивной эвтаназии. Согласно статье 139 ФЗ № 98042437–2 «О здравоохранении в Российской Федерации». Пациент или его законный представитель имеет право отказаться от оказания медицинской помощи или потребовать ее прекращения [4]

Противниками эвтаназии выступают религиозные объединения и различные международные сообщества по защите «жизни», они исходят из тех соображений, что жизнь дана человеку при рождении и он обязан её пройти до конца.

Так же я не могу не привести в пример — Бито Ласло — учёного с мировым именем, профессора медицинских наук, философа и литератора, он раскрыл эвтаназию в различных аспектах мирового права, религии, философии в своём произведении — «Эвтаназия? Эвтелия! Счастливая жизнь — благая смерть» [5]

Рассматривая этот дискуссионный вопрос, необходимо отметить, что немало правоведов и известных врачей считают эвтаназию правом человека, одним из сторонников эвтаназии является писатель, философ, политический деятель Артур Кестлер, в 70-х годах, он был выдвинут на должность «вице президента» течения по легализации эвтаназии, он считал, что право на «достойный уход» из жизни должен иметь каждый человек.

Ещё одним из сторонников эвтаназии является детский хирург Станислав Яковлевич Долецкий, он убежден в том, что: «эвтаназия — это милосердие и благо». «Вы видели когда-нибудь страшные мучения и боли, которые приходится терпеть множеству больных раком, инсультами и парализованным? Вы видели когда-нибудь муки родителей, вынужденных месяцами, годами, десятилетиями ухаживать за детьми, у которых атрофировалась ЦНС? Вы видели, вы чувствовали боль матерей, у которых родился ребенок с неизлечимой патологией? Если да, вы поймете меня. Борьба за жизнь пациента справедлива только в том случае, если существует надежда, что спасение возможно» [6].

По нашему мнению, позиция Станислава Яковлевича Долецкого является неоднозначной, но во многом правильной, в человеке изначально на генном уровне заложены инстинкты самосохранения, так что дееспособный человек не сможет принять решение об эвтаназии, но существуют ситуации, когда боль настолько невыносима, что заглушает даже наши природные инстинкты. Осознавая, укрепляя и утверждая свои права, человек будет бороться за возможность реализации права на смерть. По данным статистике сторонниками эвтаназии является 75 процентов граждан в нашей стране, этот показатель предрасполагает будущую почву для новых правовых введений в законодательство, рассматривая данный вопрос в широком смысле, можно проследить закономерности — медицина и наука больше склоняется к официальному закреплению данного права человека, но философия и религия притормаживают данные нововведения в законодательстве большинства стран мира, возможно в будущем мы сможем дать однозначный ответ на проблемный вопрос закрепления эвтаназии в законодательстве большинства стран мира, но на данном этапе менталитет современного общества не подготовлен к глобальным изменениям по вопросам эвтаназии.

Литература:

1. Всеобщая декларация прав человека. Принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1948 года.
2. Декларация об эвтаназии. Принята 39-й Всемирной медицинской ассамблеей, Мадрид, октябрь 1987.
3. Лиссабонская декларация о правах пациента. Принята 34-й Всемирной Медицинской Ассамблеей, Лиссабон, Португалия сентябрь — октябрь 1981.
4. Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан (утв. ВС РФ 22.07.1993 № 5487-1) (ред. от 27.12.2009).
5. Ласло Бито. Эвтаназия? Эвтелия! Счастливая жизнь — Богатая смерть! Изд-во Энигма, 2006.
6. Тасаков С. В. Запрет эвтаназии унижает человеческое достоинство // Российская юстиция. — 2009. — № 2.
7. Постановление пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) (в ред. ППВС РФ от 06.02.2007 № 7).
8. Конституция РФ (от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).
9. Венецианская декларация о терминальных состояниях. Принята 35-й Всемирной Медицинской Ассамблеей, Венеция, Италия, октябрь, 1983.
10. Капинус О. С. Эвтаназия как социально-правовое явление / О. С. Капинус. — М., 2006. — 402 с.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Михаил Михайлович Сперанский — звезда отечественной юриспруденции

Наумова Наталья Валерьевна, кандидат педагогических наук, доцент;

Кириллова Татьяна Александровна, студент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Владимирский филиал

В статье рассматривается деятельность М. М. Сперанского в процессе подготовки и проведения реформ в России. Раскрывается значение деятельности российского реформатора в деле укрепления отечественной государственности и права, развития российского конституционализма, правозаконности и правосознания.

Ключевые слова: наследие Сперанского, реформа, проект, законодательство, Россия.

The article examines the activities of M. M. Speransky in the process of preparing and carrying out reforms in Russia. The significance of the activity of the Russian reformer in strengthening the national statehood and law, the development of Russian constitutionalism, the rule of law and sense of justice are revealed.

Keywords: heritage Speransky, reform, project, legislation, Russia.

Михаил Михайлович Сперанский (1772–1839), член Государственного совета, действительный тайный советник, полный кавалер высших российских орденов — один из самых выдающихся государственных деятелей России. Реформатор, непревзойденный основатель российской правовой науки и «законоведческого» образования, создатель русской юридической терминологии. [1, с. 47]

Михаил Михайлович внёс неоценимый вклад в процесс развития политической и правовой науки России. Полное Собрание Законов и Свод законов Российской Империи венчают его жизнь, отмеченную и почестями, и преследованиями. Внушительное интеллектуальное наследие Сперанского, его безудержная и добросовестная деятельность в государственной сфере не входят только в границы позапрошлого века.

Вместе с тем, надо констатировать, что кодификационная работа Сперанского содержала пробы многих правлений систематизировать национальное законодательство.

Благодаря М. М. Сперанскому законы были приведены в действие. Русские юристы получили возможность зафиксировать в Собрании законов последовательный исторический прогресс той или иной правовой формы, а в Своде законов получить руководство для практической деятельности. Конечно же, это дало шанс и толчок совершенствованию юридического образования, так как появился объект практического изучения — русское право. Вместе с тем, систематизирование законодательства послужило и усовершенствованию юридической науки в России как предмета научного исследования.

Высшей формой кодификации М. М. Сперанский полагал создание «уложений». Понятие уложения не оставалось у Сперанского постоянным в течение всей жизни, оно развивалось вместе с изменением общих понятий его

правового видения. Во время деятельности в Комиссии составления законов для кодификационной политики Сперанскому было свойственно увлечение априорно-рациональными приемами упорядочения законодательства, что нашло свое отражение в его представлении уложения. Впоследствии во второй период своей кодификационной деятельности Михаил Михайлович уже не связывал с понятием уложения политического значения как первой «деятельной силы конституции» и в представляемых Сперанским способах составления уложения заметно уже больше предусмотрительности и меньше оторванности. [2, с. 86]

Задачей любого государства, отмечал М. М. Сперанский, является гарантия безопасности личности, собственности и чести каждого гражданина. Изначально имелись только тиранический труд правительства, воле и усмотрению которых народ предоставил правила достижения этой цели. После чего инициировались эксперименты народа признать коренные законы, что назвали «конституция». Однако же, конституция остаётся пустой теорией, если у законодательной власти не хватит сил вынудить исполнительную власть смириться с конституцией. Суть дела состоит в том, как предположил Сперанский, что всякое правительство стремится к самодержавию и для достижения этой цели ослабляет народ, делит его на борющиеся между собой классы по принципу «разделяй и властвуй». В этих условиях тщетно писать конституции, не обеспечив их выполнение действенной государственной силой.

Служба в Негласном комитете подготовила Михаила Михайловича к работе по введению государственно-правовых и общественных преобразований в стране. В 1803 году Сперанский изложил своё видение судебной системы в специальном документе. «Записка об устройстве

правительственных и судебных учреждений в России» отражала поэтапное ограничение самодержавия, переход России к Конституционной монархии, усиление роли среднего класса. Так, реформатор призывал принимать во внимание угрозу повторения в России французской революции. Не допустить построения силовых сценариев в России и ослабить самодержавие в стране — в этом заключалась реформаторская инициатива М. М. Сперанского.

В политических новациях реформаторская деятельность М. М. Сперанского сходилась к нескольким пунктам, дающим стране возможность стать правовым государством. Александр I в целом одобрил «Записку...». Созданный им совет принялся выработать детальный план новых модификаций, положивший начало реформаторской деятельности М. М. Сперанского. Замыслы первоначального проекта неоднократно осуждались и подвергались корректировке.

Общий план был выстроен в 1809 году и его ключевые концепции включали в себя следующие аспекты:

Во-первых, управлять Российской Империей должны три ветви государственной власти: законодательная власть должна находиться в руках новосозданного выборного учреждения; движущие силы исполнительной власти относятся к профильным министерствам, а судебная власть находится под контролем Сената.

Во-вторых, преобразовательная работа М. М. Сперанского положила начало экзистенции еще одного органа государственной власти. Он должен был иметь название Совещательного совета и его формирование должно быть вне основных ветвей власти. Служащие данного учреждения в соответствии с этим должны обсуждать различные законопроекты, учитывать их основательность и вменяемость. Если Совещательный совет будет ЗА — исключительное решение будет принято в Думе.

В-третьих, целью преобразовательной деятельности Сперанского было разделение всех жителей Российской империи на три больших сословия — дворянство, средний класс и рабочие люди.

Тогда в управлении страной принимали участие только представители высших и средних слоёв. Класс имущих наделялся правом голосования, избрания в различные органы власти. Рабочий люд обладал только общими гражданскими правами. При накоплении крестьянами и рабочими личной собственности они могли перейти в имущественные классы — для начала в купечество, а затем, возможно, и во дворянство.

И главное, Дума являлась законодательной властью в стране. Новый механизм выборов возник как результат реформаторской деятельности М. Сперанского. Выборы депутатов проходили в четыре ступени: сначала избирались представители волостей, а уже они устанавливали состав окружных дум. Третьим этапом проходили выборы в законодательный совет губерний. Но право принимать участие в выборах в Государственную Думу наделялись только депутаты губернских дум. Руководитель

Государственной Думы мог быть лишь назначенный монархом канцлер.

Данные краткие положения — основные результаты кропотливой работы, которая пробудила к жизни преобразовательную деятельность М. М. Сперанского. Краткое содержание его записки переросло в многолетний, поэтапно разработанный план преобразования страны в современную державу.

Император Александр I, боясь революционных движений, принял решение о выполнении поэтапного плана, чтобы не было стальных волнений в российском обществе. Работы по усовершенствованию государственной машины предлагалось осуществлять на протяжении определенного периода. Окончательным этапом должна была стать отмена крепостного права и становление в России конституционной монархии. [3, с. 124]

Первым шагом на пути преобразования было обнародование манифеста о создании Государственного совета, нового органа государственной власти. Краткое содержание Манифеста сводилось к следующему:

- все проекты, направленные на принятие новых законов, должны быть рассмотрены представителями Государственного совета;
- совет оценивал содержание и разумность новых законов оценивал возможность их принятия и реализации;
- члены Государственного совета должны были принимать участие в работы профильных министерств и вносить предложения по рациональному использованию денежных средств.

В 1811 году инновационная деятельность Михаила Михайловича привела к появлению проекта Уложения Правительствующего Сената. Данный пакет документов должен был стать следующим этапом политических реформ в стране. Разделение ветвей власти предусматривало, что весь Сенат разделится на Правительствующую и Судебную ветвь. Однако этому не суждено было свершиться.

По поручению Александра I Михаил Михайлович Сперанский разрабатывал новые проекты финансовых и экономических реформ, которые предусматривали ограничение расходов казны и увлечение налогов для дворянства. Данные проекты и сам новатор подверглись серьезной критике сенаторов, министров и других высших сановников.

Желание предоставить крестьянам равные гражданские права с остальным народом, спровоцировало в стране множество возмущений, поэтому Александр I был вынужден свернуть проект реформ и отправить Сперанского в отставку. Михаил Михайлович был отправлен на поселение в Пермь и прожил там остаток жизни на скромную пенсию бывшего чиновника.

Это был «удар властью», «властью самодержавия».

Нельзя отрицать значимость проектов, которым дала начало реформаторская деятельность М. М. Сперанского, результаты работы которого стали основой для коренных

изменений в структуре российского общества в середине XIX века.

Государственная деятельность Сперанского постоянно привлекала внимание отечественных исследователей — как юристов, так и историков, особенно дореволюционных. Тем не менее, её оценки во многом предопределялись собственными политико-правовыми воззрениями критиков. Неоднозначно освещаются взгляды Сперанского и сейчас.

Изучение и реализация наследия М. М. Сперанского приобретает сегодня новый вектор, особенно в вопросе возрождения Российской государственности на конституционных принципах, реформированию всей системы законодательства, развитию правосознания.

Во время вручения Всероссийской правовой премии имени Михаила Сперанского состоявшейся во Владимирской области 9 ноября 2015 года в рамках традиционных «Сперанских чтений», губернатор области Светлана Юрьевна Орлова отметила, что «нынешнее государственное устройство России — результат воплощения в жизнь наследия великих правоведов Отечества, в том числе и Сперанского: разделение властей двухпалатный

парламент всеобщее избирательное право, развитие института суда присяжных и многое другое. Сегодня актуальная основная идея Сперанского — верховенство закона в государстве. Он отмечал, что только законы дают качественный толчок развитию общества. Только законность и правопорядок могут по-настоящему сплотить народ в единое общество и стать идеальным фундаментом прогрессивного и гуманного государственного слоя в нашей стране».

Во Владимирской области идет активное развитие фонда некоммерческих программ имени М. М. Сперанского, разработка программ и конкурсов, направленных на пропаганду личности и его непосредственной деятельности. Изучение его личности активно занимаются правоведы не только нашей области. Как пример, улица Сперанского открывается не только в г. Владимир, но и в г. Санкт-Петербург.

Наследие Михаил Михайловича Сперанского в сфере юриспруденции — это великое достояние России, которое необходимо тщательно изучать и претворять в жизнь.

Михаил Михайлович по праву является **ЗВЕЗДОЙ** отечественной юриспруденции.

Литература:

1. Дмитриев О. Сперанский и его государственная деятельность (1772–1839 гг.) // Юность. 1996. — № 7. — С. 70–80.
2. Корф М. А. О воспоминаниях г. Булгарина касательно гр. М. М. Сперанского // Русский инвалид. 1848. — № 138.
3. Макеева Г. Д. Сперанский и другие: Роман о первой русской перестройке // Г. Макеева. — М.: Моск. рабочий, 1990. — 206 с.
4. Чибиряев, С. А. Великий русский реформатор. Жизнь, деятельность, политические взгляды М. М. Сперанского / С. А. Чибиряев. — Москва: Воскресенье, 1993. — 238 с.
5. Сперанский, М. М. Избранное / Михаил Михайлович Сперанский; сост., авт. вступ. ст. и коммент. В. С. Парсамов; Ин-т обществ. мысли. — Москва: РОССПЭН, 2010. — 776 с. — (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века).

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

«Благая смерть», или Практика применения эвтаназии в мире

Избасарова Асель Бектургановна, магистр юридических наук, старший преподаватель
Казахско-Русский международный университет (г. Актобе)

Впервые вопрос о легализации эвтаназии поднял в своей книге «Право умереть», вышедшей в Германии в 1895 году, Йорст. В 1920-м вышла другая книга адвоката Биндинга «Гарантировать выдачу разрешения на прекращение недостойной жизни». В качестве аргумента авторы оперировали такими понятиями, как милосердие, недостойный образ жизни при тяжелых заболеваниях, экономия финансов. Германия в те годы уже готовилась к войне, и стране нужны были деньги на вооружение.

Конец 50-х годов потряс скандал вокруг имени американского врача-патологоанатома Джека Кеворкяна по прозвищу Доктор Смерть. Он убеждал, что врачи имеют право помочь безнадежно больным людям покинуть этот мир, и даже изобрел специальный аппарат, с помощью которого пациент нажатием кнопки сам ставит точку на своей жизни. В течение 25 лет Д. Кеворкян помог отправиться на тот свет 130 больным. В течение длительного времени суды то оправдывали, то выносили Кеворкяну обвинительный приговор. И только в 1990 году ему определили пожизненное заключение.

В 1974-м в США вышел манифест в защиту эвтаназии, подписанный более чем 40 известными людьми, в их числе — лауреаты Нобелевской премии. По их мнению, требовать от больных жить против их воли бесчеловечно: «Каждый человек имеет право достойно жить и достойно умереть».

По этому вопросу нередко возникают споры между самими медиками. Американский философ Дж. Рейгелс выступил против Американской медицинской ассоциации, расценивающей эвтаназию как действие, противоречащее предназначению врача. Он утверждает, что, если больной в сознании и понимает, что его дни сочтены, что никакое лечение не поможет, если больной не может терпеть боли и сам просит ускорить смерть, врач имеет право пойти на встречу пациенту. По мнению Рейгелса, смертельная инъекция более гуманна, поскольку прекращает страдания человека.

Некоторые ученые побаиваются, что легализация эвтаназии притормозит разработку новых технологий лечения опасных заболеваний. Между тем, как пишет Международный медицинский журнал, 40 процентов

смертей больных наступает в результате активной или пассивной эвтаназии. [1]

Закон США признает за совершеннолетним человеком право не использовать или прерывать терапию поддержания жизни в случае экстремальных обстоятельств. В штате Орегон в ходе референдума 1997 года 60 процентов населения не поддержали законопроект о запрете эвтаназии. Это единственный штат, где нет запрета на эвтаназию.

В Канаде в 1974 году Медицинская ассоциация признала практику отказа от бесполезного применения реанимации безнадежных пациентов.

В Голландии добровольная эвтаназия была разрешена в 1984 году. Эвтаназию поддерживают 86 процентов населения. Формально разрешающего закона нет, но врач, помогающий умереть по убедительным основаниям, освобождается от уголовной ответственности.

В Германии политики и представители религии высказались против эвтаназии, однако 64 процента западных немцев и 80 — восточных допускают помощь врачей тяжело больному человеку в его последнем желании.

В Швейцарии закон позволяет врачу выписать по желанию пациента смертельную дозу барбитуратов с условием, что смертельный препарат пациент введет себе сам. Таким способом в стране ежегодно уходят из жизни порядка ста человек.

В Бельгии закон о легализации эвтаназии вступил в силу с 2002 года. Больной должен быть совершеннолетним, безнадежно больным и самолично написать согласие.

В Финляндии и Швеции легальна пассивная эвтаназия. Однако для отказа от поддерживающей терапии требуется волеизъявление пациента. Если пациент находится в бессознательном состоянии, родственники лишены права решать судьбу больного.

В Колумбии в 1997 году Конституционный суд освободил от ответственности врача, выполнившего желание безнадежно больного пациента об уходе из жизни.

Австралийский штат Северные территории в 1997 году признал эвтаназию как гражданское право. Однако вскоре это право было отменено на федеральном уровне.

В Великобритании помощь в самоубийстве наказывается лишением свободы до 14 лет.

Во Франции официально эвтаназия запрещена, но в 2001 году Французский правительственный комитет по этике допустил эвтаназию в исключительных случаях.

В 2004-м правительственная комиссия по законодательству Израиля одобрила законопроект, допускающий убийство из милосердия, пациента разрешено отключать от аппаратов искусственного жизнеобеспечения, если ему осталось жить не более двух недель, и он испытывает мучения.

В Болгарии в 2004 году парламент отклонил законопроект об эвтаназии.

В 2002-м Независимый исследовательский центр России провел опрос среди населения, 20 процентов респондентов не поддержали эвтаназию, 18,7 процента высказались «за». [2]

Литература:

1. РИА Новости <https://ria.ru/spravka/20120330/603582364.html>
2. Виктория Савченко www.Zakon.kz. Уйти по собственному желанию. Почему в Казахстане нет закона об эвтаназии?
3. www.Vavilon. Статистика эвтаназии.

Суверенитет РФ в условиях современной интеграции

Рзаев Натиг Ильясович, магистрант;

Мальцева Оксана Александровна, магистрант

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

В статье рассматривается понятие суверенитета как присущего современному государству свойства, которое, по идее, должно выражаться в верховенстве его власти на собственной территории и независимости от любой внешней власти. Такое представление сложилось в середине XVII в., когда фраза Людовика XIV «Государство — это я» была актуальна для многих стран. Суверенитет тогда носил более или менее абсолютный характер. Сегодня картина иная: верховенство власти государства внутри страны ограничено разделением властей и автономией самоуправляющихся территориальных единиц, а также конституционно признанными правами и свободами человека и гражданина. Независимость государств вовне ограничена участием в международных объединениях и договорами с другими государствами.

Среди тенденций развития конституционного права следует в связи с нашей темой отметить его интернационализацию, которая выражается в заимствовании иностранного опыта в конституционном строительстве, а также в обобщении национальных конституционно-правовых положений в универсальных и региональных международных договорах.

Начавшийся в 1950-е годы процесс экономической, а затем и политической интеграции ряда западноевропейских стран, приведший к созданию Европейского союза (ЕС), в котором ныне состоят 28 государств, имеет одним

Официально в Казахстане запрещена, согласно статье 141 Кодекса о здоровье народа и системе здравоохранения РК от 18 сентября 2009 года, но в стране довольно много сторонников этой процедуры. Каждый год диагноз «раковая опухоль» получают 30 тыс. человек, из них умирают 17 тыс. В последние месяцы жизни многие хотели бы избавиться от мучений с помощью «инъекции смерти». По опросам «Комкон-2 Евразия» 300 человек из Алматы в возрасте старше 16 лет:

64,6% человек считают это процедуру гуманной, по отношению к неизлечимым больным;

33,1% считают возможным предложить подобную помощь своим близким;

22,9% относят это к убийству в разрешенной форме. [3]

из следствий возникновение наднационального права, регулирующего, наряду с международным правом, отношения внутри интеграционного объединения. Наднациональное право занимает как бы промежуточное положение между международным и национальным правом. Возможность интеграции нередко предусматривается национальным конституционным правом последнего времени. Что касается нашей страны, то она, естественно, участвует в экономической интеграции с другими странами, пока что только постсоветскими.

В условиях непростой геополитической ситуации вопросы обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации приобретают особую значимость, актуальность и остроту.

Замечается, что происходит трансформация роли государства. Информационные, финансовые и иные процессы, связанные с глобализацией, сокращают возможности национальных правительств по контролю за внутривнутриполитической ситуацией и управлению ею. Отдельные государства, находясь под усиливающимся воздействием ситуации на мировом рынке, в определенной мере теряют суверенитет над национальной экономикой, все меньше могут влиять на положение в сфере экономики, финансов. Многие функции, ранее выполнявшиеся правительствами, переходят к институтам гражданского общества, транснациональным корпорациям. Национальные

и международные неправительственные политические, экономические, правозащитные и иные организации оказывают растущее влияние на общественное мнение, формирование политики, выработку законов, сами выполняют некоторые властные функции [1, с.5].

Проблематика суверенитета давно приобрела междисциплинарный характер, находит отражение в ряде концепций как политического, так и преимущественно правового характера и во множестве экспертных оценок [2, с.5]. При этом вопросы государственного суверенитета продолжают оставаться до настоящего времени одними из наиболее дискуссионных в праве, что непосредственно обусловлено происходящими в мире разнонаправленными процессами фрагментации и глобализации и неоднозначностью интерпретации термина «суверенитет» [3, с.5].

Так же можно отметить, согласно позиции судьи А. Альвареса, изложенной в особом мнении по делу «пролив Корфу», под суверенитетом понимается вся «совокупность прав и свойств, которыми государство обладает на своей территории вплоть до исключения всех остальных государств, а также в его отношениях с другими государствами. Суверенитет наделяет государства правами и возлагает обязанности». Им же выделялись семь сфер его реализации: сухопутная, морская, речная, озерная, воздушная, полярная и территория плавучих островов [4, с.5].

Ограничение суверенитета возникает в случаях добровольного делегирования государством части своих полномочий в пользу межгосударственного образования, признания юрисдикции наднациональных органов или в случае применения в экстраординарном порядке к государству принудительных мер воздействия со стороны международного сообщества в соответствии с Уставом ООН (п. 2 ст. 7, ст. ст. 39–51), общепризнанными нормами.

В силу ч. 1 ст. 4 Конституции РФ суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию. Данная норма отнюдь не должна толковаться как подразумевающая самоограничение со стороны носителя учредительной власти по сфере распространения государственного суверенитета РФ только физическими границами государства, определенными в ч. 1 ст. 67 Конституции РФ (территории субъектов РФ, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними). Государственный суверенитет с необходимостью распространяется и на идеальные сегменты национальных информационных пространств, которые соединены воедино (за исключением отдельных стран-изгоев, представляющих собой политико-экономические и информационные автаркии) во всемирную информационно-телекоммуникационную сеть Интернет.

В структуре государственного суверенитета присутствует искусственная, на наш взгляд, конструкция, в соответствии с которой некоторые теоретики права выделяют внутренние и внешние аспекты суверенитета. Приверженцы данной точки зрения исходят из неоспариваемой позиции, согласно которой государственный суверенитет рассматривается как верховенство политической

власти и законов внутри страны и за ее пределами, как независимость государства во внешних и верховенство во внутренних делах. Если же рассматривать направленность деятельности и вектор властных полномочий государства, то можно косвенно оценить степень его самостоятельности и полновластия.

В таком ракурсе суверенитет государства внутри страны (внутренний аспект суверенитета) выражается в единстве и распределении государственной власти на все население и общественные организации страны; в общеобязательности решений органов государства для всех, кого они касаются, на территории государства; в прерогативе, т. е. возможности отмены и признания ничтожным любого проявления другой общественной власти [5, с.5].

Суверенитет государства за пределами его территории (внешний аспект суверенитета) проявляется в способности государства выступать полноправным субъектом международного права, самостоятельно формировать и реализовывать внешнюю политику, защищать свою целостность и территориальную неприкосновенность и распространять свою юрисдикцию в пределах экстерриториальности. Внешний суверенитет неразрывно связан с иммунитетом государства от юрисдикции иностранных государств. Это означает, что суверенное государство не подчиняется органам власти иностранных государств.

В терминологической системе теории государственного суверенитета на протяжении длительного времени различают государственный, народный и национальный суверенитет. Несмотря на тесную связь между ними, эти понятия различаются.

Если государственный суверенитет — это выражение сущности верховной и независимой государственной власти, то народный суверенитет следует определять как реальное экономическое, социальное и политическое положение народа, позволяющее ему обладать полновластием в обществе и государстве. Поэтому народный суверенитет определяется как полновластие народа, т. е. обладание народом социально-экономическими и политическими средствами для реального участия в управлении делами общества и государства [6, с. 5].

Некоторые юристы справедливо рассматривают народный суверенитет как качественную сторону власти народа в системной взаимосвязи с принципами конституционного строя. По мнению Б. С. Эбзеева, народный суверенитет есть, скорее, не сама власть, а важнейший организационно-политический и функциональный принцип конституционного строя государства, реализация которого обеспечивает верховенство и полновластие народа [7, с. 6].

Национальный суверенитет — это реальная политическая, социальная, территориальная, культурная, языковая самостоятельность нации, которая проявляется в полноте суверенных прав нации и обеспечивает их наиболее полное осуществление. Суверенная нация самостоятельно решает вопрос о своей национальной организации и национально-государственном устройстве. Она вправе сохранять

и свободно развивать свой язык, обычаи, уклад жизни, соответствующие национальные учреждения.

Народный и национальный суверенитет лежит в основе государственного суверенитета, поскольку именно государственный суверенитет выражает и гарантирует как волю народа в целом, так и каждой нации и народности в отдельности.

В. А. Лебедев и В. В. Киреев справедливо отмечают, что «суверенитет государства представляет собой выраженный особыми политико-правовыми средствами суверенитет народа» [8, с.6]. Поддерживая данную точку зрения, я все же склоняюсь к более реалистичному пониманию взаимосвязи народного и государственного суверенитета. Государственный суверенитет должен быть производен от народного, хотя далеко не всегда его полноценно выражает.

Трактовка государственного суверенитета как формы проявления народного суверенитета имеет следующие основания. Во-первых, государство как особая политическая организация общества призвано выражать волю народа и действовать в его интересах, решать общенародные дела. Подвергая справедливой и нередко острой критике отдельные государственные институты, следует осознавать, что другой организации, способной реализовать национальные интересы в полном объеме, просто не существует. Только государство является официальным представителем всего общества. Во-вторых, именно народ располагает правом формировать аппарат государственной власти и воздействовать на него таким образом, чтобы в случае отклонения деятельности субъектов государственного управления от интересов народа привести ее в соответствие с такими интересами. В-третьих, адекватное выражение

народного суверенитета в суверенитете государства является решающим условием самостоятельности внутренней и внешней политики государства, ее эффективности и прагматизма. Именно независимый (суверенный) народ может наделить свое государство качеством суверенитета.

Любопытную аргументацию взаимосвязи государственного и народного суверенитета выдвинул В. В. Горюнов. Ученый справедливо указал ряд случаев, когда прямая связь между суверенитетом государства и суверенитетом народа прерывается. Это происходит тогда, когда система формирования государственного аппарата не требует выявления воли народа (например, в условиях абсолютной монархии) либо когда процедуры выявления его воли исключительно формальны и не позволяют обеспечить демократичность деятельности государственных органов (что имеет место, в частности, в тоталитарных государствах) [9, с. 6].

Провозглашение в конституции суверенитета народа и государства совсем не означает их реального наличия. В современном мире есть государства, в которых вся полнота и мощь власти, различные звенья государственного механизма направлены на обогащение и защиту коррумпированных чиновников, а централизованный бюрократический государственный аппарат, имеющий узкую социальную базу поддержки, для осуществления управления обществом прибегает к прямому насилию и подавлению. В то же время полномочия государства могут успешно использоваться для развития политического, религиозного, национально-культурного многообразия, расширения и реального осуществления прав и свобод граждан, поддержки независимых от государства и оппозиционных институтов гражданского общества, укрепления законности в деятельности государственных органов и учреждений.

Литература:

1. Пастухова Н. Б. Государственный суверенитет в эпоху глобализации // Журнал российского права. 2006. N 5. С. 130–141.
2. Лексин В. И. К вопросу о суверенитете в федеративном государстве // Конституционное и муниципальное право. 2011. N 12. С. 26–31.
3. Морозова А. С., Карасев А. Т. Некоторые подходы к пониманию государственного суверенитета // История государства и права. 2014. N 20. С. 45–50.
4. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/1/1649.pdf>.
5. Теория государства и права / Под ред. М. Н. Марченко. М., 1987. С. 19.
6. Советское государственное право. М., 1978. С. 77.
7. Румянцев О. Г., Додонов В. Н. Юридический энциклопедический словарь. М., 1996. С. 300.
8. Лебедев В. А., Киреев В. В. Концепция суверенной демократии: парадигма, проблемы, перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2007. N 5.
9. Горюнов В. В. Суверенитет и демократия — основополагающие принципы конституционного строя России // Суверенная демократия в конституционно-правовом измерении: Сб. ст. и материалов. М., 2007. С. 185.

Экстремизм как угроза государственной целостности Российской Федерации

Садретдинов Олег Евгеньевич, аспирант

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

Сегодня, развитие мировой политики и международных отношений между государствами протекают в условиях противоречивых процессов, что в свою очередь делает уязвимыми участников этих процессов перед лицом как традиционных, так и новых вызовов, и угроз. Несмотря на достижения в социальной, экономической, технологической, научной и иными сферами, достижениями в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина, остается по-прежнему актуален вопрос создания механизмов регулирования мирового порядка как гаранта решения новых проблем, не поддающихся урегулированию военным путем. К таким проблемам можно отнести последствия распада многонациональных государств, ненадежность институтов ООН в обеспечении глобальной безопасности, сепаратизм, международная организованная преступность, рост этнического и религиозного экстремизма [1]. Указанные проблемы оказывают непосредственное влияние на суверенитет и территориальную целостность государств. Для России, как многонационального государства, экстремизм особенно опасен, поскольку угрожает мирному сосуществованию разных этнических и социальных групп, посягает на основные принципы государственного устройства [2]. В соответствии со Стратегией противодействия экстремизму одним из источников угроз национальной безопасности Российской Федерации признана экстремистская деятельность националистических, радикальных религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной обстановки в стране [3]. Согласно Федеральному закону «О противодействии экстремистской деятельности» под экстремизмом понимается насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность, а также возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни [4].

В стратегии национальной безопасности Российской Федерации закреплены основные угрозы государственной и общественной безопасности которыми является [5]:

1) деятельность экстремистских организаций, направленная на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, дестабилизацию работы органов государственной власти, уничтожение или нарушение функционирования военных и промышленных объектов, объектов жизнеобеспечения населения, транспортной инфраструктуры, устрашение населения, в том числе путем завладения оружием массового уничтожения, радиоактивными, отравляющими, токсичными, химически

и биологически опасными веществами, совершения актов ядерного терроризма, нарушения безопасности и устойчивости функционирования критической информационной инфраструктуры Российской Федерации;

2) деятельность радикальных общественных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию, иностранных и международных неправительственных организаций, финансовых и экономических структур, а также частных лиц, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране, включая инспирирование «цветных революций», разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей;

3) деятельность, связанная с использованием информационных и коммуникационных технологий для распространения и пропаганды идеологии фашизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма, нанесения ущерба гражданскому миру, политической и социальной стабильности в обществе.

В научной литературе можно встретить такое определение экстремизма: «Экстремизм представляет собой совокупность общественно опасных деяний, которым можно только противодействовать. Исходя из этого, можно утверждать, что экстремизм — это исключительно нечто запрещенное законом» [6]. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. определяет экстремизм как какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организацию в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон [7]. Резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы 1344 (2003) «Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе», обращая внимание на необходимость законодательного ограничения свободы выражения мнений, собраний и объединений, для целей борьбы с экстремизмом подчеркивает, что независимо от своей природы экстремизм представляет собой форму политической деятельности [8]. В ч. 2 примечания к ст. 282.1 УК РФ под преступлениями экстремистской направленности понимает преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы,

предусмотренные соответствующими статьями Уголовного кодекса РФ [9].

Таким образом, в наиболее общем виде **экстремизм** определяется как идеология и практика использования крайних, противозаконных мер для достижения поставленных целей, связанных с нарушением неотъемлемых конституционных прав граждан, интересов общества и государства. По сути, экстремистская деятельность направлена на нарушение большинства норм, предусмотренных Конституцией РФ. Основы конституционного строя России закреплены в Конституция РФ в которой определяются правовой статус личности, федеративное устройство, систему, компетенцию органов государственной власти, которые принимают участие в обеспечении национальной безопасности [10]. Конституция Российской Федерации является системообразующим нормативным правовым актом для формирования и развития всех без исключения отраслей права и, в частности, тех, которые имеют наиболее важное значение в обеспечении суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации. В статье четвертой Конституции РФ получило свое закрепление такое свойство государственной власти, как неделимость. Конституция РФ регламентирует два важнейших признака суверенного государства — это целостность и неприкосновенность, которые в свою очередь отнесены к вопросам исключительного ведения Российской Федерации [11]. Целостность государства — один из атрибутивных признаков государственного суверенитета, его неделимости. Как уже выше было отмечено, целостность государства обеспечивается самой Российской Федерацией. Следовательно, нарушение целостности — это деяние, направленное против государственного строя или, иными словами, преступление против государства.

Сегодня экстремизм, как одна из основных угроз целостности государства, является одной из наиболее сложных социально-политических проблем современного российского общества, что связано в первую очередь с многообразием экстремистских проявлений, неоднородным составом организаций экстремистской направленности, которые оказывают дестабилизирующее влияние на социально-политическую обстановку в стране, угрожают национальной безопасности Российской Федерации. Исходя из основных угроз, выделенных в стратегии национальной безопасности Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что экстремизм — это деятельность различных организаций и структур оказывающая влияние на суверенитет и территориальную целостность Российской Федерации, и являющимся источником угрозы национальной безопасности Российской Федерации. В Военной доктрине Российской Федерации, отмечаются такие военные опасности и угрозы как распространение сепаратизма и насильственного (религиозного) экстремизма, а также подрыв суверенитета, нарушение единства и территориальной целостности Российской

Федерации [12]. В Российской Федерации государственная политика в сфере обеспечения национальной безопасности и противодействия экстремизму обеспечивается силами органов ФСБ России, Министерством обороны, Генеральной прокуратурой, МВД, Следственным комитетом во взаимодействие с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления. Законодательная основа по противодействию экстремизму в Российской Федерации составляет более 21 федерального закона, 5 Постановлений Правительства Российской Федерации, 15 ведомственных приказов [13]. По данным Генеральной Прокуратуры Российской Федерации при общем снижении количества зарегистрированных преступлений на территории Российской Федерации снизилось на 36,4 % количество преступлений террористического характера, но возросло на 12,3 % число преступлений экстремистской направленности. В указанных общих сведениях о состоянии преступности в Российской Федерации за первое полугодие 2017 года, преступлений экстремистской направленности зарегистрировано 247 [14].

По данным Министерства Внутренних Дел Российской Федерации за первое полугодие 2017 года зарегистрировано 507 преступлений террористического характера (— 28,3 %) и 421 преступление экстремистской направленности (+7,9 %). По регионам преступлений экстремистской направленности больше всего зарегистрировано: г. Москва, Свердловская область, Республика Дагестан, Московская область, Алтайский край, Кировская область [15]. Согласно последнему обзору судебной практики ВС, в России зафиксирован рост экстремистских преступлений. Так в 2012 году в суды по всей стране поступило 260 уголовных дел, в 2013 году — 402, в 2014 году — 485, в 2015 году — 544, в 2016 году — 830 дел [16]. Одним из приоритетных направлений по противодействию религиозному экстремизму является выявление фактов проникновения на территорию региона членов исламских экстремистских и террористических организаций (объединений), а также распространения идеологии радикального ислама [17].

Таким образом, экстремизм сегодня для России это одна из основных угроз как для конституционного строя, так и для территориальной целостности. Главными направлениями обеспечения государственной и общественной безопасности, обеспечения территориальной целостности являются усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности и прав собственности, совершенствование правового регулирования выявления, пресечения, предупреждения, экстремизма (в том числе в информационной сфере), развитие взаимодействия органов обеспечения государственной безопасности и правопорядка с гражданским обществом. Также Российской Федерации необходимо в соответствии с международными договорами развивать сотрудничество в области борьбы с экстремизмом с иностранными государствами, их правоохранительными

органами и специальными службами, а также с международными организациями, осуществляющими борьбу с экстремизмом, совершенствовать законодательство по противодействию деятельности экстремистских сообществ.

Литература:

1. Чернядьева Н. А. Конвенционная модель терроризма в универсальных соглашениях ООН // Российский ежегодник международного права — 2014. СПб.: Россия — Нева. 2015. С. 217–235.
2. Смушкин А. Б. Комментарий к Федеральному закону от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СПС КонсультантПлюс. 2015. С. 3.
3. «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753. Документ опубликован не был.
4. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.
5. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1. Ст. 212.
6. Хлебушкин А. Г. Совершенствование борьбы с организованной преступностью, коррупцией и экстремизмом. М., 2008. С. 29.
7. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // СЗ РФ. 2003. № 41. Ст. 3947.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 1053-О / Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кочемарова Владислава Сергеевича на нарушение его конституционных прав положениями пунктов 1 и 3 статьи 1 и части третьей статьи 13 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» // «Вестник Конституционного Суда РФ». 2014. № 2. Ст. 3.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
10. Дмитриев Ю. А. «Конституция Российской Федерации / Доктринальный комментарий» 2-е издание, измененное и дополненное // «Статут». 2013. С. 472.
11. «Конституция Российской Федерации» принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
12. Военная доктрина Российской Федерации утв. Президентом РФ 2014. № Пр-2976. // РГ. 2014. № 298. Ст. 13;
13. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 1.
14. Сборник преступности в России за первое полугодие 2017 года. / Генеральная Прокуратура Российской Федерации. Главное организационно-аналитическое управление. Управление правовой статистики состояние. // № 4-ЕГС. стр.7, 32,34.
15. Состояние преступности в России. Министерства Внутренних Дел Российской Федерации. / ФКУ «Главный Информационно-аналитический центр». С. 8, 9, 11.
16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 в ред. от 03.11.2016 / О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности // РГ. 2012. № 35. Ст. 9.
17. Аналитическая записка о ходе реализации долгосрочной целевой программы «Профилактика правонарушений 2014–2015 годы» за 2016 год // URL: https://www.nso.ru/sites/test.new.nso.ru/wodby_files/files/imce/otchet_po_dcp_profilaktika_pravonarusheniy_zh_2016_god.pdf.

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Актуальные проблемы досрочного прекращения полномочий главы местного самоуправления

Воротынцев Андрей Сергеевич, студент

Научный руководитель: Невинский Валерий Валентинович, доктор юридических наук, профессор
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Актуальность темы исследования обусловлена значением правовых оснований досрочного прекращения полномочий главы местной администрации, которые оказывают влияние на законные сроки его легислатуры.

Ключевые слова: глава местной администрации, полномочия, досрочное прекращение, основания, удаление в отставку, отзыв избирателями, отрешение от должности, местное самоуправление, самостоятельность.

Сложившаяся в Российской Федерации практика отстранения глав муниципальных образований (глав местного самоуправления) требует правового совершенствования. В частности, это касается правового регулирования оснований отстранения глав местного управления от власти.

В системе местного управления особенное значение главы местной администрации вызвала потребность фиксации в законодательстве списка случаев досрочного прекращения его полномочий.

Данная тема считается интересной по следующему ряду причин:

- неопределенная координация вопросов досрочного прекращения полномочий главы местной администрации в уставах муниципальных образований;
- неимение в перечне законодательства надлежащей систематизации оснований досрочного прекращения полномочий глав местной администрации, которая построена на твердых и выверенных условиях;
- значительные расхождения в нормативных основаниях досрочного прекращения полномочий главы местной администрации, а также в механизме их реализации, которые тормозят его оптимальное функционирование в данной должности, органическое взаимодействие институтов муниципальной власти и другое.

Основания досрочного прекращения полномочий главы местной администрации нуждаются в отлаженном механизме их реализации, соответствующем условиям постоянства и устойчивости занимаемой им должности, исключающей возможность необоснованного отстранения от власти главы местного управления, неконституционного присвоения его полномочий.

Согласно ст. 32 Конституции РФ, право избирать и быть избранным относится к одному из важнейших прав граждан Российской Федерации [1]. Общегосударственные

основы регулирования настоящего права установлены Федеральным законом от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее: ФЗ № 67). Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации» (далее: ФЗ № 131), среди прочего, устанавливает основные положения, касающиеся ответственности глав муниципальных образований и глав местной администрации перед населением (ст. 71), государством (ст. 72, 74 и 74.1), физическими и юридическими лицами (ст. 78), в результате которой может осуществляться досрочное прекращение полномочий главы муниципального образования и главы местной администрации. Базовые положения Конституции Российской Федерации, упомянутых федеральных законов находят развитие в иных федеральных и региональных законах, в уставах муниципальных образований.

В этой связи обращает на себя внимание правовое регулирование сущности и содержания оснований досрочного прекращения полномочий избранного непосредственно гражданами главы муниципального образования, являющегося одновременно главой соответствующего муниципального образования. При этом очевидно, что досрочное прекращение полномочий главы муниципального образования затрагивает не только его собственные права, но и права граждан, оказавших ему доверие посредством реализации активного избирательного права.

Российское законодательство устанавливает следующие основания досрочного прекращения полномочий главы муниципального образования и главы местной администрации: смерть, отставка по собственному желанию, удаление в отставку по инициативе депутатов представительного органа местного самоуправления, признание судом данного лица безвестно отсутствующим или объявление его умершим, признание судом главы местного самоуправления

недееспособным или ограниченно дееспособным и иные основания предусмотренные ч.6 ст. 36 ФЗ № 131 [2].

Стоит отметить, что список данных оснований достаточно широк, и за последние годы был значительно изменен. Так первая редакция федерального закона 2003 года предусматривала одиннадцать оснований досрочного прекращения полномочий главы местной администрации. А к началу 2012 года их количество возросло до шестнадцати.

Причинами появления новых оснований досрочного прекращения полномочий главы местной администрации считаются: сложность переустройства местных органов власти в РФ, в сфере территориальной организации местного управления; преобразование муниципальных образований, а также совершенствование в России властных отношений, которые предполагают повышенную ответственность выборных официальных лиц.

В отличие от российского законодательства в отечественной государственно-правовой науке основания прекращения полномочий нашли определенное обобщение с раскрытием их сущности, достоинств и недостатков. В частности, профессор МГЮА им. О. Е. Кутафина, В. В. Комарова определяет следующие основания досрочного прекращения полномочий главы местного управления: его кончина; увольнение по собственному желанию; отрешение от места службы при наступлении ответственности перед государством; вступление в законную силу решения суда о признании судом недееспособным либо ограниченно дееспособным; вступление в законную силу решения суда о признании судом безвестно отсутствующим либо объявление умершим; вступление в отношении него в законную силу обвинительного вердикта суда; выезд за пределы РФ на ПМЖ (постоянное место жительства); выход из гражданства России, прекращение гражданства иностранного государства — участника интернационального соглашения Российской Федерации, согласно которым иностранный гражданин имеет право быть избранным в органы местной администрации; отзыв избирателями; определенная в судебном порядке стойкая неспособность по состоянию здоровья исполнять полномочия главы местного управления; досрочное прекращение полномочий представительного органа местного управления, если глава местной администрации был выбран из состава данного органа [4]. Однако сами проблемы В. В. Комаровой не затрагиваются.

Таким образом, в учебной литературе рассматриваются только основания досрочного прекращения полномочий главы местного управления, сами проблемы не раскрываются и даже не затрагиваются в тексте учебного пособия.

Далее рассмотрим труды ученых по данной теме и сделаем обзор точек зрения авторов. Выясним, какие проблемы им удалось выявить при помощи собственных исследований.

Так С. В. Гончаров выделяет следующие актуальные проблемы досрочного прекращения полномочий главы местного управления:

- 1) необоснованное предоставление субъектам РФ полномочий продления либо сокращения сроков полномочий уже избранных региональных органов (выборных официальных лиц) в целях синхронизации избирательного цикла во всех субъектах РФ с едиными днями голосования в порядке ч.4 ст. 82 ФЗ № 67, поскольку это существенно нарушает избирательные права граждан, которые отдавали свой голос за орган либо официальное лицо местной администрации на тот срок полномочий, который установлен уставом местного управления;
- 2) незаконное применение таких муниципально-правовых санкций, как удаление в отставку, отзыв избирателями, отрешение от должности, которое не всегда основано на установленных фактах, свидетельствующих о действиях (бездействии) главы местного управления, приведших к нарушению соответствующих муниципально-правовых норм и утрате доверия со стороны субъектов применения муниципально-правовых санкций;
- 3) неопределенность в уставах местного управления в части сроков полномочий главы местной администрации, когда в устав местного управления вносятся изменения, промежутков времени и содержания полномочий органов местного управления, но прежний глава местной администрации в силу ч.4 ст. 40 ФЗ № 131 продолжает исполнять свои полномочия;
- 4) неимение необходимой систематизации установленного законодательством списка оснований досрочного прекращения полномочий главы местной администрации;
- 5) чрезмерное влияние мнения высшего официального лица субъекта РФ (к примеру, губернатора) об удалении в отставку главы местной администрации, что идет вразрез принципу самостоятельности местного управления. Указанное мнение ни при каких обстоятельствах не должно иметь обязательного характера для выборного органа местного управления;
- 6) к настоящему времени законодательная процедура исполнения предусмотренных законодательством оснований досрочного прекращения полномочий главы местной администрации охватывает только удаление в отставку, отрешение от должности и отзыв избирателями» [3].

По мнению С. Е. Чаннова, основными проблемами досрочного прекращения полномочий главой местного управления являются:

- спорный характер вопроса о возможности досрочного прекращения контракта с главой местной администрации, так как увольнение глав местных администраций по предусмотренным основаниям ТК РФ, а также Федеральным законом «О муниципальной службе в Российской Федерации» № 25-ФЗ

неприемлемо, как с формально-юридических позиций, так и с точки зрения потребностей залога независимости главы местной администрации в системе муниципальной власти;

- спорный вопрос об отставке усугубляется еще и тем, что ни в муниципальном, ни в трудовом законодательстве четко не растолкована сама сущность отставки главы местной администрации;
- присутствие бесспорных пробелов в регулировании расторжения соглашения с главой местной администрации [5].

Таким образом, учеными в основном анализируются основания досрочного прекращения полномочий главы местного управления, а актуальные вопросы досрочного прекращения полномочий главы местного управления ими вовсе не затрагиваются.

Следовательно, подходы выявленных ими проблем решены не полностью.

Цель написания исследования — это изучение актуальных проблем, досрочного прекращения полномочий главы местного управления.

Задачи настоящего исследования:

- 1) сказать об актуальности проблемы «досрочного прекращения полномочий главы местного управления» в современных условиях;
- 2) изучить данную тему с точки зрения права в специальных законах;
- 3) изучить данную тему с точки зрения истории в специальной литературе и учебных пособиях по муниципальному праву;
- 4) сделать обзор точек зрения авторов статьи по данной теме;
- 5) на основе изученных работ, обосновывая это теорией и практикой, определить наилучшие пути решения данной проблемы.

Вопросам исследования посвящено огромное число работ. В основном материал, который изложен в учебной литературе, носит общий характер, а в многочисленных монографиях и статьях по данной тематике рассмотрены более узкие вопросы проблемы «Основания досрочного прекращения полномочий главы местного управления». Однако, требуется учет современных условий при исследовании проблематики обозначенной темы.

На основе изученных трудов ученых и учебных пособий, обосновывая это теорией и практикой, можно определить следующие пути решения данной проблемы:

- дальнейшее совершенствование института удаления главы местного управления в отставку выборным органом местного управления (ст. 74.1 ФЗ № 131);
- проводить различие в методике удаления в отставку всенародно избранного главы местного управления и главы, избранного из числа депутатов выборного органа местного управления. В данном случае речь идет об отставке главы местного управления гражданами;

— по причине чрезмерной упрощенности института отрешения от должности главы местной администрации восстановить норму о том, что правом отрешения от поста мэров городов — административных центров субъектов РФ, обладает только Президент РФ по представлению высшего официального лица субъекта РФ. Дополнив его п.9 Постановления Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», который, на мой взгляд, может применяться не только на уровне субъекта РФ, но и на местном уровне, а именно положением об установлении процедурных гарантий, в частности требования положительного голосования большинства всех зарегистрированных избирателей данного муниципального образования, что создаст возможность ограничения произвольного применения данного института, особенно в случаях, когда отзыв связывается с утратой доверия по политическим мотивам.

Возможно, поэтому на сегодняшний момент сложилась определенная противоречивая судебная практика не легитимного отстранения глав местных самоуправлений от власти, без доказательной базы.

К примеру, для справки, впервые удаление в отставку главы местного управления, избранного населением, было реализовано решением Собрания Депутатов Озерского городского округа Челябинской области от 1 июня 2009 № 54. Однако удаленный в отставку глава Озерска оспорил данное решение в суде и уже 16 июня 2009 решение Собрания Депутатов было признано незаконным и отменено Озерским городским судом [7].

Основанием для отставки Ч. послужило то, что по итогам 2007 и 2008 годов депутаты отказались принимать годовые отчеты мэра. Причем годом раньше отчет за 2007-й был принят этим же составом депутатов.

Прокурор Челябинской области сразу обратил внимание на допущенные нарушения: во-первых, депутаты рассматривали вопрос об отставке в неимение заинтересованного лица; во-вторых, выставлено два «неуда» Ч. еще до того, как поправки к Закону вступили в силу.

Решением Озерского городского суда от 16 июня 2009 заявление Ч. было удовлетворено; решение Собрания депутатов Озерского городского округа № 54 от 01 июня 2009 года об удалении в отставку главы Озерского городского округа Ч. признано незаконным и отменено [6].

В заключение можно отметить необходимость дальнейшего усовершенствования правового регулирования института досрочного прекращения полномочий главы местного управления. Так как в современном российском обществе данный вопрос оставаться актуальным. Ни специальные

законы, ни учебные пособия, ни даже ученые не могут до конца разобраться в этих проблемах и прийти к общему мнению. Например, в специальном законе дается только список оснований, по которым полномочия главы местного управления могут быть досрочно прекращены, учебные пособия по муниципальному праву вообще не затрагивают эту тему и только ученые в своих диссертациях и авторефератах пытаются пролить свет на данную проблему.

Однако трудов ученых крайне недостаточно, так же как и судебной практики по данному вопросу. Поэтому ввиду сравнительной молодости данного института он нуждается в серьезном реформировании на уровне законодательства.

Оно должно быть синхронным, и осуществляться как на федеральном, так и региональном уровне. Потому что двусмысленное толкование положений, осуществляющих правовое регулирование указанного института, влечет, с одной стороны, дестабилизацию общественно-политической ситуации в муниципальном образовании, по причине злоупотреблений со стороны представительного органа при принятии необоснованных решений о досрочном прекращении полномочий главы местного управления, с другой стороны, недостижение основной цели ввода данного института, а именно повышения результативности деятельности органов и должностных лиц местного управления и их ответственности перед общественностью.

Таким образом, руководствуясь вышеизложенным можно предложить следующие пути совершенствования данного института:

- 1) необходимо совершенствование системы отчетности представительных органов и особенно главы муниципального образования, избранных глав администраций, прекращения их полномочий в случае необходимости, определения пределов самостоятельности;
- 2) нужно проводить реформирование системы взаимоотношений органов государственной власти и органов местного самоуправления, так как зачастую органы государственной власти, особенно субъектов

федерации, перекадывают на органы местного самоуправления задачи государственного характера, не подкрепляя их соответствующими финансовыми средствами.

- 3) необходима регламентация процедур, связанных с использованием институтов прямой демократии, в связи, с чем в муниципальных образованиях необходимо создание структур, позволяющих населению участвовать в управлении местными делами. Такими структурами могут стать постоянные комиссии для привлечения населения к решению этих дел.
- 4) нужно провести усовершенствование вопросов срока легислатуры, досрочного прекращения полномочий главы муниципального образования, муниципально-правовой ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления, в связи с тем, что удаление в отставку глав администраций способствует полному огосударствлению органов местного самоуправления. Кроме этого на практике происходит подмена понятия «местное самоуправление» на «органы местной власти», а последнее не вполне и не всегда выражает интересы населения данной территории.
- 5) необходимо восстановить норму о том, что правом отрешения от должности мэров городов — административных центров субъектов РФ, обладает только Президент РФ по представлению высшего официального лица субъекта РФ, дополнив ее положением о том, что представление высшего должностного лица субъекта, должно выноситься на обсуждение граждан имеющих активное избирательное право, а также проживающих на территории данного муниципального образования, решение по которому должно приниматься посредством голосования.

На мой взгляд, именно эти предложения будут способствовать решению проблем связанных с прекращением полномочий главы местного самоуправления, столь актуальных в Российской Федерации на сегодняшний день...

Литература:

1. Конституция РФ от 12 декабря 1993 года (с поправками от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Российская газета. — 2009. — № 7.
2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 30.10.2017) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. — 2003. — № 202.
3. Гончаров С. В. Некоторые вопросы досрочного прекращения полномочий главы местного самоуправления // Бизнес в законе. — 2012. — № 5. — С. 91–94.
4. Комарова В. В. и др. Муниципальное право России. — М.: КНОРУС, 2017. — 194 с.
5. Чаннов С. Е. Актуальные проблемы расторжения контракта с главой местной администрации // Журнал российского права. — 2009. — № 5. — С. 76–84.
6. Шугрина Е. С. Удаление главы местного самоуправления в отставку: проблемы законодательного регулирования и правоприменительная практика // Право и политика. — 2009. — № 9. — С. 1800–1806.
7. Решение Озерского городского суда Челябинской области от 16 июня 2009 по делу № 2–822/09 // Городское управление. — 2009. — № 9.

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

О соотношении концепции «фактического права на доходы» и концепции «относимости дохода к лицу»

Анищенко Дмитрий Евгеньевич, аспирант

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва)

В последнее время проблема применения концепции «фактического права на доходы» (далее — концепция «ФПД») стала одной из главных тем на повестке дня в налогово-правовом сообществе. Многие ведущие налоговеды высказывали свои позиции по данному вопросу, которые во многом схожи, но в чем-то и противоречат друг другу.

В настоящей статье автор предпринимает попытку сформулировать основные принципы отнесения дохода к налогоплательщику, а также оценить сочетаемость данных принципов с так называемой «концепцией фактического права на доходы» в том виде, в котором она существует в НК РФ и международных соглашениях России.

Концепция «относимости дохода» в НК РФ

Концепция «относимости дохода» представляет собой определенную теоретическую модель, систему принципов и критериев, позволяющих определять, для какого конкретно налогоплательщика тот или иной факт хозяйственной жизни формирует доход как объект налогообложения, и, как итог, те или иные налоговые последствия.

Для начала следует рассмотреть вопрос о том, как концепция «относимости дохода» к налогоплательщику нашла свое закрепление в российском налоговом праве на сегодняшний день. Несправедливо было бы говорить, что данный подход является новым для российского налогообложения.

В НК РФ концепция «относимости дохода» главным образом связана с институтом постоянного представительства. Так, в соответствии с пунктом 1 статьи 307 НК РФ объектом налогообложения для иностранных организаций, осуществляющих деятельность в РФ через постоянное представительство, признается, в частности, доход, полученный иностранной организацией в результате осуществления деятельности на территории РФ через ее постоянное представительство, уменьшенный на величину произведенных этим постоянным представительством расходов.

При этом пунктом 9 этой же статьи установлено, что определение доходов постоянного представительства, подлежащих налогообложению в РФ, производится с учетом выполняемых в РФ функций, используемых активов и принимаемых экономических (коммерческих) рисков. Указанные обстоятельства принимаются во внимание при распределении доходов и расходов между иностранной организацией и ее постоянным представительством в РФ.

Как неоднократно высказывался Минфин России [1], при определении доходов и расходов, относящихся

к базе постоянного представительства, подлежит применению функциональный анализ, содержание которого устанавливается в соответствии со статьей 105.5 НК РФ. Данный подход не является исключительно российским «изобретением» и был прямо заимствован из доктрины ОЭСР [2].

В частности, ОЭСР по результатам многолетней разработки данной темы был подготовлен доклад «Отнесение прибыли к постоянным представительствам» (Париж, 2010), в пункте 72 которого раскрыт основной принцип распределения доходов — принцип «экономической связи» между активами, используемыми представительством, и доходом, полученным иностранной компанией как самостоятельно, так и через постоянное представительство. Обязательным условием отнесения дохода, полученного от использования тех или иных активов, к представительству или иностранной организации, является наличие у получателя «экономического права собственности» («economic ownership»).

Из всего изложенного выше можно сделать несколько необходимых выводов:

1) Концепция «относимости дохода» уже существует в российском налоговом праве — однако, носит узкоспециальный характер: главной ее задачей служит не отнесение того или иного дохода к конкретному налогоплательщику, а, скорее, справедливое (для налоговых целей) распределение базы между постоянным представительством и иностранной организацией.

2) Несмотря на предыдущий вывод, ряд принципов, лежащих в основе методики отнесения доходов к постоянному представительству, могут быть использованы и для целей «общей» концепции «относимости доходов», в частности: критерии используемых активов, принимаемых рисков,

предпринимаемых активных действий, направленных на получение дохода и т. д. Более подробно о применении данных критериев будет рассказано далее.

Принципы относимости доходов

Для раскрытия содержания концепции «относимости доходов» необходимо дать определение понятия «доход». Статьей 41 НК РФ установлено, что доходом признается экономическая выгода в денежной или натуральной форме, учитываемая в случае возможности ее оценки и в той мере, в которой такую выгоду можно оценить, и определяемая в соответствии с главами «Налог на доходы физических лиц», «Налог на прибыль организаций» НК РФ.

Данная универсальная формулировка, предложенная НК РФ, в силу своей лаконичности с трудом может быть использована для целей настоящей статьи. В связи с этим, по нашему мнению, наиболее верным шагом будет обращение к доктрине налогового права.

С. Г. Пепеляевым, на основании анализа мировой практики, были предложены три концепции дохода для налоговых целей [3, стр. 44–49]:

1) Концепция «источника дохода» — по ее смыслу доходами не признаются разовые поступления, которые не могут быть отнесены к конкретным источникам и сгруппированы по соответствующим статьям (видам);

2) Концепция «траста» — данная концепция понимания дохода связана с институтом доверительной собственности, характерным для правовых систем англосаксонской правовой семьи. Суть концепции состоит в том, что приращение доверительной собственности, образующееся в результате совершения сделок управляющим, не образует дохода доверителя и не облагается налогом до момента распределения;

3) Концепция «прироста достатка» — в соответствии с данной концепцией доход определяется как неоспоримое присоединение к достатку, четко осознаваемое налогоплательщиком, над которым он имеет полное хозяйственное господство (полномочия распоряжения). Данный подход ориентирован на изменение благосостояния получателя дохода, произошедшее в конкретной правовой форме.

Из всех перечисленных концепций в российском налоговом законодательстве свое наиболее полное закрепление находит именно концепция «прироста достатка» [4].

Концепция «прироста достатка» предлагает 3 основных признака дохода:

(1) Имущественное приращение (признак увеличения платежеспособности): доходом признается имущественный прирост, происходящий как в результате каких-либо поступлений налогоплательщику либо в пользу налогоплательщика третьим лицам, так и в результате сбережения лицом собственных средств — в том числе, путем уменьшения обязательств налогоплательщика.

(2) Осознанная заинтересованность лица в получении дохода (признак субъективного признания): содержание данного признака дохода состоит в том, что условием получения дохода является наличие у лица

заинтересованности в таком доходе, составляющей основу хозяйственной операции.

(3) Поступление актива в собственность лица в соответствующей юридической форме: доход должен быть присвоен лицом (налогоплательщиком) в определенной правовой форме. При отсутствии установленного объекта правоотношений доход в налогово-правовом смысле не может быть определен.

Вышеперечисленные признаки дохода могут быть использованы для выведения принципов (признаков) относимости дохода к налогоплательщику. По нашему мнению, к таким принципам следует относить:

1. Волевой характер получения дохода. Данный принцип прочно связан с таким вышеизложенным признаком дохода, как осознанная заинтересованность лица в его получении.

Доход следует относить к тому лицу, чьей волей и последующими действиями охватывалось его получение. В контексте рассуждений о применении концепции «ФПД» данный принцип созвучен принципу «не взаимообусловленности доходов».

Другими словами, при формировании источника дохода лицо (фактический получатель дохода) руководствуется исключительно личными предпринимательскими мотивами — стремлением к увеличению собственного экономического благосостояния. При этом не важно, будет ли такое увеличение благосостояния выражаться в умножении собственных активов, либо же в последующем уменьшении обязательств перед третьими лицами.

Данный принцип, по нашему мнению, позволяет отделить фактического получателя дохода от случаев получения доходов компаниями, выполняющими исключительно транзитные функции (конduitные компании). В первом случае получатель дохода руководствуется исключительно собственной волей и предпринимательским интересом в рамках действующих норм права. Во втором — воля получателя дохода фактически «вымещается» волей его контролирующего лица, не относящегося к его органам управления, и, по своей правовой природе, являющегося самостоятельным лицом.

2. Несение риска неполучения дохода. Данный принцип нуждается в дополнительных разъяснениях.

Как уже было указано выше, ключевым критерием отнесения дохода к лицу является наличие целенаправленности (воли, умысла) такого лица на получения конкретного дохода. При этом «умыслом» лица охватывается не только вид дохода (проценты, дивиденды, роялти и т. д.), но и такие факторы, как размер дохода, срок его получения, порядок перечисления (полностью или частями) и проч.

Такая заинтересованность проистекает из факта вовлеченности лица в предпринимательскую деятельность, направленную на извлечение прибыли и связанной с различного рода рисками, полностью возлагаемыми на конкретного предпринимателя. К таким рискам следует относить и неисполнение или некорректное исполнение

своих обязательств контрагентом — источником выплаты дохода.

Неполучение дохода — или его получение с нарушением сроков, порядка, оговоренного размера и т. д. — влечет риски для его фактического получателя. При этом такие риски могут выражаться как в снижении собственных активов, и, как следствие, покупательной способности, и ограничении возможности вести бизнес — так и в неисполнении (ненадлежащем исполнении) собственных обязательств. Нарушение обязательств влечет негативные имущественные и, помимо прочего, репутационные последствия, которые полностью ложатся на получателя дохода.

В этом, на наш взгляд, состоит ключевое отличие фактического получателя дохода от кондуктивной компании (или иного лица, к которому такой доход не может относиться), поскольку:

- кондуктивная компания не может нести риски ответственности перед лицом, которому в дальнейшем перечисляется доход, в силу того, что оно либо контролируется им, либо они оба контролируются одним лицом, т. е. у отсутствует какая-либо свобода воли получателя дохода, необходимая для несения ответственности;
- в большинстве случаев кондуктивные компании, осуществляющие исключительно транзитные функции, не располагают каким-либо имуществом, за счет которого оно может быть привлечено к ответственности.

3. Имущественное приращение. Данный принцип, по нашему мнению, прямо следует из двух вышеперечисленных. Его суть состоит в том, что доход следует относить к тому лицу, чьи активы увеличиваются сообразно выплаченному доходу.

В то же время, следует сделать оговорку, что дальнейшее использование полученного дохода для целей исполнения обязательств перед третьими лицами не может ставить под сомнение относимость такого дохода к его

получателю — при условии того, что эти обязательства возникли в силу его волевых действий как субъекта предпринимательской деятельности (см. пункт 2).

4. Документальное «признание» такого дохода. Данный принцип означает, что получатель дохода документально оформляет получение такого дохода. Такое оформление может выражаться в отображении полученного дохода в финансовой отчетности как собственного дохода; отражении дохода в налоговой декларации (в случае его налогообложения) и проч.

Соблюдение данного принципа является наиболее легко проверяемым, поскольку в его основе лежат материальные доказательства. В то же время, принцип «документального признания» не универсален, так как зачастую у непосредственного получателя дохода факт его получения не находит никакого документального закрепления (например, если получатель — резидент офшорной юрисдикции).

Рассуждая о данном принципе, следует отметить, что первостепенным здесь является не соблюдение получателем дохода определенных формальностей, выражающихся в документальном оформлении получения дохода, а, скорее, в совершении им определенных процедур, свидетельствующих о том, что он воспринимает такой доход как свой личный и демонстрирует ролевое поведение собственника дохода.

Суммируя все вышесказанное, доход (в том числе, для целей концепции «ФПД») следует относить к лицу, которое:

- **предприняло волевые действия для получения такого дохода;**
- **несет риски — как имущественные, так и репутационные — неполучения такого дохода или получения его с нарушением оговоренных сроков, размера или формы;**
- **увеличивает свои активы в результате получения такого дохода;**
- **рассматривает его как свою собственность и совершает соответствующие формальные действия.**

Литература:

1. Письма Минфина от 26.09.2012 N 03–08–05, от 01.11.12 № 03–02–07/1–271, от 10.12.12. № 03–08–05.
2. Michael Lang. Introduction to the Law of Double Taxation Conventions. IBFD. 2013.
3. Налогообложение доходов и прибыли: Учеб. Пособие / Под общ. Ред. С. Г. Пепеляева. — М.: Статут, 2015.
4. Приказ Минфина России от 06.05.1999 N 32н «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Доходы организации» ПБУ 9/99».

Контроль в системе госзакупок

Прохоров Эрик Александрович, аспирант
Московский государственный областной университет

В статье поднимаются вопросы теории и практики государственного контроля за государственными закупками (далее госзакупки). Совершенствуется законодательство о закупках, ужесточается ответственность за его нарушение, обновляется механизм контроля за процедурами планирования, проведения закупок, в том числе путем включения в число субъектов контроля представителей общественности, а потери бюджетных средств в сфере закупок из года в год продолжают удивлять своими немислимыми объемами.

В связи с этим, безусловно, сегодня актуальным является изучение и оценка правовых, организационных и методологических аспектов государственного контроля за закупками с целью его совершенствования, с целью повышения его результативности и эффективности.

Ключевые слова: контроль госзакупок, формы социального контроля госзакупок, социальная проверка, социальная экспертиза.

Ключевой новацией Закона о контрактной системе стало наделение населению правом контроля закупок. Казалось, что принятый спустя полгода после контрактной системы Закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах социального контроля в Русской Федерации» (далее — Закон № 212-ФЗ) расставит в данном вопросе все точки над «и». Но, предоставив право сообществу смотреть за работой страны в целях борьбы с коррупцией, закон не наделил это самое сообщество возможностями контрольных органов.

Так образовалась правовая коллизия. Так как, с одной стороны, субъекты публичного контроля вправе принять участие в нем, но с другой — в Законе о контрактной системе не предписано, как непосредственно органы Казенной власти и органы районного самоуправления должны обеспечить возможность его воплощения. При этом возможности общественных организаций (далее — ОО) далеко не такие же, как у контрольных органов. Потому на практике регулярно стали вставать правовые трудности при реализации публичного контроля.

Для начала рассмотрим, какие формы социального контроля существуют. Так, Законом № 212-ФЗ установлены следующие его виды:

- общественный мониторинг;
- общественная проверка;
- общественная экспертиза;
- социальные обсуждения;
- общественные (публичные) слушания;
- другие формы взаимодействия.

Сравним формы социального контроля в масштабах Закона № 212-ФЗ и Закона о контрактной системе.

Правомерность контроля социальными организациями
Публичный мониторинг

Публичный прогноз ведется прилюдно и открыто с применением информационно-телекоммуникационных систем, в т. ч. Интернета (ч. 3 ст. 19 Закона № 212-ФЗ). По его последствиям субъект контроля готовит итоговый документ, который направляется на обсуждение объекту контроля и находится в сети. [4]

Но как сказано в ст. 97 Закона о контрактной системе, прогноз закупок поддерживается исключительно федеральным органом исполнительной власти по регулировке контрактной системы, которым считается Минэкономразвития России.

По п. 3 ч. 3 ст. 102 Закона о контрактной системе, публичные соединения вправе воплощать в жизнь свободный прогноз закупок и оценку производительности закупок, в т. ч. оценку закупок и эффектов выполнения договоров в части их соотношения притязаниям Закона о контрактной системе. В зависимости от последствий социального прогноза закупок и оценки производительности закупок его инициатор вправе инициировать (ч. 7 ст. 19 Закона № 212-ФЗ) проведение публичного обсуждения, публичных (публичных) слушаний, публичной ревизии, социальной экспертизы.

Других деяний по эффектам проведения публичного прогноза Законом № 212-ФЗ не предусмотрено. [1]

А значит, в масштабах проведения публичного прогноза субъект контроля не вправе обращать клиенту запрос о предоставлении информации, сам же прогноз обязан проводиться необыкновенно методом исследования информации, размещенной в Интернете.

Публичный контроль в области закупок

Информаторы регулировки публичного контроля в русском законодательстве

Социальная проверка

Зачинщик публичной выяснения вправе запросить у проверяемого органа или же организации нужные для ее проведения документы и прочие материалы (ч. 6 ст. 20 Закона № 212-ФЗ). В такой системе не предусмотрены 2 основные компоненты — повинность довести до сведения управляющего проверяемой организации информацию о публичной проверке, о сроках, порядке ее проведения и определения итогов, и еще тогда, кто вправе легально проводить социальную ревизию. И в случае если 1-я компонента содержится в формальном доведении объекту социального контроля распорядительных и других актов сравнительно всех поступков и регламентов субъекта контроля,

тогда 2-я дает возможность выявить правовую коллизию норм.

Как говорится в ч. 2 ст. 20 Закона № 212-ФЗ организаторами социальной ревизии может быть ограниченное число лиц. Могут выступать Уполномоченный по гражданским правам в РФ, Уполномоченный при Президенте РФ по правам малыша, Уполномоченный при Президенте РФ по охране прав коммерсантов, уполномоченные по правам человека, по правам малыша, по охране прав коммерсантов, по правам коренных малочисленных народов в субъектах РФ, Социальная палата РФ. [3]

Публичные палаты субъектов РФ, публичные палаты городских образований и другие субъекты публичного контроля имеют все шансы являться организаторами социальной выяснения лишь в случаях, предусмотренных законодательством РФ. Значит, ОО, как другие субъекты публичного контроля, рассчитывающие на воплощение публичной ревизии, должны проводить ее исключительно в случаях, напрямую предусмотренных законодательством РФ. Сообща с тем Законом о контрактной системе не предусмотрено такой формы контроля, как социальная проверка.

Таким образом, ОО не вправе быть организатором социальной выяснения в масштабах контроля в контрактной системе в области закупок.

Социальная экспертиза

Проведение социальной экспертизы непременно в отношении актов, планов актов, решений, планов решений, документов и прочих материалов в случаях, установленных федеральными законами (ч. 2 ст. 22 Закона № 212-ФЗ).

Социальная экспертиза может проходить по инициативе объекта контроля. ОО имеют все шансы быть организаторами проведения социальной экспертизы лишь в случаях, напрямую предусмотренных законодательством.

По ч. 3 ст. 94 Закона о контрактной системе экспертиза последствий, предусмотренных договором, может проводиться заказчиком собственными силами либо к ее проведению имеют все шансы привлекаться специалисты, экспертные организации на основании договоров, заключенных согласно с отмеченным законом.

Клиент должен привлекать специалистов, экспертные организации к проведению экспертизы поставленного продукта, выполненной работы или же оказанной услуги, в случае если закупка осуществляется у единственного поставщика, кроме случаев закупок у монополистов; услуг специалистов, экспертных организаций; если итогом договора считается проектная документация и (или) итоги инженерных исследований, прошедшие казенную либо негосударственную экспертизу. При этом согласно с п. 15 ст. 3 Закона о контрактной системе специалист, экспертная организация обязаны владеть специальными познаниями, навыком, квалификацией в сфере науки, техники, искусства либо ремесла. [7]

Удается, что ОО не вправе быть организатором социальной экспертизы в масштабах контроля в контрактной системе в области закупок, а клиент вправе для проведения

экспертизы эффектов, предусмотренных договором, заинтересовать ОО.

Надзор над реализацией принципов контрактной системы закупок — неотъемлемая часть этой закупочной деятельности, гарантия ее прозрачности и легитимности. Однако в условиях часто меняющегося законодательства и значительного количества контролирующих инстанций навязчивый контроль в сфере закупок может стать проблемой для бюджетного учреждения.

Уровни контроля

Система надзора проведения госзакупок регламентирована главой 5 ФЗ № 44. Ее содержание позволяет выделить следующие уровни проведения контроля:

- мероприятия, реализуемые органами федеральной власти;
- контроль, проводимый уполномоченными региональными структурами;
- муниципальный контроль со стороны органов местного самоуправления;
- ведомственный контроль в сфере закупок, реализуемый госкорпорацией «Росатом», органами управления внебюджетными фондами и отчасти — муниципальными структурами в отношении подведомственных заказчиков;
- контроль заказчика над исполнением контракта подрядчиком/поставщиком и привлеченным им субподрядчиком/соисполнителем из числа субъектов малого предпринимательства и социально ориентированных некоммерческих учреждений;
- общественный контроль со стороны организаций и отдельных граждан с использованием данных публичных источников;
- ведение двух специализированных госреестров, содержащих сведения о заключенных контрактах, недобросовестных поставщиках-победителях конкурсных процедур, уклонившихся от заключения сделки либо отстраненных от исполнения контракта по вердикту суда. [5]

Субъекты контрольной деятельности по ст. 99 ФЗ № 44, надзор за соблюдением законодательства о закупочной деятельности проводится в отношении:

- муниципальных и госзаказчиков;
 - контрактных служб;
 - контрактных управляющих;
 - комиссий по осуществлению госзакупок и их отдельных членов;
 - операторов электронных площадок.
- Проверка закупок входит в компетенцию:
- Федерального казначейства.
 - ФАС как антимонопольного органа.
 - Росфиннадзора как органа финансово-бюджетного контроля.
 - Счетной палаты РФ.
 - Контрольно-ревизионных учреждений, созданных субъектами РФ и муниципалитетами.

Органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление контроля в сфере размещения госзаказов.

Прокуратуры как органа общего надзора за законностью.

Несмотря на значительное количество контролирующих инстанций, все они реализуют разные цели. Их полномочия практически не пересекаются.

Коррупционная составляющая

Коррупция в сфере закупок — бич, в той или иной мере преследующий их участников во всех странах мира. Возможность получить многомиллионный контракт для субъекта хозяйствования является сверхважной целью.

Учитывая объемы теневой экономики, очевидна финансовая возможность бизнесменов рассчитываться за оказанную чиновниками «помощь» не учтенными на балансе средствами.

Спрос порождает предложение. По оценкам специалистов, уровень «откатов» в карманы чиновников достигает 15–20% суммы госконтракта.

Внедрение электронной системы закупок породило множество махинаций:

направленных на ограничение конкуренции;
обеспечивающих возможность отдать госзаказ конкретному субъекту предпринимательства.

Наиболее распространенными среди них были:

оформление тендеров задним числом на уже предоставленные услуги или выполненные работы;
нарушение сроков публикации информации о заказе;
неполнота обнародованных сведений, их недостаточность для подготовки заявки;
ошибки в написании объекта закупки, выборе его групповой категории. [3]

Распространенным способом мошенничества была замена кириллических символов на визуально схожие латинские. Это приводило к усложнению поиска заказа в электронной системе.

Противодействие коррупции в сфере закупок со стороны уполномоченных органов, выявление фактов нарушений и привлечение виновных к ответственности возымело результат. Сегодня количество грубых и явных нарушений резко снизилось.

Неправомерное содействие избранным субъектам хозяйствования обрело более сложную и скрытую форму.

Наибольшее распространение получили:
необоснованно завышенные требования к исполнителю, выписанные под субъекта хозяйствования;
установление сжатых сроков на подготовку и подачу заявки.

Итак, заказчик обязан осуществлять контроль над привлечением субподрядчика поставщиком. В самом 44-ФЗ не прописано, каким образом заказчик должен контролировать привлечение субподрядчиков.

Однако, заказчик может в вопросе контроля над субподрядком ориентироваться на разъяснения Минэкономразвития РФ, которое утверждает, что достаточным подтверждением факта привлечения субподрядка для заказчика будут любые документы, относящиеся к конкретному выполнению работ, то есть, договора, акты и платежные поручения.

Также, согласно ч. 15 ст. 95 Закона № 44-ФЗ заказчику вменяется в обязанность в одностороннем порядке разорвать контракт, если поставщик нарушил обязательное условие о привлечении в качестве субподрядчиков субъектов СМП и СОНО.

Литература:

1. Борьба с коррупцией на высоком уровне (принято лидерами «Группы восьми» в Санкт-Петербурге по итогам саммита 16 июля 2006 г.).
2. Рекомендация Комитета министров Совета Европы от 11 мая 2000 г. № R (2000) 10 о кодексах поведения для государственных служащих.
3. Руководство ООН «Практические меры по борьбе с коррупцией».
4. Международный кодекс поведения государственных должностных лиц, содержащийся в приложении к резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 1996 г.
5. Подосинников, Е. Ю. Совершенствование системы государственных закупок как направление антикоррупционной политики в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sciteclibrary.ru/texts/rus/stat/st3006.pdf>, свободный. — Загл. с экрана.
6. Горбунов-Посадов, М. М. Электронные государственные закупки в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ict.edu.ru/it/002159/journ1-2_page128_144.pdf, свободный. — Загл. с экрана.
7. Энциклопедический словарь экономики и права [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/422920> свободный. — Загл. с экрана.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Кодекс корпоративного управления как источник корпоративного права

Кудрявцева Анастасия Сергеевна, магистрант
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

В 2014 году Правительство Российской Федерации одобрило проект Кодекса корпоративного управления, который впоследствии был рекомендован к применению письмом Банка России от 10.04.2014 № 06–52/2463 «О Кодексе корпоративного управления» [1] (далее — ККУ). Данный документ можно охарактеризовать как сборник морально-этических правил, целью которого является регулирование порядка организации управления в корпорациях, а также снижение возможных рисков, которые не могут быть оценены и спрогнозированы инвесторами, что в дальнейшем может привести к снижению инвестиционной привлекательности компании и неблагоприятного влияния на организацию её деятельности. Основу ККУ составляют принципы корпоративного управления, разработанные Организацией международного экономического сотрудничества и развития [2], являющиеся сводом стандартов и руководств, рекомендованных к применению для различных корпораций в качестве методологической основы по организации управления, а также своеобразные рекомендации по разработке законодательства в данной сфере правоотношений правительствами стран как членов ОЭСР, так и не являющимися ими.

Как отмечается в преамбуле ККУ, он рекомендован к применению акционерными обществами, ценные бумаги которых допущены к организованным торгам, однако его использование возможно также и юридическими лицами иных организационно-правовых форм как и в рекомендуемом Банком России виде, так и в виде издания собственных локальных актов, регламентирующих аналогичные правоотношения. Таким образом, круг лиц, которые могут в своей деятельности применять указанный ККУ, довольно широк.

В связи со значительной ролью рассматриваемого документа в организации корпоративного управления, а также в силу его рекомендательного характера, возникает вопрос о возможности отнесения ККУ к источникам корпоративного права. Необходимо отметить, что данная проблема является дискуссионной с момента создания Кодекса корпоративного поведения, рекомендованного к применению распоряжением ФКЦБ РФ от 04.04.2002 № 421/р [3] (далее — ККП) и являющегося предшественником ККУ, и остаётся актуальной и на сегодняшний день не только

в научной литературе, но также и в правоприменительной практике.

Законодатель использует ККУ как методическую основу при принятии других актов, как правило, рекомендательных. Например, к ним относятся письмо Банка России от 15.09.2016 № ИН-015-52/66 «О положениях о совете директоров и о комитетах совета директоров публичного акционерного общества» [4], Приказ Росимущества от 03.09.2014 № 330 «Об утверждении Методических рекомендаций по построению функции внутреннего аудита в холдинговых структурах с участием Российской Федерации» [5], Положение о допуске ценных бумаг к организованным торгам, утв. Банком России 24.02.2016 № 534-П [6]. Таким образом, можно говорить о том, что при подготовке и принятии актов в сфере регулирования корпоративного управления законодатель основывается на положениях данного акта, следовательно, рассмотрение его как одного из источников права допустимо.

Суды, в свою очередь, при рассмотрении корпоративных споров не приходят к однозначному выводу по поводу применения положений ККУ (а также действующего ранее ККП), в том числе и принятых юридическими лицами самостоятельно. Например, в Постановлении ФАС Северо-Западного округа от 08.11.2013 по делу № А56–14323/2012 [7], суд опроверг довод истца о том, что ККУ носит рекомендательный характер и не является источником права, и, следовательно, ссылка на него суда при вынесении решения не может являться правомерной. ФАС Северо-Западного округа отметил, что ККУ действительно не является нормативным правовым актом, однако он определяет стандарты корпоративного поведения, ввиду чего ссылка на него при вынесении решения суда нижестоящей инстанции правомерна. Также применение положений как ККУ, так и ККП встречается в Постановлении Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.09.2017 № 20АП-4993/2017 по делу № А09–17936/2016 [8], в котором суд при рассмотрении спора о взыскании оплаты за исполнение обязанностей корпоративного секретаря и процентов установил, что утверждённое в обществе Положение о корпоративном секретаре соответствует указанным кодексам. Кроме того, ссылка на положения рассматриваемого акта встречается в Определении Верховного Суда РФ от 30.03.2015

№ 307-ЭС14–8853 по делу № А56–31942/2013 [9]. Одновременно с этим в судебной практике встречается и другой подход к применению ККУ. Например, Двадцатый арбитражный апелляционный суд в Постановлении от 22.09.2016 № 20АП-4774/2016 по делу № А23–198/2016 [10] признал правомерным отказ в применении его положений ввиду их рекомендательного характера. Однако подобная практика встречается не часто. Таким образом, можно говорить о том, что суды в большинстве случаев относят ККУ к источникам права и принимают во внимание его положения при рассмотрении споров.

В научной литературе также нет единого мнения по поводу отнесения ККУ к источникам корпоративного права, однако большинство научных деятелей всё же относят его к их числу. Однако в таком случае возникает другой спорный вопрос — какое место в их системе он занимает. Так, И. С. Шиткина предлагает относить рассматриваемый документ к рекомендательным актам, «мягким» регулятивным источникам [11, с. 117–119]. Их главная отличительная особенность — необязательный характер, ненормативность. Схожей точки зрения также придерживаются О. А. Макарова и Т. А. Абрамян, отмечая возрастающую роль мягкого регулирования, предусматривающего издание уполномоченными субъектами актов рекомендательного характера [12].

В. А. Лаптев относит ККУ к обычаям, аргументируя данную точку зрения тем, что «корпоративные кодексы не утрачивают статус обычаев, поскольку также представляют собой свод сложившихся правил деловой этики, адаптированных применительно к конкретной корпорации» [13, с. 62]. В то же время автор отмечает сходство указанного кодекса с локальными нормативными актами, в связи с чем предлагается относить их к источникам права, сформированным самими участниками гражданского оборота [14]. Аналогичной точки зрения придерживается и Г. В. Цепов, также рассматривающий ККУ как обычай [15, с. 32]. Однако данная точка зрения может быть подвергнута опровержению. Положения, закреплённые в ККУ, в соответствии с определением обычая, закреплённом в части 1 статьи 5 Гражданского кодекса РФ [16], не могут считаться сложившимися в течение определённого периода, а также невозможно говорить об их широком применении ввиду того, что для корпоративного управления характерна индивидуализация как выбора определённой применяемой структуры органов, так и применяемых способов регулирования взаимоотношений внутри корпорации.

Представитель другой теории, Н. Н. Пахомова, предлагает относить ККУ к подзаконным нормативным актам, отмечая, что «в большинстве стран мира основными источниками корпоративного права являются законодательные

акты [...], которые при наличии в них достаточно большого числа императивных норм отличаются «гибкостью», так как допускают поднормативное (локальное) регулирование корпоративных отношений» [17]. Такой же позиции придерживается А. А. Александрова, характеризующая рассматриваемый акт как стандарт, регулирующий корпоративное управление, процедура принятия которого аналогична принятию подзаконных нормативных актов [18, с. 7]. Схожее мнение в части подзаконности наблюдается и в научных работах А. А. Кирилловых, однако он трактует природу ККУ несколько иначе. Так, по мнению указанного научного деятеля, данный документ следует считать актом, который «фактически выполняет функцию модельного правового акта, хотя обладает чертами подзаконного нормативного акта» [19, с. 23]. Представляется, что данная точка зрения также некорректна прежде всего из-за правовой природы ККУ — являясь рекомендательным актом, то есть не содержащим общеобязательные правила поведения и применяемом по усмотрению высшего органа корпорации, он не может относиться к подзаконным нормативным актам ввиду отсутствия в нём достаточной нормативности. Кроме того, доказательством данного довода может служить Приказ Росимущества от 27.03.2014 № 94 «Об утверждении Методических рекомендаций по организации работы корпоративного секретаря в акционерных обществах с государственным участием» [20], в котором отмечено отсутствие нормативно-правового регулирования положения корпоративного секретаря на уровне федерального законодательства и подзаконных нормативных актов.

Резюмируя указанные выше точки зрения научных деятелей, практику применения судами, а также позицию законодателя, можно сделать следующий вывод. Ввиду того, что рассматриваемый акт содержит положения, касающиеся регулирования правоотношений, возникающих в корпорации при осуществлении корпоративного управления, и конкретизирующие нормы действующего законодательства, наличия принимаемых на его основе иных актов, а также использования содержащихся в нём положений судами при рассмотрении споров, ККУ следует относить к источникам корпоративного права. При этом, как было отмечено выше, он не может быть отнесён ни к обычаям, ни к подзаконным нормативным актам, ни к локальным нормативным актам (за исключением кодексов, принимаемых корпорациями самостоятельно). Представляется, что ККУ в совокупности с иными имеющими аналогичную правовую природу актами, в том числе которые были упомянуты ранее, которые также могут применяться корпорациями по их усмотрению в целом или в части, вследствие невозможности отнесения их к какому-либо видам источников, образуют самостоятельную группу источников — рекомендательные акты.

Литература:

1. Письмо Банка России от 10.04.2014 № 06–52/2463 «О Кодексе корпоративного управления» // Вестник Банка России. — 18.04.2014. — № 40.

2. Принципы корпоративного управления ОЭСР // Организация экономического сотрудничества и развития // URL: <http://oecd.ru/gusweb/gusfeder/5/5/corpor.htm> (дата обращения — 28.11.2017 г.)
3. Распоряжение ФКЦБ РФ от 04.04.2002 № 421/р «О рекомендации к применению Кодекса корпоративного поведения» // Вестник ФКЦБ России. — 30.04.2002. — № 4.
4. Письмо Банка России от 15.09.2016 № ИН-015–52/66 «О положениях о совете директоров и о комитетах совета директоров публичного акционерного общества» // Вестник Банка России. — 21.09.2016. — № 85.
5. Приказ Росимущества от 03.09.2014 № 330 «Об утверждении Методических рекомендаций по построению функции внутреннего аудита в холдинговых структурах с участием Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
6. «Положение о допуске ценных бумаг к организованным торгам» (утв. Банком России 24.02.2016 N 534-П) (ред. от 19.06.2017) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 08.11.2013 по делу № А56–14323/2012 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.09.2017 № 20АП-4993/2017 по делу № А09–17936/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Определение Верховного Суда РФ от 30.03.2015 № 307-ЭС14–8853 по делу № А56–31942/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.09.2016 № 20АП-4774/2016 по делу № А23–198/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Корпоративное право: Учебный курс. В 2 т./ Отв. ред. И. С. Шиткина. Т. 1. — М.: Статут, 2017. — 976 с.
12. Макарова О. А, Абрамян Т. А. О праве корпораций в свете Гражданского кодекса РФ // Гражданское право. — 2015. — № 1. — С. 14–19.
13. Предпринимательское право: Правовое сопровождение бизнеса: учебник для магистров/ Р. Н. Аганина, В. К. Андреев, Л. В. Андреева и др.; отв. ред. И. В. Ершова. М.: Проспект, 2017. — С. 62.
14. Лаптев В. А. Локальный правовой обычай как источник регулирования предпринимательских отношений // Lex russica. — 2017. — № 4. — С. 110–119.
15. Цепов Г. В. Акционерные общества: теория и практика. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. — 200 с.
16. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // СЗ РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301, Российская газета, № 238–239, 08.12.1994.
17. Пахомова Н. Н. Основы теории корпоративных отношений (правовой аспект). Екб.: Налоги и финансовое право, 2004. — 208 с. // СПС «КонсультантПлюс».
18. Александрова А. А. Роль кодексов корпоративного управления в гражданско-правовом регулировании организации и деятельности юридических лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. — 24 с.
19. Кирилловых А. А. Корпоративное право: курс лекций. М.: Юстицинформ, 2009. — 192 с.
20. Приказ Росимущества от 27.03.2014 № 94 «Об утверждении Методических рекомендаций по организации работы корпоративного секретаря в акционерных обществах с государственным участием» // СПС «КонсультантПлюс».

Имущественная обособленность как важнейший признак юридического лица

Мохов Артём Юрьевич, магистрант

Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Рассматриваются основные подходы в теории гражданского права, применимые к обособленности имущества юридического лица.

Ключевые слова: юридические лица, обособленность имущества, распоряжение имуществом, полное товарищество

Признак имущественной обособленности относится к числу т. н. «традиционных» признаков юридического лица. Наряду с обособленностью, к этим признакам относятся: организационное единство юридического лица, правоспособность лица, а также самостоятельная

имущественная ответственность юридического лица по своим обязательствам.

Имущественная обособленность юридического лица представляет собой ни что иное, как один из частных случаев конструкции «обособление имущества» в гражданском

праве в целом. Обособление в гражданско-правовых отношениях находит своё отражение, например, при учреждении доверительного управления. При таком учреждении имущество, которое непосредственно передаётся в управление, обособляется одновременно от имущественного массива учредителя доверительного управления и имущества управляющего таким имуществом.

Как справедливо отмечает В. В. Подсосонная, «для гражданско-правового обособления имущества необходим не только фактический признак — выделение такого имущества из общего состава. Необходимо также и обременение этого имущества правами и обязанностями со стороны лица, не являющегося собственником, к такому имуществу» [4, с. 255].

Говоря об «обособленности имущества юридического лица» как общей категории для возникновения, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей в ходе осуществления предпринимательской деятельности, то можно, на наш взгляд, согласиться с Е. И. Захаровой, выделяющей три уровня такой обособленности:

1. Экономический (базисный) уровень, который состоит в фактическом обособлении имущества — создании экономической основы осуществления предпринимательской деятельности — материального базиса. Как представляется, следует подробнее остановиться именно на этом уровне обособления имущества юридического лица

2. Организационный (технический) уровень — на котором в соответствии с положениями пункта 1 статьи 48 Гражданского кодекса имущество юридического лица отражается на балансе или в смете такого лица;

3. Правовой (нормативный) уровень — комплекс урегулированных и гарантированных гражданским правом прав, позволяющих говорить об обособлении имуществе юридического лица.

На основе краткого анализа основных теорий юридического лица в науке гражданского права — т. н. «фикционных» и реалистических (т. е. теорий, обозначающих и опосредующих юридическое лицо как фикцию — «лицетворение», а как полноценно наличествующего и существующего реального субъекта гражданских правоотношений), можно выделить две основных трактовки признака обособленности имущества юридического лица — узкую и широкую.

Так, согласно «узкой» трактовке признака обособленности юридического лица, такая обособленность выступает в гражданских правоотношениях как обладание юридическим лицом имуществом, которое обособлено — с одной стороны — от имущества его участников (членов); а с другой — от имущества управляющих и работников такого юридического лица [2, с. 141].

В данном случае можно провести и существенное разграничение — в плане режима имущества — между физическими и юридическими лицами. Здесь, как пишет В. В. Подсосонная, «обеспечительное имущество юридического лица представляет отделённым, ограниченным

(т. е. — обособленным) от имущества не только управляющих, но и учредителей такого лица. При таком обособлении кредиторы рассматриваемого юридического лица приобретают право требования именно к такому — обособленному — его имуществу. Данное право требования выступает правом приоритетным по отношению к личным требованиям кредиторов-участников (либо кредиторов-учредителей) такого юридического лица» [4, с. 258].

Данный подход к имущественной обособленности получил своё подтверждение и в правоприменительной практике. Как отмечает в своей статье Ю. В. Стройкина, судебная практика определяет недействительность условий учредительных документов хозяйственного товарищества или хозяйственного общества, позволяющих участникам изымать вносимое ими в качестве вклада имущество в натуре при выходе из состава товарищества или общества — за исключением прямо предусмотренных законодательством случаев [5, с. 101]. Примером такого случая может выступать норма пункта 1 статьи 78 ГК РФ: «Участнику, вышедшему из полного товарищества, выплачивается стоимость части имущества товарищества, соответствующей доле этого участника в складочном капитале, если иное не предусмотрено учредительным договором. По соглашению выбывающего участника с остающимися участниками выплата стоимости части имущества может быть заменена выдачей имущества в натуре» [1].

При таком обособлении имущества, как представляется, происходит наиболее адекватное коммерческому обороту и эффективное с точки зрения общих принципов гражданского права обеспечение защиты имущества юридического лица от недобросовестных исков учредителей (или участников) самого лица по отношению к имуществу организации — что, по сути своей, выступает одной из форм злоупотребления правом. Кроме того, здесь происходит и снижение предпринимательского риска учредителей (либо участников) такого юридического лица — так как в большинстве организационно-правовых форм юридических лиц риск ограничивается размерами вложенного имущества. Однако здесь не затрагивается концептуальный аспект гражданско-правового регулирования — обозначение юридического лица как самостоятельного участника предпринимательских правоотношений, его статус во взаимоотношениях с контрагентами.

В свою очередь, в отличие от «узкой» трактовки признака обособленности юридического лица, в «широком» смысле обособленность предстаёт как ограничение имущества организации не только от учредителей (участников), управляющих и иного персонала юридического лица, но и от его контрагентов.

В таком «широком» смысле имущественная обособленность представляет собой обозначение юридического лица в качестве своеобразного «имущественного единства в правоотношениях с третьими лицами» [3, с. 60]. Такая трактовка обособленности имущества юридического лица отражает, прежде всего, его самостоятельный статус

как полноценного участника гражданско-правовых отношений «вовне», с другими контрагентами.

Также в теории гражданского права можно выделить т. н. «конвергенцию» двух вышеперечисленных трактовок — т. е. совмещение «узкого» и «широкого» подходов к рассмотрению имущественной обособленности юридических лиц. Согласно данной точке зрения, обособленность имущества у юридического лица подразделяется на:

- 1) внутреннюю — имущественную целостность юридического лица во взаимоотношениях внутри организации (для правоотношений с участием участников, учредителей, работников или управляющих такого лица);
- 2) внешнюю имущественную обособленность — представляющую юридическое лицо как комплекс

имущества во взаимоотношениях с третьими лицами — контрагентами.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно отметить, что под обособленностью имущества юридического лица понимается один из основополагающих признаков деятельности такого лица, который представляет собой наделение юридического лица особым, определяемым гражданским законодательством, объемом прав по отношению к закреплённому фактически за ним имуществом.

Предоставляемый юридическому лицу объем прав по отношению к своему имуществу позволяет ему вступать гражданские имущественные правоотношения уже в качестве самостоятельного субъекта гражданского права.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.10.2016) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гражданское право: учебник в 2-х частях / под ред. В. П. Камышанского. М.: Статут, 2011. — Ч. 1. — 517 с.
3. Захарова Е. И. О понятии «имущественная обособленность юридического лица» / Е. И. Захарова // Искусствоведческие, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 4 (30). — С. 60–64.
4. Подсосонная, В. В. Юридическое обособление имущества / В. В. Подсосонная // Объекты гражданского оборота. М.: Статут, 2007 — С. 251–277.
5. Стройкина, Ю. В. О современном толковании признака имущественной обособленности юридического лица в контексте изменений законодательства Российской Федерации / Ю. В. Стройкина // Труды Оренбургского института (филиала) Московской Государственной Юридической академии. — 2011. — № 18.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Деловая репутация юридического лица

Агейченко Кирилл Михайлович, студент

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского

Статья посвящена проблемным вопросам защиты деловой репутации юридических лиц, анализируется понятие морального вреда, его соотношение с категориями нематериальный вред, немущественный вред, способы защиты деловой репутации.

Ключевые слова: юридическое лицо, деловая репутация, моральный вред, немущественный вред, нематериальный вред

Деловая репутация юридического лица есть не что иное, как нематериальное благо, от существования которого зависит представление о ней других субъектов правоотношений, с которыми в своей деятельности оно вступает в контакт. Деловая репутация, наряду с фирменным наименованием и товарным знаком — это средства индивидуализации юридического лица, то, что отличает его в деловом обороте от других субъектов [19]. Именно от характера деловой репутации юридического лица будет зависеть степень его надежности, исполнительности принятых на себя обязательств, аккуратности и уровень соответствия требованиям партнеров.

Степень важности категории деловой репутации юридического лица подчеркнул Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» в котором сказано, что деловая репутация юридического лица — одно из условий их успешной деятельности [10]. На законодательном уровне о деловой репутации юридических лиц говорится в ст. 152 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [2], которая утверждает правила защиты деловой репутации юридического лица наряду с защитой деловой репутации граждан, в п. 2 ст. 1027 ГК РФ, в котором говорится о праве передачи деловой репутации юридического лица по договору коммерческой концессии другому лицу (что является отличительным признаком именно деловой репутации юридического лица по отношению к деловой репутации граждан) и в ст. 1042 ГК РФ, которая признает деловую репутацию в качестве вклада товарища в общее дело. Так же в ст. 3.1 КоАП РФ [3] говорится о том, что административное наказание не может иметь своей целью нанесение вреда деловой репутации юридического лица. Следует отметить так же возможность оценки деловой репутации юридического лица, так, согласно VII разделу Положения по бухгалтерскому учету «Учет нематериальных активов», утвержденного Приказом Министерства финансов Российской

Федерации от 27 декабря 2007 г. № 153н, деловая репутация есть надбавка к цене, уплачиваемая покупателем в ожидании будущих экономических выгод в связи с приобретенными неидентифицируемыми активами [5].

Таким образом, деловая репутация юридического лица — это нематериальный актив, который представляет собой возможность иметь юридическому лицу оценку своей деятельности в соответствии с качествами этой деятельности [18].

Правовую защиту деловой репутации юридического лица как нематериального блага гарантирует ст. 152 ГК РФ. Так, если организация обнаружит факт распространения сведений о ней, имеющих порочащий характер и несоответствующие действительности, она вправе требовать их опровержения в суде. Опровержение должно быть сделано тем же способом, которым были распространены сведения о юридическом лице, или иным аналогичным способом. Надлежащими ответчиками по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации являются авторы несоответствующих действительности порочащих сведений, а также лица, распространившие эти сведения. Только совокупность приведенных трех условий гарантирует судебную защиту деловой репутации юридического лица.

В п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации N 3 раскрывается содержание приведенных понятий:

1) под распространением сведений, порочащих честь и достоинство граждан или деловую репутацию граждан и юридических лиц, следует понимать опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и телевидению, демонстрацию в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, распространение в сети Интернет, а также с использованием иных средств телекоммуникационной связи, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщение в той или иной, в том числе устной, форме хотя бы одному лицу. Сообщение таких сведений лицу, которого они касаются,

не может признаваться их распространением, если лицом, сообщившим данные сведения, были приняты достаточные меры конфиденциальности, с тем, чтобы они не стали известными третьим лицам;

2) не соответствующими действительности сведениями являются утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в реальности во время, к которому относятся оспариваемые сведения;

3) порочащими, в частности, являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица.

Следует отметить, что при рассмотрении данных дел необходимо разграничивать сведения, содержащие факты и оценочные суждения, поскольку последние проверке на достоверность не подлежат, а являются выражением субъективного мнения и взглядов ответчика по конкретному делу. Вопрос о принадлежности той или иной фразы к фактам или оценочным суждениям основано на субъективном мнении суда. Однако в силу специфики данной категории дел зачастую возникает потребность в проведении судебной лингвистической экспертизы. Необходимо заметить, что определяя круг и содержание вопросов, по которым необходимо провести экспертизу, суд исходит из того, что вопросы права и правовых последствий оценки доказательств не могут быть поставлены перед экспертом [12]. Недопустимость выступления в качестве предмета иска мнений, оценок и суждений вытекает из ст. 29 Конституции РФ, в которой каждому гарантируется свобода мысли и слова [1]. Так же ст. 47 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» гарантирует право журналисту излагать свои личные суждения и оценки в сообщениях и материалах, предназначенных для распространения за его подписью [4].

На данную проблему так же указал судья Верховного Суда РФ Сергей Потапенко: «Встречаются судебные решения, в которых признаются не соответствующими действительности, порочащими потерпевшего сведения типа «Иванов — плохой мэр», или «политические взгляды Сидорова носят реакционный характер». Однако чистые оценки, например, «хороший-плохой», «добрый-злой» не могут быть предметом опровержения, поскольку не поддаются проверке на истинность. Оценочное суждение говорит не об объекте, а об отношении субъекта к объекту. Сведение по смыслу ст. 152 ГК РФ — это утверждение о факте, которое можно проверить на предмет соответствия его действительности. В противоположность этому во мнении выражается соответствие оцениваемого факта не действительности, не объективному миру,

а субъективным понятиям и представлениям отдельного человека, выражающим мнение» [17].

Достаточно спорным на сегодняшний день остается вопрос о компенсации вреда, причиненного деловой репутации юридического лица. После вступления в силу изменений, внесенных Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса РФ», положение о возможности требовать юридическим лицом компенсации, наряду с физическими лицами, не сохранилось. До внесения данных изменений существовало правило, согласно которому положение ст. 152 ГК РФ о защите деловой репутации гражданина подлежало применению и к защите деловой репутации юридического лица, то есть компенсация морального вреда в связи с распространением сведений, порочащих деловую репутацию гражданина, применялась и в случаях распространения таких сведений в отношении юридического лица.

Однако, как в прошлом, так и сейчас, разбирательства в данной категории дел являются достаточно спорными. Так, еще в 1997 году Высший арбитражный суд Российской Федерации (далее — ВАС РФ) указал, что моральный вред — это физические и нравственные страдания, причинение которых, исходя из смысла ст. 151 ГК РФ, возможно только физическому лицу [9], т. е. ВАС РФ придерживался практики, согласно которой защита деловой репутации юридического лица возможна, но никак не в форме компенсации морального вреда. Рассматривая дела по данному вопросу, арбитражные суды старательно избегают употребления термина моральный вред по отношению к юридическому лицу, оперируя выражениями: «неимущественный вред», «нематериальный вред», «нематериальные убытки», «репутационный вред» и т. п. [20].

Но как данные понятие соотносятся с категорией моральный вред, допустимо ли использование данных категорий к юридическим лицам? Безусловно, с позиции терминологии понятие «неимущественный вред» является более удачным по сравнению со многими другими терминами, встречающимися при анализе данной темы («моральный вред юридических лиц», «вред деловой репутации», «репутационный вред», «нематериальные убытки») [14]. Представляется, что категория неимущественного вреда включает в себя умаление нематериальных благ, вред деловой репутации и все нематериальные убытки, которые не имеют экономического содержания.

Если говорить о соотношении понятий моральный вред и неимущественный вред, то на категорию неимущественного вреда указывал Пленум Верховного Суда РФ, отмечавший, что «моральный вред признается законом вредом неимущественным, несмотря на то, что он компенсируется в денежной или иной материальной форме» [8].

Следовательно, неимущественный вред включает в себя понятие морального вреда, но не должен им ограничиваться. Это подтверждается существующим в научной среде мнением: «...законодатель ни в одной из статей ГК

не раскрывает категории «моральный вред» применительно к юридическим лицам. Статья 151 посвящена именно случаям причиненного вреда гражданам. Безусловно, эта статья ГК не применима в отношении юридических лиц. Однако из этого не следует того, что юридическому лицу вообще невозможно причинить моральный вред. Последний, являясь разновидностью вреда неимущественного, может иметь свое собственное, отличное от упомянутого в ст. 151 ГК, содержание в тех случаях, когда речь идет не о гражданах, а о юридических лицах. Распространение порочащих сведений искажает оценку юридического лица и его деятельности. Таким образом, подрыв деловой репутации разрушает сформировавшийся имидж фирмы, что, безусловно, свидетельствует о причинении вреда неимущественного. Следовательно, последний может существовать не только в виде физических или нравственных страданий, но и в целом ряде других форм» [16].

Однако Конституционный суд РФ в своей позиции, которую он высказал в своем Определении от 4 декабря 2003 г. № 508-О указывает на категорию «нематериальный вред» [7]. Считается, что использование данной категории является более приемлимым, поскольку нематериальный вред юридических лиц — это вызванные нарушением имущественных или личных неимущественных прав юридических лиц неблагоприятные последствия нематериального характера, которые не поддаются точному денежному исчислению, являются отрицательными и существенными для юридических лиц. Нарушение имущественных прав вполне может привести к вреду, который не является убытками и не поддается точному денежному исчислению. Самое главное для исследуемой категории вреда, которая должна подлежать компенсации, не то, что лежит в его основе (в основании вреда вполне может лежать имущественный фактор), а сущность самого вреда, который не поддается точной денежной оценке, не имеет материальную природу. Таким образом, при компенсации неимущественного вреда по имущественным основаниям «оболочка» неимущественного вреда будет не соответствовать его содержанию. Чтобы избежать этого логического противоречия, предлагаем использовать получившее в судебно-арбитражной практике популярность понятие «нематериальный вред» [14].

При этом позиция Конституционного Суда Российской Федерации по вышеуказанному определению состояла в том, что: «Применимость того или иного конкретного способа защиты нарушенных гражданских прав к защите деловой репутации юридических лиц должна определяться исходя именно из природы юридического лица, при этом отсутствие прямого указания в законе на способ защиты деловой репутации юридических лиц не лишает их права предъявлять требования о компенсации убытков, в том числе нематериальных, причиненных умалением деловой репутации, или нематериального вреда, имеющего свое собственное содержание (отличное от содержания морального вреда, причиненного гражданину),

которое вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения (п. 2 ст. 150 ГК РФ)».

Данная позиция основывается на практике Европейского суда по правам человека в решении от 6 апреля 2000 года по делу «Компания Комингерсол С. А. против Португалии», в которой суд пришел к выводу о том, что нельзя исключить возможность присуждения коммерческой компании компенсации за нематериальные убытки, которые «могут включать виды требований, являющиеся в большей или меньшей степени объективными или субъективными. Среди них необходимо принять во внимание репутацию компании, неопределенность в планировании решений, препятствия в управлении компанией (для которых не существует четкого метода подсчета) и, наконец, хотя и в меньшей степени, беспокойство и неудобства, причиненные членам руководства компании» [6].

Основываясь на данной позиции Конституционного Суда Президиум Высшего Арбитражного Суда в постановлении от 23 ноября 2010 г. N 6763/10 указал, что компенсация нематериального вреда является особым публично-правовым способом исполнения государством обязанности возмещения вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц этих органов, поэтому в гражданско-правовых отношениях, основанных на признании равенства их участников, у субъектов этих отношений не возникает права требовать такой компенсации [11].

После внесения поправки в ГК РФ от 01.07.2013, вступившей в силу с 01.10.2013, которая прямо говорит о том, что компенсация морального вреда может применяться лишь в отношении физических лиц, казалось бы, спор должен быть разрешен окончательно. Однако на данный момент благодаря позиции Конституционного Суда в правоприменительной практике выносятся противоположные решения. Особое значение имеет дело N А50—21226/2014 (Определение ВС РФ от 17 августа 2015 г. № 309-ЭС15—8331), рассмотренное Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ [13].

Суть дела состояла в том, что ООО «МХС групп» обратилось в Арбитражный суд Пермского края с иском к Российской Федерации в лице Федеральной службы судебных приставов о взыскании за счет казны России 49 666 руб. 53 коп. в возмещение морального вреда, который своим решением от 17 декабря 2014 г. по делу № А50—21226/2014 исковые требования истца удовлетворил в полном объеме. При этом суды ссылались на статью 15 Конституции РФ, согласно которой составной частью российской правовой системы является Конвенция о защите прав человека и основных свобод, в том числе с учетом практики Европейского суда по правам человека (Постановление от 6 апреля 2000 г. по делу «Компания Комингерсол С. А.» против Португалии), которая при определении вопроса о компенсации юридическому

лицу нарушенного нематериального блага исходит не из факта физических и нравственных страданий юридического лица, а из факта длительной неопределенности, причиняющей юридическому лицу значительное неудобство. Таким образом, суды проигнорировали изменения, введенные в ст. 152 ГК РФ и поддержали позицию Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2003 г. N 508-О. Однако Экономическая коллегия ВС РФ признала указанные выводы ошибочными, отменила принятые судебные акты и отказала в удовлетворении иска. Позиция ВС РФ основывалась на том, что согласно ст. 151 ГК РФ компенсация морального вреда возможна в случаях причинения такого вреда гражданину действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага. В иных случаях компенсация морального вреда может иметь место лишь при наличии прямого указания об этом в законе. Поскольку в действующем законодательстве отсутствует прямое указание на возможность взыскания морального вреда в пользу юридического лица, в связи с чем, оснований для удовлетворения заявленных требований не имелось. Следовательно, Экономическая коллегия ВС РФ применила буквальное толкование новой редакции ст. 152 ГК РФ.

Можно сделать вывод, что на сегодняшний момент существует проблема соотношения позиции Конституционного Суда от 4 декабря 2003 г. N 508-О, предполагающей наличие существования категории «нематериальный вред» и ее отличного содержания от категории «моральный вред», и позиции Верховного Суда, исключающая возможность применения нормы о компенсации морального вреда при распространении сведений, затрагивающих деловую репутацию юридического лица. Так, утверждается, что компенсация морального вреда и компенсация нематериального вреда, несмотря на близость их правовой сущности, в российском праве не являются равнозначными компенсаторными способами защиты: они имеют разные основания реализации и выполняют разные функции; при этом запрет компенсации морального вреда юридическим лицам не означает запрет компенсации им нематериального (репутационного) вреда [15].

Представляется целесообразным на законодательном уровне установить дефиницию понятия «нематериальный вред», правила и условия ее применения с целью преодоления противоречивости правоприменительной практики, установления единого подхода к использованию участниками гражданских правоотношений способов защиты своих гражданских прав.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации 1993 г. (в последней ред. Законов РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.
4. Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 (ред. от 05.04.2016) «О средствах массовой информации» // СПС Консультант-плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511
5. Приказ Минфина РФ от 27.12.2007 N 153н (ред. от 24.12.2010) «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Учет нематериальных активов» (ПБУ 14/2007)» // СПС Консультант-плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63465/
6. Постановление Европейского Суда по правам человека от 6 апреля 2000 г. по делу «Компания Комингерсол С. А.» против Португалии (жалоба № 35382/97) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. — 2001. — № 2.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 508-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шлафмана Владимира Аркадьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 7 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 3.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 N 10 (ред. от 06.02.2007) «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // СПС Консультант-плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5677
9. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 5 августа 1997 г. N 1509/97 // СПС Гарант. URL: <http://base.garant.ru/12103127/>
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации
11. Постановление Президиума ВАС РФ от 23.11.2010 № 6763/10. Доступно на официальном сайте ВАС РФ <http://www.arbitr.ru>.

12. Постановление Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» // СПС Консультант-плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162155
13. Определение ВС РФ от 17 августа 2015 г. № 309-ЭС15–8331 // СПС Гарант. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71067964/>.
14. Гаврилов Е. В. Компенсация нематериального вреда юридическим лицам: проблемы в терминологии // Цивилист. 2009. № 3.
15. Гаврилов Е. В. Компенсация нематериального (репутационного) вреда юридическим лицам и новая редакция ст. 152 ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 3.
16. Красавчикова Л. О. Компенсация морального вреда субъектам экономической деятельности в случаях причинения вреда их деловой репутации // Академический юридический журнал. № 2. 2001.
17. Потапенко С. В. Правовая позиция Верховного Суда РФ по диффамационным спорам // Верховный Суд Российской Федерации. URL: http://www.vsrfl.ru/print_page.php?id=2601
18. Ситдикова Л. Б. Личные неимущественные права юридических лиц // Юридический мир. — 2015. — № 7.
19. Федоров П. Г. Деловая репутация юридического лица и ее защита // Законодательство и экономика. — 2010. — № 11.
20. Фролова Я. О. К вопросу о возмещении морального (нематериального, репутационного) вреда юридическим лицам // Молодой ученый. — 2016. — № 4.

Корпоративные эмиссионные ценные бумаги: доктринальное понимание, понятие, перечень, особенности

Горбушин Михаил Михайлович, магистрант
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

В статье приводится подробный обзор доктрины с комментариями и попутными замечаниями, затем выводятся собственные научно-теоретические положения о корпоративных эмиссионных ценных бумагах: два определения на основе их признаков, перечень, а также особенности, которые включают в себя их место в системе ценных бумаг и в системе объектов гражданских прав.

Ключевые слова: корпорация, корпоративный, корпоративная организация, корпоративное право, ценные бумаги, эмиссионные ценные бумаги, корпоративные ценные бумаги, корпоративные эмиссионные ценные бумаги, акции, акционерное общество, конвертируемые облигации акционерных обществ, опционы эмитента, объекты гражданских прав, иное имущество

Corporate issuable securities: doctrinal view, concept, list, distinctive features

Gorbushin Mikhail Mikhailovich, master's degree candidate
Russian state university of justice (Moscow)

In this article a detailed review of the doctrine is given with comments and accompanying observations, then new scientific and theoretical statements about corporate issuable securities are deduced: two definitions, based on their attributes, list and distinctive features, which include their place in the securities system and in the civil rights objects system.

Keywords: corporation, corporate, corporate organization, corporate law, securities, issuable securities, corporate securities, corporate issuable securities, shares, joint-stock company, convertible bonds of joint-stock companies, issuer options, civil rights objects, other property

В российском законодательстве имеют место четыре вида эмиссионных ценных бумаг: акция, облигация, опцион эмитента и российская депозитарная расписка. Их определения даны в ст. 2 ФЗ «О рынке ценных бумаг» [1].

Термин «корпоративные эмиссионные ценные бумаги» (или «корпоративные ценные бумаги») употребляется в правовой литературе и имеет длительную историю, несмотря на отсутствие легального определения.

В науке нет единства во взглядах на корпоративные ценные бумаги. Имеют место три концепции. Под такими бумагами понимаются:

1. Бумаги, выпускаемые любыми юридическими лицами;
2. Бумаги, выпускаемые корпоративными организациями;
3. Бумаги, выпускаемые корпоративными организациями и наделяющие их владельцев правами участия (членства) в них (корпоративными правами).

Согласно первой концепции, понятия «корпорация» и «юридическое лицо» тождественны, поэтому слово «корпоративные» в названии корпоративных ценных бумаг означает ценные бумаги, выпускаемые любыми юридическими лицами, и отграничивает их от ценных бумаг, выпускаемых государством.

Распространенность подобной концепции объясняется историческими причинами.

Так, законодательное определение корпоративных организаций (корпораций) появилось в российском праве только в 2014 году. Оно было дано в ст. 65.1 ГК РФ: юридические лица, учредители (участники) которых обладают правом участия (членства) в них и формируют их высший орган в соответствии с п. 1 ст. 65.3 ГК РФ, являются корпоративными юридическими лицами (корпорациями) [2]. Согласно абз. 1 п. 1 ст. 65.3 ГК РФ, высшим органом корпорации является общее собрание ее участников.

До 2014 года слово корпорация употреблялось сразу в двух значениях: в современном (законодательном) — лишь некоторыми учеными, а также в значении юридического лица — многими учеными и в обиходе.

Некоторые цивилисты уже давно видели необходимость выделить из общего числа юридических лиц особую группу, которая будет включать в себя корпоративные организации. Так, например, М. М. Агарков еще в 1927 году понимал корпорацию в современном ключе. Корпорации, по его мнению, — это юридические лица, где участники обладают правами участника (членства) в них, например, правом участвовать в общем собрании, о котором говорится не только у М. М. Агаркова, но и в упомянутом абз. 1 п. 1 ст. 65.3 ГК РФ. Подробнее о позиции М. М. Агаркова будет сказано далее.

Как видно, с определением, данным М. М. Агарковым, совпало современное (легальное) определение корпорации. Вместе с тем для многих ученых, а также в обиходе до 2014 года корпорация была синонимом юридического лица, так как сама этимология слова корпорация не предполагала отличий от юридического лица. Так, слово корпорация произошло от латинского слова *corpus* — тело, объединение.

Сторонниками концепции, согласно которой корпоративные ценные бумаги выпускаются любыми юридическими лицами, являются Я. М. Миркин, Ж. А. Волова, Л. П. Давиденко, А. Н. Асаул, Н. С. Сорокина и И. А. Дикарева.

Я. М. Миркин в 1995 году писал: «Корпоративные ценные бумаги — фондовые инструменты, выпускаемые предприятиями и организациями» [3, с. 79]. Логично предположить, что под «организациями» автор понимал те организации, которые не являются унитарными организациями (предприятиями), то есть те организации, которые позже будут названы корпоративными.

Ж. А. Волова в 2003 году к корпоративным ценным бумагам относила облигацию и вексель [4, с. 47]. Следует отметить, что облигации и векселя могут выпускаться и выдаваться не только корпоративными (определения которых в том году еще тем не менее не было), но и унитарными организациями, то есть обоими видами юридических лиц. Так, государственное или муниципальное предприятие вправе осуществлять заимствования путем размещения облигаций или выдачи векселей, согласно абз. 4 п. 1 ст. 24 ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» [5].

Л. П. Давиденко в 2004 году издала учебное пособие под названием «Корпоративные ценные бумаги: акции, облигации, векселя» [6, с. 1]. Исходя из данного названия, можно сделать вывод, что мнение Л. П. Давиденко совпадает с мнением Ж. А. Воловой, несмотря на то что первая включила в перечень корпоративных бумаг также акцию.

А. Н. Асаул в 2008 году выделял, помимо прочего, такие ценные бумаги, как корпоративные облигации [7, с. 39] и корпоративные векселя [7, с. 45]. Также он говорил о государственных облигациях [7, с. 12] и казначейских векселях [7, с. 24]. Очевидно, что он употреблял термин «корпоративные ценные бумаги» для отграничения ценных бумаг, выпускаемых юридическими лицами, от ценных бумаг, выпускаемых государством. При этом под корпоративными ценными бумагами в данном случае следует понимать бумаги всех юридических лиц (корпоративных и унитарных), потому что, например, государственное или муниципальное предприятие вправе, как уже отмечалось, осуществлять заимствования путем размещения облигаций или выдачи векселей.

Н. С. Сорокина и И. А. Дикарева в 2017 году в совместной статье писали: «Корпоративная ценная бумага — это ценная бумага, эмитентом которой выступают акционерные общества, предприятия и организации других организационно-правовых форм собственности, а также банки, инвестиционные компании и фонды» [8, с. 97].

Представляется необоснованным отнесение к корпоративным ценным бумагам бумаг всех юридических лиц после того, как в 2014 году было дано легальное определение корпораций.

Также в литературе имеет место вторая концепция, согласно которой слово «корпоративные» в названии корпоративных ценных бумаг соотносится с корпоративными организациями-эмитентами, поэтому их эмитентами могут быть не все юридические лица, а только организации, понимаемые как корпоративные.

К сторонникам данной концепции относятся Е. Н. Решетина, А. В. Мелькумянц, О. К. Кремлева и Е. П. Губин.

Е. Н. Решетина в 2003 году [9, с. 35], а также без изменений в 2013 году писала: «Корпоративная эмиссионная ценная бумага — эмиссионная ценная бумага, выпускаемая коммерческой организацией (хозяйственным обществом), основанной на объединении участия и капиталов, которая предоставляет ее собственнику соответствующий объем прав, отраженный Законом о РЦБ и специальным законодательством» [10, с. 32]. Отсюда можно сделать вывод, что автор приводит следующие отличительные признаки корпоративных эмиссионных ценных бумаг: выпускаются хозяйственными обществами; предоставляют соответствующий объем прав, отраженный ФЗ «О рынке ценных бумаг» и специальным законодательством. Какие именно права предоставляются, автор не раскрывает. Согласно абз. 1 введения к действовавшему в то время Кодексу корпоративного поведения, корпоративное поведение — понятие, охватывающее разнообразные действия, связанные с управлением хозяйственными обществами [11]. Основываясь на данном определении корпоративного поведения, Е. Н. Решетина пришла к выводу, что перечень корпоративных организаций исчерпывается хозяйственными обществами: «С официальной точки зрения в понятие корпорации входит большинство хозяйственных обществ» [10, с. 29]. Она обосновала это так: «Следует иметь в виду, что Кодекс носит рекомендательный характер, но его основные принципы можно считать выражением официальной точки зрения государственного органа» [10, с. 30].

А. В. Мелькумянц в 2007 году писал: «Под корпоративными эмиссионными ценными бумагами следует понимать эмиссионные ценные бумаги, выпускаемые хозяйственными обществами и предоставляющие их собственнику соответствующий набор имущественных и неимущественных прав» [12, с. 107].

О. К. Кремлева в 2009 году писала: «Корпоративные ценные бумаги — это документы, удостоверяющие в совокупности или выборочно имущественные и тесно связанные с ними неимущественные права их обладателей на управление корпорацией — эмитентом» [13, с. 55]. Также она писала, что «акции в наибольшей из всех корпоративных ценных бумаг мере содержат закрепление неимущественных прав их владельцев» [13, с. 55]. Отсюда следует, что не только акция относится к корпоративным ценным бумагам. Учитывая то, что одновременное закрепление имущественных и неимущественных прав — это, согласно ст. 2 ФЗ «О рынке ценных бумаг», один из признаков эмиссионной ценной бумаги, можно сделать вывод, что О. К. Кремлева под корпоративными бумагами понимает эмиссионные ценные бумаги, причем выпускаемые только корпорациями, так как под корпоративными организациями она понимала юридические лица, основанные на объединении капиталов [13, с. 46–47].

Е. П. Губин в 2015 году писал: «К корпоративным ценным бумагам в широком смысле можно отнести все ценные бумаги, выпускаемые корпорациями. Однако нас интересуют исключительно эмиссионные корпоративные ценные бумаги, выпускаемые корпорациями: акции, облигации, опционы эмитента» [14, с. 502].

Существует третья концепция, согласно которой слово «корпоративные» в названии корпоративных ценных бумаг соотносится с корпоративными правами, а не с корпоративными организациями-эмитентами, поэтому их эмитентами могут быть не все корпоративные организации, а лишь те из них, кто уполномочен выпускать ценные бумаги, наделяющие их владельцев правами участия в управлении ими.

Сторонниками данной концепции являются М. М. Агарков, Е. А. Крашенинников, Г. Н. Шевченко, И. Н. Бутина, Е. А. Суханов, Э. С. Петросян и С. М. Бойцов.

М. М. Агарков в 1927 году писал: «Права, которые составляют содержание ценных бумаг, могут принадлежать к различным категориям субъективных частных прав. Чаще всего они принадлежат к обязательственным правам. Но они могут быть также вещными правами, правами членства в корпорации или же представлять собой управомочие на совершение действий, затрагивающих чужую правовую сферу, т. е. принадлежать к так называемым секундарным правам» [15, с. 7]. Также он утверждал: «Можно классифицировать бумаги, в зависимости от того, какое право в них выражено. С этой точки зрения различают обязательно-правовые, вещно-правовые и корпоративные бумаги. Кроме того, существуют бумаги, в которых выражено управомочие на совершение определенного действия» [15, с. 38–39]. М. М. Агарков дает название ценным бумагам, содержание которых составляют права членства в корпорации: корпоративные ценные бумаги. В качестве корпоративной бумаги он называет акцию: «Акция является корпоративной бумагой и предоставляет своему владельцу права участника в акционерном обществе» [15, с. 100]. Такие права участника он называет корпоративными правами: «Акционеру принадлежат прежде всего корпоративные права — права участия в общем собрании и т. д.» [15, с. 90]. Итак, по мнению М. М. Агаркова, корпоративные ценные бумаги — это ценные бумаги, предоставляющие их владельцам корпоративные права, то есть права участника (членства) в корпорации. Можно заключить, что он выделяет два отличительных признака (критерия) таких ценных бумаг: выпускаются корпорациями; наделяют их владельцев правами участника (членства) в корпорации.

Также следует выяснить, как М. М. Агарков определяет корпорацию. Исходя из приведенных цитат, можно сделать вывод, что он относит акционерные общества, где есть права участника (членства), к корпорациям. Это значит, что под корпорациями он понимает юридические лица, где участники обладают правами участника (членства) в них, например, как было сказано, правом участвовать в общем собрании.

Е. А. Крашенинников в 1995 году писал, что содержание акции составляет право членства в корпорации, из которого проистекают многочисленные корпоративные права: например, право голоса, активное и пассивное избирательное право на занятие должностей в обществе, право вносить предложения и т. д. [16, с. 13] Основываясь на этом, он сделал заключение, что «акция есть корпоративная ценная бумага» [16, с. 13]. Очевидно, Е. А. Крашенинников в качестве корпоративной ценной бумаги называет только акцию.

Г. Н. Шевченко в 2005 году писала: «Традиционное определение ценной бумаги, содержащееся в ГК РФ, указывает, что ценная бумага удостоверяет имущественные права, однако акция, как корпоративная ценная бумага, наряду с имущественными предоставляет и иные права: право на участие в управлении акционерным обществом, право на получение информации о деятельности акционерного общества и другие права, которые нельзя отнести к имущественным» [17, с. 37].

Отличие акции от остальных корпоративных ценных бумаг Г. Н. Шевченко видит в том, что акция — единственная эмиссионная ценная бумага, которая закрепляет неимущественные права.

Многие отечественные цивилисты считают, что из всех эмиссионных ценных бумаг неимущественные права предоставляются только акцией. Их вывод вытекает из анализа ст. 2 ФЗ «О рынке ценных бумаг». В ней дано определение эмиссионной ценной бумаги, согласно которому такая ценная бумага, помимо прочего, закрепляет совокупность имущественных и неимущественных прав. В данной статье в качестве эмиссионных ценных бумаг названы акция, облигация, опцион эмитента и российская депозитарная расписка, но из их определений ясно, что, кроме акции, никакие другие ценные бумаги не закрепляют неимущественных прав. На самом деле определение эмиссионной ценной бумаги верно: каждая эмиссионная ценная бумага закрепляет неимущественные права, как минимум, право на получение информации, связанной с владением ценной бумагой, но могут иметь место и другие права. Например, исходя из ст. 29.6 ФЗ «О рынке ценных бумаг», становится ясно, что облигация закрепляет неимущественное право ее владельца на участие в общем собрании владельцев облигаций, но, учитывая компетенцию подобного собрания, данную в ст. 29.7 ФЗ «О рынке ценных бумаг», права на участие в нем нельзя считать корпоративными правами, так как, согласно абз.1 п.1 ст. 65.3 ГК РФ, высшим органом корпорации является общее собрание акционеров. Отличие акции от остальных эмиссионных ценных бумаг заключается в том, что она предоставляет более широкий набор неимущественных прав: не только, например, прав на получение информации, связанной с владением ценной бумагой, но и корпоративных прав.

И. Н. Бутина в 2006 году справедливо отмечала: «Акция является единственной корпоративной ценной бумагой, т. е. ценной бумагой, удостоверяющей право членства в хозяйственном, а точнее — акционерном обществе. Иными

словами, акция всегда неразрывно связана с существованием и деятельностью акционерного общества. При этом подразумевается, что акция эмитируется только акционерными обществами и носит бессрочный характер, т. е. не имеет заранее определенного конечного срока погашения, поскольку срок существования акции, по общему правилу, равен сроку существования самого акционерного общества» [18, с. 76].

Е. А. Суханов в 2011 году писал, что корпоративные ценные бумаги — это ценные бумаги, «выпускаемые хозяйственными, главным образом акционерными, обществами» [19, с. 328]. Вместе с тем он уточняет, добавляя, что это ценные бумаги, «выражающие право на участие в делах акционерного общества (акции и их сертификаты)» [19, с. 327].

Э. С. Петросян в 2012 году определял корпоративную ценную бумагу как «оборотоспособную, эмиссионную ценную бумагу с установленными законодательством реквизитами и формой, признанную государством, выпущенную юридическим лицом и предоставляющую владельцу имущественные и неимущественные права в течение всего срока существования эмитента» [20, с. 52]. Срок акций, в отличие от остальных эмиссионных ценных бумаг, не ограничивается конкретным временным отрезком, как было отмечено двумя абзацами выше. Акции действуют на протяжении всего времени существования акционерного общества и даже после его ликвидации, так как, согласно абз.5 ст. 2 ФЗ «О рынке ценных бумаг», акция закрепляет права ее владельца на часть имущества, остающегося после ликвидации акционерного общества.

С. М. Бойцов в 2015 году писал: «Корпоративная ценная бумага — это эмиссионная ценная бумага, выпускаемая корпорацией и удостоверяющая особое корпоративное право на участие в управлении корпорацией, а также иные корпоративные права имущественного и неимущественного характера. На сегодняшний день корпоративной бумагой является акция» [21, с. 76].

Итак, после изучения всех приведенных определений можно заключить, что в правовой доктрине есть три различных пути понимания корпоративных ценных бумаг.

Теперь следует перейти к выведению собственных научно-теоретических положений о корпоративных эмиссионных ценных бумагах.

Первый очевидный критерий таких ценных бумаг — это то, что они являются эмиссионными.

Вторым очевидным критерием корпоративных эмиссионных ценных бумаг является тот факт, что их эмитентами выступают юридические лица, а не государство. Так, согласно абз.1 п.1 ст. 65.1 ГК РФ, корпорации — это определенный вид юридических лиц.

Существует и третий, основной, критерий корпоративных эмиссионных ценных бумаг. С одной стороны, если слово «корпоративные» в их названии соотносить с корпоративными организациями-эмитентами, то корпоративными эмиссионными ценными бумагами можно считать

эмиссионные ценные бумаги, выпускаемые всеми корпоративными организациями, которые уполномочены их выпускать. С другой стороны, если слово «корпоративные» соотносить с уже упомянутыми корпоративными правами, удостоверяемыми такими ценными бумагами, то круг возможных эмитентов будет значительно сужен. Если придерживаться первой позиции, получится ситуация, при которой эмиссионные ценные бумаги, выпускаемые корпоративными организациями, будут отличаться от эмиссионных ценных бумаг, выпускаемых унитарными организациями, только названием, но не сущностью. Как уже было сказано, государственное или муниципальное предприятие вправе осуществлять займствования путем размещения облигаций. Все эти ценные бумаги (корпоративные и унитарные) можно будет объединить в одну группу и назвать эмиссионными ценными бумагами юридических лиц. Если же придерживаться второй позиции, то акции, выпускаемые акционерными обществами, будут отличаться от других эмиссионных ценных бумаг, выпускаемых акционерными обществами, от эмиссионных ценных бумаг, выпускаемых остальными корпоративными организациями, а также от эмиссионных ценных бумаг, выпускаемых унитарными организациями, тем, что они наделяют их владельцев правами на участие в управлении их эмитентом, то есть корпоративными правами в отношении их эмитента. Представляется обоснованной вторая позиция, представителями которой являются М. М. Агарков, Е. А. Крашенинников, Г. Н. Шевченко, И. Н. Бутина, Е. А. Суханов, Э. С. Петросян и С. М. Бойцов. Следует признать, что третьим критерием корпоративных эмиссионных ценных бумаг является то, что они наделяют их владельцев корпоративными правами в отношении их эмитента (правами на участие в управлении их эмитентом).

Корпоративные права имеют место во всех корпоративных организациях, что следует из определения корпорации, но не во всех корпоративных организациях корпоративные права удостоверяются эмиссионными ценными бумагами: такое возможно только в акционерных обществах, потому что в них, согласно абз.1 п.1 ст. 2 ФЗ «Об акционерных обществах», уставный капитал разделен на определенное число акций [22]. В других корпорациях, например, в обществах с ограниченной ответственностью, функцию акций выполняют доли в уставном капитале, так как, согласно абз.1 п.1 ст. 2 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», в таких обществах уставный капитал разделен на доли [23]; однако доли не являются ценными бумагами.

Исходя из трех указанных критериев корпоративных эмиссионных ценных бумаг, можно составить определение последних. Корпоративные эмиссионные ценные бумаги — это эмиссионные ценные бумаги, выпускаемые корпоративными организациями и наделяющие их владельцев корпоративными правами в отношении их эмитента. Как было сказано, корпоративные права возможны только в корпоративных организациях, поэтому, несмотря на вывод

о том, что корпоративные эмиссионные ценные бумаги выпускаются юридическими лицами, необходимо сузить перечень возможных эмитентов до корпораций. С другой стороны, если сузить его до акционерных обществ, тогда определение корпоративных эмиссионных ценных бумаг будет практически повторять определение акции. Родовое понятие должно быть шире видового. Поэтому в определении корпоративных эмиссионных ценных бумаг необходимо указать, что они выпускаются именно корпоративными организациями, чтобы в случае появления новых видов корпоративных эмиссионных ценных бумаг и новых видов корпораций, где уставный капитал разделен на такие ценные бумаги, данные новые ценные бумаги могли, как и акции в настоящее время, подпадать под выведенное определение корпоративных эмиссионных ценных бумаг.

Также представляется возможным дать второе определение корпоративных эмиссионных ценных бумаг. Корпоративные эмиссионные ценные бумаги — это эмиссионные ценные бумаги, на определенное число которых разделен уставный капитал корпоративной организации.

Исходя из трех указанных критериев корпоративных эмиссионных ценных бумаг, можно составить закрытый перечень последних, ставший очевидным после проведенного исследования. В настоящий момент он включает в себя только акцию. Объект данного исследования сужен до акции.

Корпоративные эмиссионные ценные бумаги занимают определенное место в системе ценных бумаг, которую необходимо представить в виде нескольких различных классификаций.

В первой классификации ценные бумаги делятся по способу введения в гражданский оборот: на эмиссионные (ст. 2 ФЗ «О рынке ценных бумаг») и неэмиссионные, не обладающие признаками первых.

Корпоративные эмиссионные ценные бумаги, как было сказано, относятся к эмиссионным.

Во второй классификации эмиссионные ценные бумаги делятся по эмитенту. Уже отмечалось, что ценные бумаги могут выпускаться юридическими лицами. Вместе с тем также имеют место государственные и муниципальные ценные бумаги, эмитентами которых являются соответственно исполнительные органы государственной власти и местные администрации, которые выпускают от имени публично-правового образования ценные бумаги и несут обязательства перед владельцами ценных бумаг по осуществлению прав, закрепленных этими ценными бумагами, согласно абз.1 п.3 ст. 2 ФЗ «Об особенностях эмиссии и обращения государственных и муниципальных ценных бумаг» [24].

Отсюда следует, что эмиссионные ценные бумаги, в зависимости от их эмитента, можно разделить на государственные, муниципальные и частные, то есть выпускаемые юридическими лицами, — по аналогии с государственной, муниципальной и частной собственностью.

Корпоративные эмиссионные ценные бумаги, как было сказано, относятся к частным, которые при этом можно разделить на три подгруппы: корпоративные ценные бумаги; ценные бумаги, конвертируемые в акции; ценные бумаги, не наделяющие их владельцев корпоративными правами в отношении их эмитента.

К ценным бумагам, конвертируемым в акции, относятся конвертируемые облигации акционерных обществ и опционы эмитента. Данные ценные бумаги могут конвертироваться в акции, согласно п.2 ст. 7 ФЗ «Об акционерных обществах». Отсюда можно сделать вывод, что конвертируемые облигации акционерных обществ и опционы эмитента наделяют их владельцев корпоративными правами в отношении их эмитента косвенным путем. Данное свойство ставит их в промежуточное положение между корпоративными ценными бумагами и ценными бумагами, не наделяющими их владельцев правами участия. К последним также относятся неконвертируемые облигации акционерных обществ.

К группе эмиссионных ценных бумаг, конвертируемых в акции, не относятся привилегированные акции, которые могут конвертироваться в обыкновенные акции и привилегированные акции иных типов, согласно абз.2 п.3 ст. 32 ФЗ «Об акционерных обществах». Несмотря на возможность их конвертации, привилегированные акции являются в первую очередь акциями, наделяющими их владельцев корпоративными правами, пусть и в ином объеме, так как, согласно абз.1 п.1 ст. 32 ФЗ «Об акционерных обществах», владельцы привилегированных акций общества не имеют права голоса на общем собрании акционеров, если иное не установлено ФЗ «Об акционерных обществах». Конвертируемость разных видов и типов акций не выходит за пределы понятия акций, а значит, привилегированные акции относятся к корпоративным ценным бумагам.

В третьей классификации эмиссионные ценные бумаги делятся по закреплению имени владельца. Согласно абз.1 ст. 16 ФЗ «О рынке ценных бумаг», эмиссионные ценные бумаги могут быть именными или на предъявителя.

Корпоративные эмиссионные ценные бумаги относятся к именованным: акция лишилась возможности выпускаться в качестве ценной бумаги на предъявителя после вступления в силу ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» и о внесении дополнения в Федеральный закон «О некоммерческих организациях» (ст. 1) [25]. С этого момента акция может быть только именной ценной бумагой.

Также с этого момента именные эмиссионные ценные бумаги могут выпускаться только в бездокументарной форме, что служит основанием для составления еще одной классификации.

В четвертой классификации ценные бумаги делятся по форме: на документарные и бездокументарные.

Определения документарных и бездокументарных ценных бумаг содержатся в ст. 142 ГК РФ. Общим для двух

данных видов ценных бумаг является то, что в обоих случаях имеют место обязательственные и иные права. В связи с этим представляется обоснованным вывод, согласно которому данные определения ценных бумаг следует считать не определениями двух разных понятий, а классификацией ценных бумаг по форме. С другой стороны, в литературе давно ведутся справедливые дискуссии о правовой природе бездокументарных ценных бумаг, которые не являются ни документами, ни бумагами, поэтому отнесение бездокументарных бумаг к ценным бумагам не может быть бесспорным и служит предметом для отдельного исследования, выходящего за рамки темы настоящей статьи.

Как уже было сказано, эмиссионные ценные бумаги могут быть именными или на предъявителя. Согласно абз.1 ст. 16 ФЗ «О рынке ценных бумаг», именные эмиссионные ценные бумаги могут выпускаться только в бездокументарной форме, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами. Эмиссионные ценные бумаги на предъявителя могут выпускаться только в документарной форме.

В качестве исключения из правила о том, что именные эмиссионные ценные бумаги могут быть только бездокументарными, в абз.1 ст. 4 ФЗ «Об особенностях эмиссии и обращения государственных и муниципальных ценных бумаг» названы именные государственные и муниципальные ценные бумаги в документарной форме, но данные бумаги не относятся к частным.

Корпоративные эмиссионные ценные бумаги относятся к бездокументарным: поскольку акция является именной ценной бумагой, то она может выпускаться только в бездокументарной форме.

Классификация ценных бумаг по форме является наиболее важной, так как ответ на вопрос о месте корпоративных эмиссионных ценных бумаг в данной классификации позволит ответить на вопрос об их месте в системе объектов гражданских прав.

Употребление термина «объект гражданских прав» требует дать определение этого понятия. Оно приводится в ст. 128 ГК РФ, но путем классификации, перечисления, этих объектов. Такой вид изложения норм права в статьях нормативных правовых актов назван казуистическим. Он используется, когда трудно объединить все частности в одно абстрактное определение [26, с. 237]. Исходя из указанной статьи, все объекты гражданских прав делятся на две большие группы: нематериальные блага и все остальные. Так как нематериальным благам всегда противопоставляются материальные, следует называть данные «все остальные» блага материальными. Отсюда можно сделать вывод, что объекты гражданских прав — это материальные и нематериальные блага, с которыми у лица может быть юридическая связь. В свою очередь, такая связь, включающая в себя гражданские права и обязанности, может возникать, изменяться либо прекращаться. Материальные блага включают в себя имущество; результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные

к ним средства индивидуализации (интеллектуальную собственность). Имущество делится на вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги) и иное имущество (в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги и имущественные права). Из данной статьи следует, что ценные бумаги относятся к имуществу, но документарные ценные бумаги являются вещами, а бездокументарные — «иным имуществом», не относящимся к вещам.

Отсюда можно заключить, что корпоративные эмиссионные ценные бумаги относятся к «иному имуществу».

С другой стороны, особенность корпоративных эмиссионных ценных бумаг заключается в том, что, покупая такие бумаги, новоиспеченный акционер приобретает часть юридического лица (компании, бизнеса), а не просто ценные бумаги. В связи с этим акции могут пониматься не только как «иное имущество».

Тот факт, что из всех ценных бумаг только корпоративные бумаги понимаются как часть организации, говорит об уникальной правовой природе понятия «корпоративные эмиссионные ценные бумаги» (в отличие от всех остальных, некорпоративных, бумаг).

Литература:

1. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Миркин Я. М. Ценные бумаги и фондовый рынок: профессиональный курс в Финансовой Академии при Правительстве РФ. М., 1995. 532 с.
4. Волова Ж. А. Опционные модели оценки стоимости корпоративных ценных бумаг // Дайджест-финансы. 2003. № 7 (103). С. 47–50.
5. Федеральный закон от 14.11.2002 № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» // СЗ РФ. 2002. № 48. Ст. 4746.
6. Корпоративные ценные бумаги: акции, облигации, векселя: учебное пособие / Давиденко Л. П. М., 2004. 84 с.
7. Корпоративные ценные бумаги как инструмент инвестиционной привлекательности компаний / под ред. д. э. н., профессора Асаула А. Н. СПб., 2008. 288 с.
8. Сорокина Н. С., Дикарева И. А. Рынок корпоративных ценных бумаг России // Инновационная наука. 2017. № 1–1. С. 97–98.
9. Решетина Е. Н. Корпоративные эмиссионные ценные бумаги и их купля-продажа при первичном размещении: проблемы правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Ростов н/Д., 2003. 180 с.
10. Решетина Е. Н. Суррогат или ценная бумага? М., 2013. 136 с.
11. Распоряжение ФКЦБ РФ от 04.04.2002 № 421/р «О рекомендации к применению Кодекса корпоративного поведения» (вместе с «Кодексом корпоративного поведения» от 05.04.2002) // Вестник ФКЦБ России. 2002. № 4.
12. Мелькумянц А. В. Корпоративное право: конспект лекций. Ростов н/Д., 2007. 285, [1] с.
13. Кремлева О. К. Понятие корпоративных ценных бумаг // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. 2009. № 3. С. 46–55.
14. Корпоративное право: учебник / отв. ред. И. С. Шиткина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2015. 1080 с.
15. Агарков М. М. Учение о ценных бумагах. М., 1927. 168 с.
16. Крашенинников Е. А. Именная акция как ценная бумага // Очерки по торговому праву: сб. науч. тр. Вып. 2 / под ред. Е. А. Крашенинникова. Ярославль, 1995. С. 3–17.
17. Шевченко Г. Н. Акция как корпоративная ценная бумага // Журнал российского права. 2005. № 1 (97). С. 37–46.
18. Бутина И. Н. Правовая сущность современной акции как ценной бумаги // Правоведение. 2006. № 6. С. 67–81.
19. Российское гражданское право: учебник. В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М., 2011. 958 с.
20. Петросян Э. С. Проблемы дефиниции корпоративной ценной бумаги // Право и экономика. 2012. № 8. С. 49–53.
21. Бойцов С. М. Понятие корпоративной ценной бумаги // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 3 (41). С. 69–76.
22. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.
23. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.
24. Федеральный закон от 29.07.1998 № 136-ФЗ «Об особенностях эмиссии и обращения государственных и муниципальных ценных бумаг» // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3814.
25. Федеральный закон от 28.12.2002 № 185-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» и о внесении дополнения в Федеральный закон «О некоммерческих организациях» // СЗ РФ. 2002. № 52 (2 ч.). Ст. 5141.

26. Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2016. 464 с.

Истечение срока и возникновение противоречий как основания прекращения опеки и попечительства

Кнороз Андрей Иванович, доцент
Международный славянский институт (г. Москва)

В современном российском законодательстве основания для прекращения опеки и попечительства закреплены в ст. 39, 40 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) и ст. 29 Федерального закона от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (далее — Закон об опеке и попечительстве) [1]. Кроме того, основания для прекращения опеки и попечительства относительно детей, оставшихся без попечения родителей могут содержаться и в нормах семейного законодательства. На это указывает п. 3 ст. 145 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ) — отношения, возникающие в связи с прекращением опеки и попечительства над детьми, оставшимися без попечения родителей, регулируются ГК РФ, Законом об опеке и попечительстве и принимаемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, если иное не предусмотрено СК РФ и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы семейного права. В качестве оснований прекращения опеки и попечительства выделяются следующие обстоятельства:

- 1) смерть опекуна или попечителя либо подопечного;
- 2) истечение срока действия акта о назначении опекуна или попечителя;
- 3) освобождение опекуна или попечителя от исполнения своих обязанностей в случае:
 - возвращения несовершеннолетнего его родителям;
 - усыновления несовершеннолетнего;
 - помещения подопечного под надзор в образовательную организацию, медицинскую организацию, организацию, оказывающую социальные услуги, или иную организацию, в том числе в организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей;
 - просьбы опекуна или попечителя;
 - возникновения противоречий между интересами подопечного и интересами опекуна или попечителя;
- 4) отстранение опекуна или попечителя от исполнения своих обязанностей в случае:
 - ненадлежащего исполнения возложенных на опекуна или попечителя обязанностей;
 - нарушения прав и законных интересов подопечного, в том числе при осуществлении опеки

или попечительства в корыстных целях либо при оставлении подопечного без надзора и необходимой помощи;

- выявления органом опеки и попечительства фактов существенного нарушения опекуном или попечителем установленных федеральным законом или договором правил охраны имущества подопечного и (или) распоряжения его имуществом;
- неисполнения решения суда (в отличие от предыдущих оснований отстранения опекуна и попечителя от исполнения своих обязанностей закреплено не в гражданском, а в семейном законодательстве (п. 3 ст. 148.1 СК РФ));

5) прекращение опеки и попечительства в случаях, предусмотренных ст. 40 ГК РФ:

- вынесения судом решения о признании подопечного дееспособным или отмене ограничений его дееспособности;
- достижения малолетним подопечным четырнадцати лет;
- достижения несовершеннолетним подопечным восемнадцати лет, его эмансипации или вступления в брак до 18 лет;

6) прекращение опеки над детьми несовершеннолетних родителей по достижении такими родителями возраста восемнадцати лет и в других случаях приобретения ими гражданской дееспособности в полном объеме до достижения совершеннолетия.

Среди указанных оснований прекращения опеки и попечительства законодатель особо выделяет истечение срока действия акта о назначении опекуна (попечителя) и освобождение опекуна (попечителя) от исполнения своих обязанностей в случае возникновения противоречий между интересами подопечного и интересами опекуна (попечителя).

В соответствии с действующим законодательством опека или попечительство могут быть прекращены по истечении срока действия акта о назначении опекуна или попечителя (п. 2 ч. 1 ст. 29 Закона об опеке и попечительстве). Речь идёт о случаях, когда на основании ч. 6 ст. 11 Закона об опеке и попечительстве в акте органа опеки и попечительства о назначении опекуна или попечителя указан срок действия полномочий опекуна или попечителя. Этот срок может быть определён как периодом времени,

так и указанием на наступление определённого события. Указание срока действия полномочий опекуна или попечителя не является обязательным.

Истечение данного срока является новым основанием «автоматического» прекращения опеки или попечительства. В отличие от обстоятельств субъективного характера, в связи с которыми прекращается опека и попечительство (случаи смерти опекуна (попечителя) или подопечного, освобождения или отстранения опекуна или попечителя от выполнения своих обязанностей и др.), истечение срока действия полномочий опекуна или попечителя является объективным обстоятельством.

По мнению Пивоваровой Т. Г. и Кузнецовой О. В., указанное основание применяется при прекращении только предварительной опеки или попечительства, установленной на основании ст. 12 Закона об опеке и попечительстве [2]. Данное утверждение представляется не верным по следующей причине. Истечение срока действия акта о назначении опекуна или попечителя, как основание прекращения опеки и попечительства, применимо не только при предварительной, но и при временной, краткосрочной опеке (попечительстве). Например, в случаях, когда согласно ч. 1 ст. 13 Закона об опеке и попечительстве опека устанавливается над ребенком на период отсутствия по уважительным причинам родителей ребенка (длительная командировка) или до момента окончания отбывания срока лишения свободы одного из родителей опекаемого.

Следует отметить, что истечение срока действия акта о назначении опекуна или попечителя в силу ч. 5 ст. 12 Закона об опеке и попечительстве не всегда влечёт за собой прекращение опеки и попечительства. Опека или попечительство не прекращаются в двух случаях: если орган опеки и попечительства назначил лицо, исполняющее обязанности временно, опекуном или попечителем на постоянный срок; или если орган опеки и попечительства при наличии исключительных обстоятельств принял решение об увеличении срока до восьми месяцев.

Таким образом, истечение срока действия акта о назначении опекуна или попечителя является относительным основанием прекращения опеки и попечительства.

Одним из оснований прекращения опеки и попечительства согласно п. 3 ч. 1 ст. 29 Закона об опеке и попечительстве является освобождение опекунов и попечителей от исполнения ими своих обязанностей. Заметим, что данное основание также закреплено в качестве полномочия органов опеки и попечительства в п. 5 ч. 1 ст. 8 рассматриваемого закона. Осуществление органами опеки и попечительства указанного полномочия регламентировано ст. 39 ГК РФ, а также положениями ч. 3, 4, 6, 7 ст. 29 Закона об опеке и попечительстве. Освобождение опекуна или попечителя от исполнения возложенных на них обязанностей соотносится с прекращением опеки и попечительства как часть и целое. Само освобождение опекуна или попечителя по своей природе служит мерой защиты. Для его применения достаточно наличия определенных объективных

обстоятельств. Наличие вины опекуна или попечителя для применения этой меры не требуется.

Как указывалось выше, освобождение опекуна или попечителя предусмотрено в следующих случаях:

- возвращения несовершеннолетнего его родителям, усыновления несовершеннолетнего или его устройства в организации, исполняющие функции опекунов и попечителей;
- по просьбе опекуна или попечителя;
- возникновения противоречий между интересами подопечного и интересами опекуна или попечителя.

В соответствии с ч. 2 п. 2 ст. 39 ГК РФ, опекун или попечитель может быть освобожден от исполнения своих обязанностей по инициативе органа опеки и попечительства в случае возникновения противоречий между интересами подопечного и интересами опекуна или попечителя, в том числе временно. Таким образом, основанием для освобождения опекуна (попечителя) от обязанностей является возникновение *противоречий* (курсив наш. — А. К.) между интересами подопечного и интересами опекуна (попечителя).

Противоречия между интересами подопечного и интересами опекуна (попечителя) являются относительными основаниями прекращения опеки (попечительства). Они относятся к обстоятельствам объективного характера, которые прекращают правоотношения после вынесения соответствующего решения органами опеки и попечительства.

Возможность освобождения, но не отстранения опекуна или попечителя от исполнения возложенных на них обязанностей по инициативе органа опеки и попечительства является одной из новелл действующего законодательства. В указанной норме речь идет не о случаях нарушения опекуном или попечителем требований закона или договора, а имеются в виду объективные причины и обстоятельства, препятствующие осуществлению прав опекуна или попечителя. Так, например, различные интересы могут возникнуть в случае судебного спора о наследовании имущества, где возможными наследниками являются подопечный и назначенный ему опекун, попечитель либо спора по получению образования. Кроме того, освобождение опекуна (попечителя) несовершеннолетнего может произойти при отсутствии всякого взаимопонимания между ним и его воспитанником, когда возникает конфликт, который в рамках семьи преодолеть не удается.

Согласно ч. 2 п. 2 ст. 39 ГК РФ и ч. 4 ст. 29 Закона об опеке и попечительстве наличие указанных противоречий может стать основанием не только для окончательного, но и для временного освобождения опекуна или попечителя от обязанностей. Поэтому в названном случае орган опеки и попечительства до разрешения спора может временно взять на себя выполнение обязанностей опекуна, попечителя и представлять интересы подопечного в суде до разрешения спора, т. е. до вынесения судом окончательного решения.

Следует отметить, что если в отношении основания освобождения опекуна или попечителя от исполнения своих обязанностей по их просьбе в действующем законодательстве предусмотрены две аналогичные нормы (ч. 1 п. 2 ст. 39 ГК РФ и ч. 3 ст. 29 Закона об опеке и попечительстве), то относительно освобождения в случае возникновения противоречий между интересами подопечного и интересами опекуна или попечителя в указанных нормативных правовых актах мы наблюдаем иную картину. Так, исходя из буквального толкования ч. 2 п. 2 ст. 39 ГК РФ, освобождение от исполнения своих обязанностей опекунов или попечителей возможно только по инициативе органа опеки и попечительства. Несколько иное содержание имеет ч. 4 ст. 29 Закона об опеке и попечительстве, определяющая: «Орган опеки и попечительства может освободить опекуна или попечителя от исполнения своих обязанностей, в том числе временно, в случае возникновения противоречий между интересами подопечного и интересами опекуна или попечителя». В таком случае не указано, от кого именно должна исходить инициатива. Следовательно, она может исходить не только от органа опеки и попечительства, но и от опекуна (попечителя) или даже от подопечного.

Таким образом, на первый взгляд просматривается установление двух разных правил, но на самом деле это

фактически нарушение правил юридической техники. Поэтому представляется целесообразным, предусмотреть нормы идентичного содержания (ч. 4 ст. 29 Закона об опеке и попечительстве) и в ч. 2 п. 2 ст. 39 ГК РФ.

Заметим, что закрепление в отечественном законодательстве в качестве основания освобождение опекуна или попечителя от исполнения своих обязанностей в случае возникновения противоречий между интересами подопечного и интересами опекуна и попечителя является проявлением действия одного из основных принципов гражданского права: при осуществлении своих прав и исполнении обязанностей субъекты гражданского права действуют по своему усмотрению и в своем интересе.

В действующем российском законодательстве установленный перечень оснований для освобождения опекуна или попечителя от обязанностей не является исчерпывающим. Кроме причин, указанных в законе, могут быть и другие причины. Например, морально-психологическими причинами является отсутствие у опекуна, попечителя необходимого контакта с подопечным. Освобождение опекуна или попечителя от обязанностей орган опеки и попечительства вправе осуществлять во всех случаях, когда того требуют интересы подопечного, особенно в тех случаях, когда подопечным является ребёнок.

Литература:

1. Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 17. Ст. 1755.
2. Пивоварова Т. Г., Кузнецова О. В. Комментарий к Федеральному закону «Об опеке и попечительстве». — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2013. С. 187.

Некоторые проблемы применения законодательства о недееспособности граждан и пути их решения

Лахметкина Юлия Сергеевна, магистрант
Саратовская государственная юридическая академия

В соответствии с частью 1 статьи 29 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) недееспособным признается гражданин, который вследствие психического расстройства не может понимать значения своих действий или руководить ими. [1] Исходя из данного определения, сразу же возникает вопрос: что же понимается под психическим расстройством? Понятие «психическое расстройство» не имеет законодательного определения, что в свою очередь вызывает проблемы при рассмотрении дел о признании граждан недееспособными. Соответственно данный термин имеет разные значения с точки зрения юриспруденции, психиатрии и психологии. В сфере юриспруденции под психическим расстройством понимают временное психическое расстройство, хроническое психическое

расстройство (заболевание), слабоумие, а также иные болезненные состояния [7, с. 201]. В психиатрии — описываются на МКБ-10 и перечисляют в нем клинически определенную группу симптомов или поведенческих признаков, обычно причиняющих страдание и препятствующих функционированию личности. [8] Психология использует данный термин для описания любого состояния психики, отличного от здорового. Наиболее точным определением психического расстройства, на мой взгляд, является определение в области юриспруденции, которое нашло свое отражение в статье 21 Уголовного кодекса Российской Федерации. [3]

Другим спорным вопросом является вопрос об определении круга лиц, имеющих право на подачу заявления

в суд о признании гражданина недееспособным. Так, согласно статье 281 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации дело о признании гражданина недееспособным вследствие психического расстройства может быть возбуждено в суде на основании заявления членов его семьи, близких родственников (родителей, детей, братьев, сестер) независимо от совместного с ним проживания, органа опеки и попечительства, медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь, или стационарной организации социального обслуживания, предназначенной для лиц, страдающих психическими расстройствами. [2] Однако, на практике вышеуказанные субъекты не всегда обращаются в суд с необходимым заявлением, либо у данного лица вовсе не имеется семьи и близких родственников, что может привести к неблагоприятным последствиям. Ведь зачастую возникают такие случаи, когда лица, страдающие психическими расстройствами, неосознанно совершают противоправные действия, такие как: порча или уничтожение чужого имущества, причинение вреда здоровью человеку, лишение свободы человека и иные случаи. Анализируя данную гражданско-правовую норму, считаю, необходимым расширить круг лиц, имеющих право на подачу заявления в суд для возбуждения дела о признании гражданина недееспособным, а именно, предоставить возможность любому заинтересованному лицу подавать такое заявление о признании гражданина недееспособным. Расширение гражданско-процессуальной нормы позволит осуществить профилактику противоправных действий, а также послужит защите и охране прав и свобод личности.

Следует также отметить, что существует проблема отсутствия единой базы недееспособных лиц в Российской Федерации. Кроме того, данная информация не фиксируется в документах, удостоверяющих личность. Однако, в некоторых европейских странах наличие статуса недееспособного отмечается в документах самого гражданина. Например, в Бельгии сам факт наличия у лица умственной отсталости указывается в удостоверении личности гражданина, реестре населения и в картотеке Министерства юстиции, что является, безусловно, положительным фактором, как для самого недееспособного лица, так и для лиц, попадающих в круг его общения. [6] Отсутствие в Российской Федерации специальных документов, подтверждающих недееспособность гражданина, создает некоторые трудности для данных лиц, не соблюдаются в полной мере их гражданские права и способности. Близкие родственники или члены семьи такого гражданина могут намеренно скрыть факт недееспособности с корыстной целью. Такая проблема имеет свое негативное отражение и на деятельности нотариусов.

Статья 42 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате (далее — Основы) говорит о том, что при совершении нотариального действия нотариус устанавливает личность обратившегося за совершением нотариального действия гражданина, его представителя или представителя юридического лица. Статья 43 Основ гласит, что при удостоверении сделок осуществляется

проверка дееспособности граждан и правоспособности юридических лиц, обратившихся за совершением нотариального действия. [4] Однако, ни в одном нормативно-правовом акте не закреплены нормы, регулирующие способы и порядок проверки дееспособности граждан. В своей практической деятельности нотариус может определить дееспособность гражданина только лишь по внешнему виду и возрасту на основании документа, удостоверяющего личность. В случае возникновения сомнений в дееспособности обратившегося за оказанием услуг лица, нотариус вправе потребовать у данного лица справку от врача-психиатра, о том, что данное лицо не состоит на учете в психиатрической больнице, а также может истребовать у суда информацию о наличии или отсутствии в производстве решения суда относительно данного гражданина. Но в таком случае это усложнит деятельность нотариусов и судов и затянет сам процесс совершения нотариального действия. Во избежание нарушения законных прав и свобод недееспособного гражданина, упрощения деятельности нотариусов и судебных органов и предотвращения совершения противоречащих закону нотариальных действий, необходимо воспользоваться зарубежным опытом. В первую очередь — создать единую информационную базу или реестр недееспособных лиц, во вторую очередь — проставлять отметки о признании гражданина недееспособным в документе, удостоверяющем личность. Совершение данных действий позволит восполнить пробелы в российском законодательстве, предоставить возможность с точностью определить статус недееспособного лица и предотвратить совершение противоправных действий.

При исследовании последствий признания гражданина недееспособным следует коснуться имущественных прав и свобод данного лица. Как нам известно, при признании судом гражданина недееспособным над ним устанавливается опека. Опекун в соответствии с гражданским законодательством совершает все сделки от имени недееспособного, а также имеет право распоряжаться имуществом опекаемого. Опекун не всегда может являться добросовестным по отношению к своему подопечному и может иметь свои корыстные цели. Примером может послужить дело, рассмотренное Октябрьским районным судом города Краснодара, в котором прокурор Западного административного округа г. Краснодара в интересах недееспособной Б. З. Г. обратился в суд с иском к Б. Д. В. о взыскании незаконно израсходованных денежных средств опекуном. Согласно отчета опекуна о хранении, об использовании имущества совершеннолетнего недееспособного гражданина и управлении этим имуществом за 2010 год, Б. Д. В. получены денежные средства Б. З. Г. в размере 103 182,76 рублей, из которых им произведена оплата за жилищно-коммунальные услуги квартиры, расположенной по адресу <адрес> в размере 1999 рублей, в которой Б. З. Г. не проживает с июня 2010 года. Кроме того, из указанных средств им оплачена государственная пошлина за оформление государственной регистрации

подопечной на квартиру по адресу <адрес> в размере 1700 рублей. Согласно информации, представленной управлением пенсионного фонда в ЗВО г. Краснодара от 03 марта 2011 г. за период времени с 01.09.2010 г. по 31.01.2011 г. общая сумма ежемесячных денежных выплат Б.З.Г. составила 213713,50 рублей. Данные средства получены опекуном Б.Д.В. В отчете опекуна отсутствует информация о расходовании денежных средств в размере 210014,5 рублей в интересах подопечной Б.З.Г. до прекращения опеки Б.Д.В. Просит взыскать с Б.Д.В. сумму денежных средств в размере 210.014 рублей 50 копеек, причитающихся Б.З.Г. как участнику ВОВ, инвалиду 2 группы, члену семьи погибшего Героя СССР, потраченных не в интересах подопечной. [9] На основании данной судебной практики очевидны нарушения исполнения своих обязанностей опекуном, так как большая часть предоставленной денежной суммы недееспособной Б.З.Г. была потрачена не в ее интересах. Кроме того, опекун может ввести в заблуждение недееспособного и навязать ему свое предложение о распоряжении его имуществом, скрыть сам факт недееспособности для других лиц. В особенности это касается сделок, совершенных в простой письменной форме, когда стороны сделки не имеют возможности установления наличия или отсутствия дееспособности другой стороны по сделке. В данном случае может пострадать и недееспособное лицо, и другая сторона сделки, так как все сделки от имени недееспособного лица являются ничтожными.

В статье 37 ГК РФ также указывается, что опекун распоряжается доходами подопечного, в том числе доходами, причитающимися подопечному от управления его имуществом, за исключением доходов, которыми подопечный вправе распоряжаться самостоятельно, исключительно в интересах подопечного и с предварительного разрешения органа опеки и попечительства. Однако на основании судебной практики можно прийти к выводу, что институт опеки и попечительства в Российской Федерации недостаточно развит и мало эффективен. Во избежание нарушения и соблюдения, предоставленных законом прав и свобод недееспособных граждан, необходимо усилить контроль со стороны правоохранительных и государственных органов

и учреждений над опекунами, действующими в интересах недееспособных, что в значительной мере предотвратит нарушение действующего законодательства.

В отличие от законодательства Германии, Франции и Эстонии в законодательстве Российской Федерации отсутствует временный срок для признания гражданина недееспособным. Существует большое количество заболеваний, которые имеют лишь временное свое проявление. В вышеуказанных странах существует практика периодического пересмотра решений о признании гражданина недееспособным, что, с одной стороны, послужит гарантией судебной защиты данной категории граждан, но с другой стороны, усложнит деятельность судебных органов. В части 3 статьи Федерального закона «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» упоминается о том, что стационарная организация социального обслуживания, предназначенная для лиц, страдающих психическими расстройствами, обязана не реже одного раза в год проводить освидетельствование лиц, проживающих в ней, врачебной комиссией с участием врача-психиатра в целях решения вопроса об их дальнейшем содержании в этой организации, а также о возможности пересмотра решений об их недееспособности. [5] Отсутствие обязательных пересмотров судебных решений может указывать на злоупотребление и нарушение прав и свобод граждан, признанных недееспособными. Введение указанной нормы в гражданское законодательство послужит обеспечением гарантии и защиты прав и свобод данной категории лиц.

Таким образом, действующее российское законодательство в области применения норм о признании гражданина недееспособным в настоящее время недостаточно разработано и требует внесения некоторых дополнений, изменений и восполнения пробелов. Правотворческим органам необходимо в своей деятельности обращаться к зарубежному опыту для наиболее успешного развития действующего законодательства, а правоохранительным органам требуется усилить контроль за осуществлением деятельности подчиненных им органов. Данные рекомендации могут послужить основой для усовершенствования некоторых правовых норм.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2017) // СЗ РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.08.2017) // СЗ РФ, 18.11.2002, N 46, ст. 4532.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017) // СЗ РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
4. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2017) // Российская газета, N 49, 13.03.1993.
5. Закон РФ от 02.07.1992 N 3185-1 (ред. от 03.07.2016) «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Ведомости СНД и ВС РФ, 20.08.1992, N 33, ст. 1913.
6. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / Под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2011.

7. Спасенников Б. А., Спасенников С. Б. Психические расстройства и их уголовно-правовое значение. — Москва: Юрлитинформ, 2011. — 270 с.
8. Международная классификация болезней 10-го пересмотра (МКБ-10). (сайт) URL: <http://mkb-10.com> (дата обращения: 30.10.2017 г.).
9. Решение Октябрьского районного суда г. Краснодара от 26 апреля 2011 г. по гражданскому делу по исковому заявлению Прокурора Западного административного округа г. Краснодара в интересах недееспособной Б.З.Г. к Б.Д.В. (сайт) URL: <https://gospravosudie.com> (дата обращения 31.10.2017 г.).

Особенности гражданско-правовой ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по государственному контракту

Пастухова Ирина Владимировна, магистрант

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» устанавливает ряд специальных правил о применении гражданско-правовой ответственности к отношениям, направленным на обеспечение государственных и муниципальных нужд [1]. При изучении данной темы, прежде всего необходимо установить правовую природу неустойки, предусмотренной за ненадлежащее исполнение контрактных обязательств. Штрафы и пени, предусмотренные статьей 34 Закона № 44-ФЗ, стоит рассматривать либо как законную, либо как договорную неустойку.

В юридической литературе существует дискуссия по данному вопросу. Так, одни ученые рассматривают указанную неустойку в качестве договорной, в связи, с чем приоритетным определяют волю сторон при определении размера неустойки [2].

Другие, напротив, правовую природу неустойки, предусмотренную законом № 44-ФЗ, определяют как законную неустойку [3]. Стоит согласиться с доводами представителя данной позиции, Д. А. Чваненко, который указывает на то, что «рассматриваемая нами неустойка по своей природе является законной, поскольку, во-первых, ее размер определен волей законодателя, во-вторых, она установлена за вполне конкретные нарушения» [4]. Дискуссия о правовой природе неустойки по государственному (муниципальному) контракту была рассмотрена на заседании Научно-консультативного совета при Арбитражном суде Северо-Западного округа 17 апреля 2015 года, где было установлено, что штрафы и пени, предусмотренные частями 4, 5, 7 и 8 статьи 34 Закона № 44-ФЗ, являются законными неустойками. Размер неустоек определен Законом № 44-ФЗ посредством отсылочных норм и не может быть изменен соглашением сторон [5].

Как установлено в статье 34 Закона № 44-ФЗ стороны уплачивают неустойку за просрочку исполнения обязательств, а также в иных случаях неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств по государственному

(муниципальному) контракту. При этом размер неустойки для заказчика и поставщика (подрядчика, исполнителя) определяется по-разному.

Пеня начисляется за каждый день просрочки исполнения обязательства, предусмотренного контрактом заказчиком или исполнителем. Для заказчика в части 5 статьи 34 Закона № 44-ФЗ пеня установлена в размере одной трехсотой действующей на дату уплаты пеней ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации от не уплаченной в срок суммы. Порядок установления пени в контракте в случае просрочки поставщиком исполнения обязательства определяется в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 25.11.2013 № 1063 «Об утверждении Правил определения размера штрафа, начисляемого в случае ненадлежащего исполнения заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом (за исключением просрочки исполнения обязательств заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем), и размера пени, начисляемой за каждый день просрочки исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательства, предусмотренного контрактом» [6]. Главное отличие при определении пени в случае просрочки исполнения обязательства поставщиком является то, что в вышеназванном Постановлении Правительства неустойка в виде пени устанавливается в размере **не менее** одной трехсотой действующей на дату уплаты пени ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации от цены контракта.

Арбитражные суды в своих решениях прямо указывают на то, что при просрочке исполнения обязательств заказчиком не допускается установление в контракте пеней в размере большем, чем это предусмотрено в части 5 статьи 34 Закона № 44-ФЗ [7]. Соответственно, закон не ограничивает право заказчика (но не поставщика) установить в контракте более высокий размер неустойки [8].

В связи с этим Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ в Постановлении № 5467/14 справедливо указал

на недопустимость включения заказчиком в контракт явно несправедливых и завышенных условий о неустойке поставщика, т. к. это противоречит основной идее законодательства о государственных закупках — создание стимулов участия в них [9]. Указанная позиция также связана с тем, что лицо, подписывающее государственный контракт, лишено возможности выразить собственную волю в отношении порядка начисления неустойки и вынуждено принять это условие путем присоединения к контракту в целом (договор присоединения), включая в проект государственного контракта заведомо невыгодное для контрагента условие, от которого победитель размещения заказа не может отказаться. Соответственно, возможность увеличения размера неустойки заказчиком свидетельствует о несоответствии общему признаку гражданско-правовой ответственности — равенство участников имущественного оборота при наложении на них мер гражданско-правовой ответственности;

В связи с этим в литературе обоснованно возникает вопрос: возможно ли применение положений статьи 333 Гражданского кодекса РФ к отношениям, возникшим на основании государственного (муниципального) контракта для гарантии пресечения установления необоснованно завышенного размера неустойки [10]. Сложилась достаточно устойчивая практика по данному спору. Так, Арбитражные суды однозначно указывают на то, что согласно части 1 статьи 2 Закона № 44-ФЗ законодательство о контрактной системе основывается на положениях Конституции РФ, Гражданского кодекса РФ и Бюджетного кодекса РФ. Соответственно, при наличии оснований применения для снижения неустойки, применение статьи 333 Гражданского кодекса РФ является возможным [11].

Неустойка в виде штрафа устанавливается за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, предусмотренных контрактом, за исключением просрочки. Размер штрафа для заказчиков и исполнителей также предусмотрен в Постановлении Правительства РФ от 25.11.2013 № 1063 в виде процентов в зависимости от цены контракта. При этом более высокий процент предусмотрен для поставщиков (подрядчиков, исполнителей).

В связи с вышеизложенным возникает вопрос: достаточно ли установления в самом контракте ответственности в виде отсылки к соответствующему пункту Постановления Правительства РФ от 25.11.2013 № 1063, либо необходимо определить конкретный размер штрафа?

Арбитражные суды не включают условия об ответственности сторон в фиксированном размере в проект контракта не рассматривают как абсолютное нарушение законодательства о закупках. Так, Арбитражный суд Западно-Сибирского округа оставил без изменения решения судов нижестоящих инстанций, которые признали решение ФАС России необоснованным, указав, что у заказчика отсутствует возможность включения в проект контракта иной фиксированной суммы штрафа (в твердом числовом

выражении) до окончания закупки, поскольку ему не известна цена, по которой будет заключен контракт с победителем закупки [12].

Аналогичное решение по схожему делу было принято Арбитражным судом Волго-Вятского округа, согласно которому включение в проект контракта ссылки на Правила № 1063 с указанием на то, что именно в соответствии с ними будет определяться размер пеней, не является нарушением вмененных норм Федерального закона № 44-ФЗ, поскольку все потенциальные участники аукционных процедур, а затем и лицо, с которым заключен контракт, понимают, каким образом будет исчисляться размер пени в случае если поставщик (подрядчик, исполнитель) допустит просрочку исполнения обязательства [13].

Таким образом, на практике складывается ситуация, при которой территориальные органы антимонопольной службы не включение фиксированной суммы штрафа рассматривают как нарушение законодательства о контрактной системе, а арбитражные суды указанные решения отменяют. Позиция Арбитражных судов представляется более обоснованной, поскольку у заказчика действительно отсутствует возможность установления фиксированной суммы штрафа до определения победителя аукциона.

При этом в Письме Федеральной антимонопольной службы России от 21.10.2014 № АЦ/42516/14 «О направлении информации о включении в контракт условий об уплате неустойки, а также об уменьшении суммы, подлежащей уплате физическому лицу в случае заключения с ним контракта, на размер налоговых платежей» содержится ответ на данный вопрос: «включение в проект контракта ссылки на Правила вместо установления... размеров штрафа, пени не является надлежащим исполнением обязанности заказчика по установлению размеров неустойки» [14].

Согласно п. 4.2. ст. 7.30 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации устанавливается административная ответственность за утверждение конкурсной документации, документации об аукционе, документации о проведении запроса предложений, определение содержания извещения о проведении запроса котировок с нарушением требований, предусмотренных законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок. Соответственно, законом предусмотрена ответственность в том числе за неустановление конкретного размера штрафа в условиях контракта.

Министерство Финансов Российской Федерации в своем письме указало на то, что Положениями пункта 4 Правил не регламентируются условия применения штрафа в зависимости от объема неисполненных обязательств, и не устанавливаются ограничения по применению ответственности, учитывающие принципы соразмерности при применении неустойки, так как Правила разработаны в целях реализации частей 5, 6 статьи 34 Федерального закона № 44-ФЗ, не устанавливающих вышеуказанных положений. В настоящее время Минфином России по согласованию

с Минэкономразвития России, ФАС России рассматривается вопрос о подготовке поправок в указанные нормативные акты в целях уточнения порядка применения условий о штрафах [15].

Таким образом, Министерство Финансов РФ указывают на недостатки существующего порядка определения размера штрафа и необходимости его изменения в части применения принципа соразмерности.

Литература:

1. Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Российская газета, № 80, 12.04.2013.
2. Кирпичев А. Е. Санкции за нарушение контрактов по законодательству о контрактной системе // Публичные закупки: проблемы правоприменения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (6 июня 2014 г., МГУ имени М. В. Ломоносова). М.: Юстицинформ, 2014 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. М., 2016. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
3. Чваненко Д. А. Спорные вопросы, касающиеся гражданско-правовой ответственности по государственному контракту // Публичные закупки: проблемы правоприменения. Материалы Третьей Всероссийской научно-практической конференции (9 июня 2015 г., МГУ имени М. В. Ломоносова). М.: Юстицинформ, 2015 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. М., 2016. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
4. См.: там же.
5. Рекомендации Научно-консультативного совета при Арбитражном суде Северо-Западного округа по итогам заседания 17 апреля 2015 года [Электронный ресурс] // URL: <https://pravo163.ru/rekomendacii-nauchno-konsultativnogo-soveta-pri-arbitrazhnom-sude-severo-zapadnogo-okruga-po-itogam-zasedaniya-17-aprelya-2015-goda-provedennogo-s-ispolzovaniem-sistem-videokonferenc-svyazi/> (дата обращения: 17.04.2017).
6. Постановлением Правительства РФ от 25.11.2013 № 1063 «Об утверждении Правил определения размера штрафа, начисляемого в случае ненадлежащего исполнения заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом (за исключением просрочки исполнения обязательств заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем), и размера пени, начисляемой за каждый день просрочки исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательства, предусмотренного контрактом» // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. М., 2016. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
7. См. напр.: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10.02.2015 N Ф04–14403/2014 по делу N А46–2311/2014 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. М., 2016. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
8. Титова Г. Г. / К вопросу об ответственности за неисполнение (ненадлежащее исполнение) контракта на поставку для государственных и муниципальных нужд [Электронный ресурс] // URL: <http://xn-7sbbaj7auwnfihk.xn-p1ai/article/22705> (дата обращения: 17.04.2017).
9. Постановление Президиума ВАС РФ от 15.07.2014 N 5467/14 по делу N А53–10062/2013 // Вестник ВАС РФ. 2014. N 11.
10. Карасева С. В. Правовое регулирование размещения государственного заказа и исполнения договора на оказание услуг для государственных и муниципальных нужд. Дис. канд. юрид. наук. Москва. 2013. С. 74.
11. См. Напр.: Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 16.03.2017 N Ф08–1251/2017 по делу N А63–3467/2016 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. М., 2016. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
12. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18.07.2016 N Ф04–2535/2016 по делу № А75–13184/2015 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. М., 2016. Доступ из локальной сети Науч. б-ки.
13. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 13.07.2016 N Ф01–2583/2016 по делу N А43–13584/2015 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. М., 2016. Доступ из локальной сети Науч. б-ки.
14. Письмо ФАС России от 21.10.2014 N АЦ/42516/14 «О направлении информации о включении в контракт условий об уплате неустойки, а также об уменьшении суммы, подлежащей уплате физическому лицу в случае заключения с ним контракта, на размер налоговых платежей» // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. М., 2016. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
15. Письмо Минфина России от 11.03.2015 N 02–02–04/12917 «О применении отдельных положений Федерального закона от 05.04.2013 N 44-ФЗ» // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. М., 2016. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

Сравнительный анализ упрощенной и обычной процедуры банкротства физических лиц

Самотойлова Мария Юрьевна, студент
Академия права и управления ФСИН России (г. Рязань)

В данной статье проведен анализ сходств и различий стандартной и упрощенной процедур банкротства физических лиц. Рассмотрены неоднозначные аспекты предложенных изменений в законодательстве. На основании текста статьи сделан вывод.

Ключевые слова: банкротство физического лица, финансовый управляющий, стандартная процедура банкротства, упрощенная процедура банкротства

Достаточно длительное время положения ФЗ «о несостоятельности (банкротстве)» распространялись только на юридических лиц. 1 октября 2015 года вступили в силу положения касающиеся граждан. Многие люди не могут адекватно оценить свои доходы для своевременного погашения долговых обязательств. Причин этому может быть большое количество: от таких как элементарное легкомыслие и безразличие к тому, что долг придется погасить, до тех, кто потерял работу, например, из-за экономического кризиса.

Казалось бы, теперь каждый гражданин, которому нечем рассчитываться по своим обязательствам может

освободиться от финансового бремени. На практике все оказалось не так гладко. Невозможность воспользоваться процедурой банкротства подтолкнула правительство на разработку поправок в закон. Предполагается что Глава X ФЗ «о несостоятельности» пополнится еще одним параграфом «Упрощенная процедура банкротства гражданина», положения которого будут направлены на слои населения с минимальным доходом и единственным жильем, оказавшиеся в трудной финансовой ситуации.

Основные сходства и различия наглядно приведены в таблице 1.

Таблица 1. Сравнительный анализ упрощенной и стандартной процедур личного банкротства [1, 2]

	Упрощенная процедура	Стандартная процедура
Размер долга	От 50 000 до 900 000 рублей	От 500 000 рублей
Количество кредиторов	До 10 кредиторов	Нет ограничений
Место жительства должника	Не должно меняться в течение 4 месяцев до инициирования процедуры признания банкротства	Может меняться без ограничений
Статус должника	Гражданин не должен являться индивидуальным предпринимателем или учредителем каких-либо коммерческих компаний и организаций	Гражданин может быть бизнесменом, ИП или являться учредителем компаний
Кто может возбуждать процедуру признания банкротства	Сам банкрот	Кредиторы, ФНС и сам должник
Процедуры, которые проводятся в рамках судебного процесса признания банкротства гражданина	Реализация имущества	Реструктуризация долгов. Реализация имущества
Размер заработной платы	Не должен составлять более 3-х прожиточных минимумов за месяц на протяжении 6 месяцев до инициации процедуры признания банкротства физического лица	Не ограничен. Однако решение о реструктуризации долгов не может быть принято, если доход физического лица составляет менее 30 000 рублей в месяц. В таких случаях сразу назначается реализация имущества.
Могут ли забрать квартиру за долги	Нет, если она является единственным жильем должника Могут, если квартира, дом или другое жилое помещение являются предметом залога по ипотечному кредиту.	Нет, если она является единственным жильем должника Могут, если квартира, дом или другое жилое помещение являются предметом залога по ипотечному кредиту.

	Упрощенная процедура	Стандартная процедура
	Упрощенная процедура	Стандартная процедура
Совершение безвозмездных сделок	За 3 года до процедуры должник не должен совершать никаких сделок отчуждения со своим имуществом на сумму от 200 000 рублей.	За 3 года до процедуры должник не должен совершать никаких сделок отчуждения со своим имуществом на сумму от 200 000 рублей.
Судимость должника за экономические преступления	Должна отсутствовать.	Должна отсутствовать.
Участие финансового управляющего	Привлекается по желанию должника	Назначается судом в обязательном порядке
Длительность процедуры	В среднем признание банкротства должника длится около 4 месяцев	Обычно признавать банкротство приходит в течение 6 месяцев

Вопрос дороговизны стандартной процедуры личного банкротства остается открытым. «Несмотря на то, что мы снизили пошлину до 300 рублей с 6 тыс., финансирование расходов на проведение процедур банкротства все же не по карману значительному числу потенциальных банкротов. Поэтому мы и подготовили поправки в законодательство», — сообщил замминистра экономики Николай Подгузов в интервью для газеты «Известия» [4]. Стоимость процедуры по разным подсчетам варьируется от 40 000 до 300 000 тысяч рублей. Расходы связаны с оплатой финансового управляющего в размере 25 000 тыс. руб., которые должны быть внесены на депозит суда до первого рассмотрения дела по существу, и оплаты 7% от стоимости удовлетворенных требований кредиторов. Так же обязательна публикация о своем банкротстве в газете «Коммерсант», а это порядка 10 000 тыс. руб. за публикацию. К тому же, разобраться в процедуре банкротства без специального образования довольно сложно, поэтому в стоимость включается оплата адвоката или представителя и прочие судебные издержки. Получается, что при сумме долга в 300 000 рублей не выгодно инициировать стандартную процедуру банкротства, потратив 150 000 на ее оплату. В таком случае должник может найти возможность рассчитаться с кредиторами. Упрощенная же процедура рассчитана как раз на то, что должник, находясь в сложном финансовом положении, не может тратить на оплату судебных издержек и работы финансового управляющего.

Заместитель Общества, способствующего финансовому оздоровлению Александр Слабожанинов в интервью для газеты «Известия» рассказывает, что по подсчетам национального центра банкротств, средний долг на одного потенциального банкрота на 1 декабря 2016 года составил 1,2 млн рублей. Такая ситуация приводит к тому, что граждане зачастую отказываются платить финансовому управляющему, а последние из-за этого отказываются от банкротных дел [3]. таких случаях самыми распространенными последствиями становятся увеличение срока рассмотрения дела и уход из дела финансового управляющего. Существуют

случаи, в которых должнику не удавалось найти нового финансового управляющего и дело прекращалось.

Одной из отличительных особенностей процедуры упрощенного банкротства, предлагаемой минэкономразвития, является как раз отказ от услуг финансового управляющего. В стандартной процедуре личного банкротства управляющий ведет сопровождение всей процедуры банкротства — от сбора информации об имуществе должника до реализации конкурсной массы — и выступает в качестве независимого лица, доносящего позицию каждой из сторон процесса. В упрощенной форме все мероприятия необходимые для проведения процедуры ложатся на плечи должника.

Положительность отсутствия финансового управляющего достаточно неоднозначна. С одной стороны, это экономит средства человека и без того оказавшегося в сложной финансовой ситуации, но с другой, в таком случае отсутствует сторонняя оценка имущества должника. В упрощенной процедуре банкротства предполагается, что должник самостоятельно предоставляет сведения о своем благосостоянии, о количестве кредиторов, а вот вопрос проверки этих сведений на сегодняшний момент не проработан.

Еще одной значимой особенностью является то, что при упрощенном банкротстве может проводиться только процедура реализации имущества. Предполагается, что гражданин самостоятельно будет реализовывать собственное имущество, кроме единственного жилья, и предоставлять отчеты арбитражному суду. Факт проверки реализации имущества в поправках так же не прописан.

Подводя итог, можно сделать вывод, что упрощенная процедура банкротства может стать хорошим выходом для людей, оказавшихся в трудном финансовом положении, при условии доработки положений закона. 2 мая 2017 года окончились публичные обсуждения в отношении текста проекта, и антикоррупционная экспертиза и происходит переход в стадию подготовки заключения об оценке регулирующего воздействия [2]

Литература:

1. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» с изменениями и дополнениями от 01.05.2017
2. Проект о внесении изменений в Федеральный закон «о несостоятельности (банкротстве)» в части введения упрощенной процедуры банкротства граждан: [Электронный ресурс] // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <http://regulation.gov.ru/projects#npa=54970>. (Дата обращения 05.05.2017)
3. Тегин М. Банкротству урежут смету: [Электронный ресурс] // «Газета Известия». URL: <http://izvestia.ru/news/657748> (Дата обращения 06.05.2017)
4. Чеков А. Замминистра экономики рассказал об упрощении процедуры банкротства: [Электронный ресурс] // «Газета Известия». URL: <http://izvestia.ru/news/666564>. (Дата обращения 05.05.2017)

АВТОРСКОЕ ПРАВО И СМЕЖНЫЕ ПРАВА

Судебная практика по делам, связанным с параллельным импортом

Нургалеев Марат Сабирович, аспирант

Российская государственная академия интеллектуальной собственности (г. Москва)

Дела о параллельном импорте ведутся уже более пятнадцати лет. С изменением законодательства и позиций высших судебных органов менялась и практика по данному вопросу. Для данной работы была отобрана практика после прецедентного по своей сути дела, связанного с импортом автомобиля «PORSCHE CAYENNE S». С него и стоит начать.

В 2007 году компания ввезла в РФ автомобиль марки «PORSCHE CAYENNE S» в состоянии, не пригодном для эксплуатации. Вскоре с заявлением о нарушении права на товарный знак в таможенный орган обратилось ООО «Порше Руссланд» (владелец исключительной лицензии на использование на территории РФ товарных знаков «PORSCHE» и «CAYENNE»). Требование таможни о привлечении импортера к ответственности по статье 14.10 КоАП РФ [8] удовлетворили суды первой и апелляционной инстанций. На импортера наложили штраф в размере 30 тысяч рублей с конфискацией автомобиля.

31 октября 2008 года коллегия судей ВАС РФ в Определении № 10458/08 [3] о передаче дела на рассмотрение Президиума ВАС РФ указала: «Совокупность мер гражданско-правовой ответственности за нарушение права на товарный знак составляет самостоятельный и достаточный комплекс средств для обеспечения защиты интересов правообладателя, в связи с чем, применение мер публичной ответственности за такое нарушение не может преследовать цели защиты исключительно интересов правообладателя и должно быть направлено, прежде всего, на пресечение противоправного поведения, посягающего на публичный порядок, в частности, недопущение оборота контрафактных товаров».

Президиум ВАС РФ, отменяя решения нижестоящих судов, был более лаконичен в обоснованиях. В Постановлении лишь указано, что по статье 14.10 КоАП РФ [8] может налагаться штраф с конфискацией предметов, содержащих незаконное воспроизведение товарного знака (то есть поддельный товар). При этом автомобиль не содержал признаков незаконного воспроизведения товарных знаков [7].

В целом рассматривая судебные дела по параллельному импорту можно их разделить на две большие группы:

1) дела, связанные с ценовой дискриминацией российского потребителя;

2) дела, связанные с качественной и количественной дискриминацией российского потребителя.

В части ценовой дискриминации ситуация достаточно простая: европейские производители поставляют товар по специальным, завышенным ценам, в результате чего компаниям, покупающим аналогичную продукцию на европейском рынке даже через «вторые и третьи руки», товар достаётся дешевле, чем официальным импортёрам, поставки которым осуществляются по прямым контрактам.

Во взятой из стенограммы арбитражного процесса по параллельному импорту представитель одной из крупнейших фирм, поставщиков пива на российский рынок так прокомментировал вышесказанное: «стоимость этой бутылки ниже, значительно ниже, чем стоимость того пива, которое ввезено официальными дистрибьюторами. И вот упущенная выгода, неполученные доходы отсюда возникают, потому что в разных странах, как известно, разные степени рентабельности, разная обычная норма прибыли, в развивающихся странах она выше, так сказать, в странах экономически стабильных она ниже, и это во всем. То есть проценты по вкладам, проценты по кредитам, и так далее» [1].

По мнению представителя ФАС Семенова А. В. (2011) [13], подобный подход напоминает обмен бус на жемчуг у жителей островных государств, имевший место в позапрошлом веке. Только в нашем случае это потребительские товары по вдвое завышенным ценам в обмен на нефть и газ.

Также в аналогичных делах представители импортеров открыто высказывались, что именно недополученная прибыль послужила началом судебного разбирательства. Правда, понять, какое отношение имеют права на товарный знак к политике ценовой дискриминации российского потребителя очень сложно.

Что касается качественной дискриминации, то здесь можно привести в качестве примера судебные дела с участием компаний «Хайнекен» и «Диаджео Айрелэнд»:

Компания «Хайнекен» производит по лицензии в России пиво «Guinness Original», который является не только суррогатом известного ирландского стаута, импортируемого Ответчиком, но и не может называться даже пивом согласно действующего законодательства, так как сварен/сварено с использованием «вкусоароматической добавки Ароматический экстракт Гиннесс».

При этом на этикетке пива «Guinness Original», произведённого в России, написана следующая фраза: «С него всё началось. Более 200 лет мастера-пивовары создают неповторимое пиво Guinness®. Откройте его. Тот самый насыщенный тёмный цвет. Яркий вкус обжаренного ячменного зерна, дразнящий аромат хмеля, фирменная горчинка. Нужен лишь глоток, чтобы понять — это совершенство. Это безупречный Guinness®!»

В комплексе с товарным знаком «Guinness» процитированная фраза создаёт впечатление у потребителя, что в бутылке находится оригинальный сухой стаут, произведённый в Ирландии, а не пивной напиток, изготовленный в г. Санкт-Петербурге с помощью ароматических добавок и названный «Guinness Original».

Ни компания «Хайнекен», ни иные так называемые «официальные импортёры» пиво «Guinness» ирландского производства в бутылках и банках в Россию по принципиальным соображениям не завозят: кто будет пить суррогат, если в продаже есть оригинал.

Поэтому представители компании «Хайнекен» поясняют цель своих исков тем, что ни «Guinness Draught», ни «Guinness Extra Stout», произведённый в Ирландии для Российского потребителя не предназначен. Может это прозвучит грубо, но фактически озвученная компаниями «Хайнекен» и «Диаджео Айрелэнд» позиция звучит так: «русские имеют право пить только пивной напиток «Guinness Original», произведённый в России с использованием вкусоароматических добавок» [13].

В октябре 2009 года Брянская таможня приостановила ввоз партии минеральной воды, маркированной товарным знаком «Evian», неуполномоченным импортером (ООО «Монолит Инвест»). Вода была приобретена в Германии по контракту, однако письма от представителя правообладателя товарного знака «Evian» в России, подтверждающего правомерность его использования ООО «Монолит Инвест», в комплекте документов не было. После разъяснения ВАС РФ таможенники уже не штрафовали получателей товара в подобных случаях, но представитель обладателя исключительных прав на товарный знак — компании «Сосьете Аноним ДЕЗ О Минераль Д'Эвиан» — был о данном факте уведомлен.

В результате компания подала иск в суд со следующими требованиями: признать действия импортера по ввозу незаконными и обязать уничтожить ввезенную партию, а также запретить ему ввозить на территорию РФ товары, маркированные товарным знаком «Evian». Из всех этих требований (да и то не сразу) было удовлетворено только первое. Отказ в запрете ввоза судьи мотивировали наличием у всех юридических лиц права ввозить на территорию РФ любые товары (по согласованию с обладателями исключительных прав на средства индивидуализации, разумеется). Что же касается требований об уничтожении товара, то в них отказали по причине отсутствия доказательств, что товар находится у ответчика. А склад временного хранения (СВХ), где товар непосредственно

находился, надлежащим ответчиком по данному требованию не являлся [5]. Свою роль, видимо, сыграли также положения контракта на поставку данной партии минеральной воды, согласно которым право собственности должно было перейти к покупателю только после таможенной очистки товара (условия СРТ). Следовательно, оно так и не перешло, поскольку таможенное оформление приостановили.

То есть, по сути, был признан лишь факт незаконности действий параллельного импортера, а каких-либо санкций к нему самому и к товару не применили. Тем не менее, еще до начала рассмотрения дела по существу судом первой инстанции по заявлению истца были приняты обеспечительные меры: на товар был наложен арест, ООО «Монолит Инвест» запретили им распоряжаться, СВХ запретили передавать этот товар любым лицам, а таможне — выпускать его в обращение на территории РФ. Борьба импортера за их отмену, затянувшаяся на полтора года, показывает отсутствие у судей ясного представления о том, как же все-таки в таких случаях должны защищаться интересы обладателей исключительных прав.

Само по себе принятие обеспечительных мер, учитывая первоначально заявленный иск, безусловно, было обоснованным. Но после удовлетворения лишь одного из требований «Сосьете Аноним ДЕЗ О Минераль Д'Эвиан» они явно потеряли смысл. Суды трех инстанций руководствовались положениями пунктом 4 статьи 96 АПК РФ [2]: «...в случае удовлетворения иска обеспечительные меры сохраняют свое действие до фактического исполнения судебного акта», и требовали от ООО представления соответствующих доказательств [11]. Но о каком фактическом исполнении может идти речь, если судебное решение состоит в признании факта? Эта тема вызвала немало веселья на интернет-форумах. Возможно, судьи просто осознавали тот факт, что сохранение обеспечительных мер в данной ситуации — по сути, единственно возможный способ предотвратить дальнейшее нарушение прав французской компании.

Однако соображения справедливости не всегда соответствуют закону. Поэтому тройка судей ВАС РФ, передавая надзорную жалобу «Монолит Инвеста» на рассмотрение в Президиум, резонно отметила, что решение о признании не подлежит принудительному исполнению и требование о представлении доказательств его фактического исполнения в качестве условия отмены обеспечительных мер необоснованно [10]. Но дальнейшие постулаты Коллегии явно свидетельствуют о непонимании ситуации. По мнению судей, решение о признании ввоза незаконным «фактически реализуется таможенным органом посредством запрета на выпуск названного товара для свободного обращения... сохранение обеспечительных мер в рассматриваемом деле наоборот влечет невозможность исполнения судебного акта, поскольку контрафактный товар находится под арестом и в отношении его таможенным органом не могут быть вынесены

соответствующие акты». Кроме того, учитывая, что в судебных актах по данному делу не было принято решение об уничтожении контрафактной продукции, она подлежала возврату обществу, являющемуся ее собственником, для дальнейшего уничтожения или вывоза с территории Российской Федерации».

Данные выводы вызвали вполне понятное возмущение представителей «Монолит Инвеста» на заседании Президиума. Товар-то не контрафактный! А констатация незаконности ввоза в РФ законно приобретенного фирменного товара не является основанием ни для уничтожения товара, ни для запрета на его выпуск, ни для вывоза из России. Поэтому на вопрос судьи Т. Н. Нешатаевой о дальнейшей судьбе товара в случае отмены ареста представитель ответчика уверенно ответил: мол, заберем и продадим, и не где-нибудь, а в Российской Федерации. Сложилось ощущение, что и для судей ВАС РФ такой вариант оказался сюрпризом. Обеспечительные меры, конечно же, отменили, но мы будем с нетерпением ждать публикации мотивировочной части Постановления в надежде увидеть какие-либо разъяснения Президиума по данному вопросу [9].

Но суды не всегда встают на сторону параллельных импортеров. Так, производителю защитной одежды, обуви, головных уборов, аксессуаров и по совместительству владельцу товарных знаков «UVEX» удалось отстоять свои интересы в споре с российским импортером. Последний без согласия правообладателя еще в 2008 году ввез 550 маркированных товарным знаком «UVEX» пластмассовых защитных касок и защитные рабочие очки с линзами из пластмассы (4836 штук). Этот товар импортер купил у эстонской компании, а она — у самого правообладателя. Суду российская фирма указывала на это обстоятельство и обращала внимание, что правообладатель уже получил доход, продав товар эстонской фирме, и что он не понес никаких убытков от импорта товара в Россию. Однако арбитражные суды первой, апелляционной и кассационной инстанций признали обоснованность всех исковых требований правообладателя, который стандартно для таких дел попросил суд:

- запретить совершать любые действия по введению в гражданский оборот маркированных товарным знаком «UVEX» товаров (в том числе осуществлять их ввоз, хранение для целей продажи, предложение к продаже, продажу);
- взыскать с импортера 100 тысяч рублей в качестве компенсации за нарушение исключительных прав на товарный знак.

Судьи дружно указали на незаконность действий ответчика и удовлетворили иск.

Дела, которые были приведены автором, конечно же, не являются полным перечнем. С каждым днем судебной практики становится все больше и больше, но, к сожалению, единообразия до сих пор достичь не удалось.

Завершая исследования практики по данному вопросу, стоит обратить внимание на то, что в обоснование своей позиции ставят стороны.

Правовое обоснование позиции правообладателей можно разделить на два вида:

1) Компания-правообладатель считает товар, ввезенный параллельным импортёром, контрафактным согласно статьи 1252 ГК РФ [4].

2) Компания-правообладатель товар контрафактным не признает, но полагает, что его ввоз нарушает их права.

Позиции судей по проблеме параллельного импорта разделились достаточно простым образом:

1) Решения против параллельного импорта основаны на пункте 15 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.12.2007 [6] года, а также статьи 1487 ГК РФ [4].

2) Решения за параллельный импорт основаны на пункте 8 Постановления Пленума ВАС № 11 от 17.02.2011 года [12].

Что же касается самих импортеров, то в свои доводы они включают:

1. Пункт 8 Постановления Пленума ВАС № 11 от 17.02.2011 года [12];

2. Правомерная уплата средств правообладателю, при покупке товара на территории третьей страны, в которой правообладатель, либо его лицензионный представитель легально ввели товар в гражданский оборот;

3. Из смысла статьи 1515 ГК РФ [4] товар, на который правомерно нанесен товарный знак не может являться контрафактным, а значит, не подлежит задержанию при выпуске в РФ на таможене;

Исходя из выше сказанного, можно сделать следующий вывод, что практика по вопросам легализации параллельного импорта достаточно неоднозначна. Дела в равной степени решаются как в пользу импортеров, так и в пользу правообладателей.

Также интересен территориальный аспект, исходя из которого, по судебным округам прослеживается некоторая тенденция в однородности решений по данному вопросу либо в сторону импортеров, либо в сторону правообладателей. Повернув линию практики в сторону параллельных импортеров стало знаковое дело об автомобиле компании «Порше». Однако, несмотря на это суды все равно по-разному трактуют нормы Кодекса об Административных правонарушениях, что позволяет в ряде случаев ограничивать параллельный импорт.

К сожалению, в нашей стране не прецедентная система права и пробелы в законодательстве не получится залатать судебными решениями. Подытожив все вышесказанное можно сказать, что проблема параллельного импорта все также остается острой и судебным толкованием на данном этапе полностью решить ее не удастся из чего стоит сделать вывод, что только продуманные, комплексные поправки в гражданское, административное, уголовное и антимонопольное законодательство смогут каким-либо образом повлиять на данный вопрос.

Литература:

1. Стенограмма судебного заседания по делу № А40—60322/10—12—360 от 23.11.2010 года [Электронный ресурс] URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/uPtbuqAZJEUr/>.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. От 29.07.2017) [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800.
3. Высший Арбитражный Суд Российской Федерации, Определение от 31 октября 2008 Г. № 10458/08.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред.от 01.07.2017) [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_219109.
5. Десятый Арбитражный Апелляционный Суд постановление от 21 апреля 2010 г. по делу № А41—39651/09 [Электронный ресурс] URL: <https://www.lawmix.ru/moscow—sydu/29908>.
6. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.12.2007 N 122 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел, связанных с применением законодательства об интеллектуальной собственности» [Электронный ресурс] URL: <https://gkrfkod.ru/zakonodatelstvo/Informatsionnoe-pismo-Prezidiuma-VAS-RF-ot-13.12.2007-N-122>.
7. Камагина Е. «Параллельный импорт — загогулина закона или петля для российского бизнеса?» // «Арсенал предпринимателя», 2011, № 7.
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. От 30.10.2017) [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_281788.
9. Мошкович М. Правообладатель без прав. Как работает национальный принцип исчерпания прав в России? // Юридическая газета. 2011. № 21.
10. Определение ВАС РФ от 28.02.2011 года № ВАС-10102/10 [Электронный ресурс] URL: <https://zakonbase.ru/content/base/183402>.
11. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 18 октября 2010 года № Ф05—183/2010 / КГ-А41/12741—10 [Электронный ресурс] URL: http://www.tamognia.ru/doc_base/document.php?a=ar&b=cfhldte&id=1538214&j=f.
12. Постановления Пленума ВАС № 11 от 17.02.2011 года «О некоторых вопросах применения Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // («Вестник ВАС», май 2011).
13. Семенов А. В. «Параллельный импорт: сводка практики арбитражных судов Московского округа», 2011 [Электронный ресурс] URL: https://www.alta.ru/expert_opinion/25343.

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Законодательные акты, регулирующие вопросы социальных гарантий детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей

Жарова Ольга Николаевна, магистрант
Ивановский государственный университет

Регулирование вопросов социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, основывается на положениях Конституции РФ. РФ провозглашается социальным государством, и одним из его приоритетных задач является поддержка семьи, материнства, отцовства и детства. Для обеспечения указных задач создается и развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные социальные гарантии. Защиту семьи, материнства, отцовства и детства, а также социальную защиту, включая социальное обеспечение, Конституция РФ относит к предметам совместного ведения РФ и ее субъектов (п. «ж» ч. 1 ст. 72), что предполагает возложение ответственности за реализацию социальной функции государства как на федеральные органы государственной власти, так и на органы государственной власти субъектов РФ [6].

На международном уровне основным актом в указанной сфере является Конвенция о правах ребенка, принятая 20.11.1989 в Нью-Йорке. Россия, наряду с другими странами взяла на себя обязательство неукоснительно выполнять Конвенцию. Конвенция закрепила приоритет интересов и благосостояния детей во всех сферах жизни государства. В соответствии со ст. 1 Конвенции ребенком является лицо, не достигшее 18-летнего возраста, если по национальному законодательству оно не достигает совершеннолетия ранее. В России к детям относятся лица, не достигшие 18 лет. Государства — участники Конвенции признали за каждым ребенком право пользоваться благами социального обеспечения, включая социальное страхование, и обязались принять необходимые меры для реализации этого права (ст. 26 Конвенции). Имущественные и личные неимущественные отношения с участием детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, регулируются Гражданским кодексом и Семейным кодексом РФ.

Нормативно-правовые акты, регулирующие предоставление социальных гарантий детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, разнообразны, рассмотрим некоторые из них. Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», который устанавливает основные гарантии прав и законных интересов ребенка в целях создания правовых, социально-экономических условий для реализации прав

и законных интересов ребенка. Статья 15 указанного Закона посвящена защите прав детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. В ФЗ «Об опеке и попечительстве» [1] сформулированы принципы государственного регулирования в этой области, определены права и обязанности органов опеки и попечительства, правовой статус опекунов и попечителей, а также упорядочены процедуры установления и прекращения опеки и попечительства. Федеральный закон от 16.04.2001 № 44-ФЗ «О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей» [2] устанавливает порядок формирования и использования государственного банка данных о детях, оставшихся без попечения родителей. Федеральный закон от 15.12.2001 № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» [4] регулирует порядок и механизмы пенсионного обеспечения. Детям в возрасте до 18 лет, а также старше этого возраста, обучающимся по очной форме по основным образовательным программам в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, до окончания ими такого обучения, но не дольше чем до достижения ими возраста 23 лет, потерявшим одного из родителей, назначается социальная пенсия. В систему законодательства РФ также входят указы Президента РФ, постановления и распоряжения Правительства РФ. Указом Президента РФ от 26.03.2008 № 404 «О создании Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации» [5] принято решение создать Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Создателями фонда является Министерство труда и социальной защиты России. Приоритетными направлениями деятельности Фонда являются:

- профилактика семейного неблагополучия и социального сиротства детей, восстановление благоприятной для воспитания ребенка семейной среды, семейное устройство детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей;
- социальная поддержка семей с детьми-инвалидами для обеспечения максимально возможного развития таких детей в условиях семейного воспитания, их социализации, подготовки к самостоятельной жизни и интеграции в общество;

- социальная реабилитация детей, находящихся в конфликте с законом (совершивших правонарушения и преступления), профилактика безнадзорности и беспризорности детей, преступности несовершеннолетних, в том числе повторной.

В течение 2013 г. реализовывался План первоочередных мероприятий до 2014 года по реализации важнейших положений Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы, утвержденный распоряжением Правительства РФ от 15.10.2012 № 1916-р. План мероприятий реализовывался во взаимосвязи с другими стратегическими документами, в том числе с Концепцией социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г., приоритетными национальными проектами, соответствующими федеральными целевыми, государственными и ведомственными программами в отношении детей. В частности, можно обратить внимание на следующие мероприятия [7]:

- внедрение эффективных технологий и методов профилактики социального сиротства, включая социальный патронат в отношении семей с детьми, находящихся в социально опасном положении;
- совершенствование системы федерального статистического наблюдения в области выявления, устройства и защиты прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей;

- внедрение эффективного механизма обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей;
- совершенствование деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в целях создания в них условий воспитания, приближенных к семейным, а также привлечение этих организаций к семейному устройству и постинтернатной адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Кроме вышеуказанных основных законов, регулирующих вопросы социальных гарантий детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей относится Федеральный закон от 21.12.1996 N 159-ФЗ (ред. от 01.05.2017) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [3], в указанном законе содержатся основные положения. Данный закон является основополагающим, он определяет общие принципы, содержание, меры государственной поддержки, регулирует отношения, которые возникают в связи с предоставлением и обеспечением органами государственной власти дополнительных гарантий по социальной защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из их числа в возрасте до 23 лет. На уровне субъектов РФ положения Закона № 159-ФЗ детализируются в актах законодательных и исполнительных органов власти, которые разрабатывают механизм применения и реализации норм на практике [8].

Литература:

1. Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ (ред. от 28.11.2015) «Об опеке и попечительстве» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 17. Ст. 1755.
2. Федеральный закон от 16.04.2001 № 44-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 17. Ст. 1643.
3. Федеральный закон от 21.12.1996 N 159-ФЗ (ред. от 01.05.2017) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // URL: www.Pravo.gov.ru (дата посещения 18.11.2017).
4. Федеральный закон от 15.12.2001 № 166-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 51. Ст. 4831.
5. Указ Президента РФ от 26.03.2008 № 404 (ред. от 10.10.2014) «О создании фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации» // Российская газета. 2008. 29 марта.
6. Лазаренкова О. И. Новеллы законодательства об обеспечении жилыми помещениями детей-сирот: шаг вперед, два шага назад // Российская юстиция. 2014. № 12. С. 53.
7. Коротаева Э. Г. Проблемы нормативно-правового регулирования предоставления жилых помещений детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, в субъектах Российской Федерации // Практика исполнительного производства. 2016. № 4. С. 50.
8. Жилиева С. К. О мерах по предоставлению дополнительных гарантий по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и их финансовом обеспечении // Социальное и пенсионное право. 2012. № 3. С. 8.

Проблемы законодательного регулирования вспомогательных репродуктивных технологий

Капралова Анна Евгеньевна, магистрант

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (г. Краснодар)

Появление новых методов лечения бесплодия в семьях стало возможным благодаря стремительному научно-техническому прогрессу медицины и прежде всего появлению высокотехнологичного оборудования.

В современном мире многие пары могут доверить свое здоровье, а также здоровье своего будущего малыша в руки медикам. Чтобы защитить их необходимо четко, детально на законодательном уровне урегулировать все виды вспомогательных репродуктивных технологий, определить порядок их применения, ответственность лиц, на которых возложена обязанность по защите здоровья как матери, так и будущего, либо уже рожденного ребенка.

Многие годы демографическая проблема была и будет одной из важных задач для государства. Но уже сейчас принимаются меры для ее решения. По последним данным Россия занимает второе место среди стран, где выгодно иметь второго ребенка, что является немаловажным, как для внедрения новых технологий, так и для оказания помощи в обретении счастья материнства.

Применение репродуктивных технологий является такой же медицинской услугой, как и любая другая. Для того, чтобы избежать злоупотребления со стороны, как медицинских учреждений, так и самих пациентов необходимо защищать данную сферу путем введения в действие законов, которые будут достаточно детально и четко определять права и обязанности каждой из сторон. [4, с.848]

Очевидно, что правовое регулирование вспомогательных репродуктивных технологий человека (ВРТ) требует усовершенствования и доработки. Почти все, кто сталкивался с применением на практике ВРТ, начиная от юристов и заканчивая простыми гражданами, уверены, что необходим единый закон, который должен обозначить все новые процедуры и манипуляции, выполнение которых стало возможным в последние годы в связи с развитием медицинских технологий.

Немногие граждане, которые сталкиваются с проблемой бесплодия знают информацию о том, что ВРТ существуют и могут быть ими использованы. Необходимо доводить до сведения граждан различными путями, например, через средства массовой информации, что применение таких технологий относится к дорогостоящей медицинской помощи, и отсутствие должного правового регулирования в данной сфере может породить преступления, связанные с вымогательством и мошенничеством.

На сегодняшний день сформировались и работают многие государственные и негосударственные центры по применению процедур ВРТ. Почти половина из них располагается в Москве и Санкт-Петербурге, так как данные города являются столицами России, но также на территории

Краснодарского края стали появляться такие медицинские учреждения, где многие семьи уже консультируются и прибегают к процедурам по зачатию ребенка. Например: Кубанский медицинский центр; «Клиницист» — центр планирования семьи; ОХУ-center; Оздоровительная практика доктора Е. Л. Соболевой; Базовая акушерско-гинекологическая клиника КубГМУ и т. д.

Применение ВРТ является гражданско-правовыми отношениями, имеющими направленность на реализацию репродуктивных прав, в том числе с использованием элементов договора об оказании медицинских услуг, установление отцовства, в том числе после смерти лиц, которым принадлежал генетический материал, установление происхождения детей при применении ВРТ, защита репродуктивных прав гражданско-правовыми методами, что должно быть законодательно регламентировано.

Применение всех методов, которые влекут реализацию репродуктивных прав граждан, в результате которых рождается ребенок (искусственное оплодотворение, имплантация эмбриона), минуя половые отношения, требует согласия супругов, и данное требование отражено в п. 4 ст. 51, п. 3 ст. 52 СК РФ.

ФЗ «Об основах здоровья об граждан в РФ», использует термин, охватывающий все способы, — термин «вспомогательные репродуктивные технологии», как методы терапии бесплодия, при которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне организма. Перечень таких методов предусмотрен в Приказе Минздрава РФ от 30.08.2012 № 67 «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению». На сегодняшний день в науке приводятся разные точки зрения по поводу «репродуктивных прав», в основном, применительно к сфере действия конституционного права. [3, с.2]

Термин «репродуктивные права» носит несколько условный характер. Это не самостоятельные субъективные права, тем более не являющиеся основными правами человека. Кроме того, регулирование репродуктивных процессов затрагивает личные права граждан, причем в наиболее «чувствительной» сфере. В каждом случае необходимо выявление содержания конкретного права человека (будь то право на жизнь, право на неприкосновенность частной жизни, право на охрану здоровья или право личной неприкосновенности). Так выявляется природа того или иного «репродуктивного права», которая и становится предметом оценки. Этот поиск затруднен, но необходим. Таким образом, о «репродуктивных правах» нельзя говорить как о вполне сформировавшейся научной категории, относящейся к субъективным правам». В России до сих

пор не принят федеральный закон, определяющий порядок осуществления гражданами своих репродуктивных прав, а также гарантии защиты этих прав, но подобные акты уже действуют в ряде стран постсоветского пространства (Армении, Казахстане, Киргизии, Молдове, Таджикистане).

Необходимо внесение изменений в п. 4 ст. 51 Семейного кодекса РФ в части возможности рождения ребенка суррогатной матерью не только в отношении супружеской пары, но и одиноких лиц, при определенных условиях. К таковым относится — смерть их близкого, после которого остался генетический материал, и умерший выразил волю на такое использование. Выходом из данной ситуации представляется определение социальных показаний для применения ВРТ, которые могут быть приняты соответствующим нормативно-правовым актом или решаться специальной комиссией (в которую должны входить психолог и юрист) в рамках медицинской организации. Так как любая женщина, подходящая по всем медицинским показаниям, имеет право стать матерью. [2, с.3]

Важнейшей проблемой в сфере применения ВРТ является наличие правовой неясности относительно возраста женщины, желающей воспользоваться методами искусственного оплодотворения. Ранее правом на искусственное оплодотворение и имплантацию эмбриона обладала «каждая совершеннолетняя женщина детородного возраста». Вместе с тем ни один нормативно-правовой акт не содержал определения термина «детородный возраст». В настоящее время законодательство не содержит указания на возраст пары или одинокой женщины, желающих воспользоваться данным методом. При современном развитии медицины возраст женщины не имеет решающего значения для успешного применения репродуктивных технологий. Вместе с тем специалистами высказывается мнение о необходимости установления предельного возраста для женщин, желающих воспользоваться методами искусственной репродукции. Считается, что женщина, ставшая матерью в преклонном возрасте, может просто не успеть вырастить своего ребенка, а значит, допуск таких пациенток к методам ВРТ должен быть законодательно запрещен. Безусловно, всегда существует возможность утраты родительского попечения вследствие болезни или смерти родителей, но все-таки эта вероятность тем выше, чем старше родители ребенка.

Кроме того, формальное закрепление репродуктивных прав человека осуществляются как на региональном (законы, имеющие своим предметом право граждан на воспроизводство и создание семьи, приняты в Ивановской и Тульской областях), так и на международном уровне. В настоящее время в рамках ЕврАзЭС разрабатывается проект типового закона «Об общих принципах охраны репродуктивного здоровья населения государств — членов Евразийского экономического сообщества».

В целях защиты прав и интересов граждан, проходящих лечение с помощью вспомогательных репродуктивных технологий, проблемой является необходимость закрепления

в законе, регламентирующем применение методов ВРТ, правила, согласно которому любые действия с применением ВРТ, а также с эмбрионами могут осуществляться только при наличии письменного согласия лиц, чей генетический материал был использован при создании эмбрионов. [5, с.99]

На законодательном уровне не урегулировано множество сложных ситуаций: искусственное оплодотворение и имплантация эмбриона после смерти генетического родителя; использование криоконсервированных (замороженных) эмбрионов после развода или после смерти супругов — генетических родителей; уничтожение эмбрионов; создание эмбриона и его имплантация по просьбе лица, не состоящего в браке; отказ генетического родителя-заказчика или суррогатной матери от выданного ранее согласия на проведение процедур. Отсутствие специального правового поля в этой области порождает немало проблем и в практике донорских отношений.

Множество стран принимают законодательные акты о вспомогательных репродуктивных технологиях, не стесняясь и не уходя от ответственности. Услуги репродуктологов становятся в России необходимыми, увеличиваются судебные споры о материнстве и отцовстве, связанные с применением ВРТ. Законы и подзаконные акты, принятые в РФ, пытаются регулировать данный вопрос, но они являются недостаточными и не в полном объеме решают все возникающие на практике вопросы. [1, с.66]

Немаловажным является то, что зарубежные страны уже давно перешли на законодательном уровне к регламентации таких вопросов, например: Закон Республики Армения от 26 декабря 2002 г. № ЗР-474 «О репродуктивном здоровье и репродуктивных правах человека», Закон Республики Таджикистан 2002 год «О репродуктивном здоровье и репродуктивных правах», Закон Республики Молдова от 24 мая 2001 года № 185-XV «Об охране репродуктивного здоровья и планировании семьи», Закон Кыргызской Республики от 10 августа 2007 г. № 147 «О репродуктивных правах граждан и гарантиях их реализации», Закон Республики Беларусь от 4 января 2002 г. № 80-3 «О демографической безопасности Республики Беларусь», Кодекс Республики Казахстан о здоровье народа и системе здравоохранения 2009, Европейская конвенция от 19 ноября 1996 г. «О защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины», Закон «Об искусственном оплодотворении» в Германии, Закон Эстонской Республики от 11.06.1997 г. «Об искусственном оплодотворении и защите эмбриона», Закон Испании «О технологиях вспомогательной репродукции» № 35 от 22 ноября 1988 г. — все эти законы включают в себя не только строгое регулирование ВРТ, но и морально-этические нормы по отношению к семьям, которые решились на внедрение специалистов в их личную жизнь.

Так как демографическая проблема является не мало-важным не только для отдельных семей, но и всего общества в целом и государства, праведы не только оставляют

возможность критики отсутствия правового регулирования, но и движутся в правильном направлении, стараясь объединить законы и разработать новые, которые существенно облегчили бы жизнь субъектов конкретных правоотношений.

Россия должна брать положительный пример с зарубежных стран, необходимо двигаться вперед и улучшать свою правовую базу, принимая во внимание интересы граждан и защищая их от злоупотреблений.

Литература:

1. Айвар Л. К. Проблемы, возникающие при использовании вспомогательных репродуктивных технологий // Юрист. — 2006. — № 9. — С. 66.
2. Альбицкий В. Ю., Одинаева Н. Д., Максимова В. О. Правовые аспекты применения вспомогательных репродуктивных технологий в лечении бесплодия // Научно-практический журнал Медицинская сестра. — 2012. — № 1. — С. 3.
3. Митрякова Е. С. Оспаривание родительских прав при применении суррогатного материнства // Семейное и жилищное право. — 2005. — № 2. — С. 2.
4. Пчелинцева Л. М.. Комментарий к Семейному кодексу РФ. — : Комментарий к Семейному кодексу РФ, 2008. — 848 с.
5. Малеина, М. Н. Человек и медицина в современном праве // БЕК. — 1995. — № 4. — С. 99.

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Правовая грамотность работников как основной механизм реализации охраны труда на производстве

Калингер Ирина Владимировна, студент

Алматинский филиал Санкт Петербургского гуманитарного университета профсоюзов (Казахстан)

Актуальность: Охрана труда, на современном этапе развития государства и общества, представляется одной из наиболее актуальных тем для научного исследования, что обусловлено кризисными состояниями, проявляющимися в развитии данной сферы. Высокие показатели производственного травматизма, имеющие место быть в России за последнее десятилетие говорят о недостаточном уровне развития условий для трудовой деятельности населения.

Новизна: В исследовании будет рассмотрен вопрос влияния правовой грамотности на улучшение условий по охране труда.

Глубина научного анализа: Изучение тематики будет дополнено методами статистического анализа, что обусловлено представлением как теоретической части, так и эмпирической части исследования.

Научная обоснованность выводов подтверждена актуальностью темы и обеспечена проработкой и детальным изучением литературы касательно темы научного исследования. Институт охраны труда как один из основных правовых институтов, направленных на сохранение жизнедеятельности работников наиболее часто представлен в диссертационных исследованиях ученых, так согласно положениям научного исследования профессора Хныкина Г. В. под понятием института охраны труда понимаются правовые мероприятия которые связаны с созданием и применением норм и правил сохранения жизни и здоровья работников в процессе их трудовой деятельности. [5, с.2]

Данный вывод полностью передает необходимость соблюдения норм, предписанных институтом охраны труда. Учитывая значимость охраны труда как части социальной защиты трудящегося населения к. ю.н. Михайлов А. В. выражает свою точку зрения в диссертации посвященной правовому регулированию охраны труда следующим образом: «Охрана труда является институтом, который представляет собой совокупность норм, объединенных одной целью: защита здоровья работников от воздействия опасных и вредных факторов непосредственно в процессе труда», а также подчеркивает в своей работе, что усовершенствование условий правового регулирования послужит фундаментом для разработки новых и доработки существующих мер для максимальной защищенности жизни здоровья работников. [6, с. 2]

Исходя из научной мысли ученых, в основу данного исследования положена разработка мер по улучшению соблюдения условий охраны труда самими трудящимися и меры по улучшению их правовой грамотности.

Степень изученности темы. Тематику охраны труда в своих работах рассматривали, в том или ином аспекте, как классики трудового права, среди которых Л. С. Таль, И. С. Войтинский, считающийся теоретиком доктрины трудового права. Генерация ученых советского и постсоветского периода, славится следующими фамилиями: Е. Н. Данилова, В. М. Догадов, П. Д. Каминская, Д. М. Генкин и К. М. Варшавский, Н. Г. Александров, А. Е. Пашерстник, А. Д. Зайкин, А. М. Лушников, М. В. Лушникова, Г. В. Хныкин. Рассмотрению различных правовых аспектов охраны труда посвящены также диссертации: С. А. Голощапова, А. Б. Гудова, О. В. Домрачевой, М. В. Созановой. В данном исследовании в качестве цитируемых источников использованы как классические юридические труды, так и научные статьи, учебные пособия и монографии и диссертации.

Практическая и социальная значимость результатов исследования

обусловлена тем, что поддержание основ, заложенных в институте охраны труда, есть основная социальная и правовая система сохранения жизни и здоровья населения в процессе трудовой деятельности.

Охрана труда в качестве одного из основных институтов трудового права, представляет собой совокупность правовых норм, в основе которых лежит обеспечение безопасных, достойных условий трудовой деятельности работающего населения в государстве.

Значимость института охраны труда закреплена в конституционных нормах Российской Федерации. В соответствии со статьей 37 Конституции РФ, каждый гражданин имеет право на трудовую деятельность в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены труда [1, ст. 37].

Понятие охраны труда законодательно закреплено в статье 209 Трудового Кодекса РФ, из которого следует, что под данным термином понимается система, направленная, на сохранение жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности, включающая в себя

правовые, социально-экономические, организационно-технические, санитарно-гигиенические, лечебно-профилактические, реабилитационные и иные мероприятия [2, ст. 209]. Для соблюдения такого рода мероприятий необходимо создание, со стороны работодателя, условий труда, отвечающих установленным требованиям. Государственными органами определен ряд требований, соответствующих отраслевой классификации экономических направлений, зафиксированных в законодательном порядке. В качестве примера можно привести Типовую инструкцию по охране труда для работников предприятий торговли и общественного питания ТОО Р-95120-(001-033)-95, согласно которой данный нормативный правовой акт устанавливает требования по охране трудовой деятельности работников пищевой и торговой промышленности вне зависимости от организационно-правовых форм и вида собственности производства [4, ст. 1].

Инструкции по охране трудовой деятельности утверждаются Федеральным органом исполнительной власти при наличии согласия профсоюзного органа и на основе межотраслевых или отраслевых типовых инструкций по охране труда, с обязательным учетом конкретных условий производства, инструкции обязательны для выполнения в соответствующей отрасли. Для работника детальное изучение инструкций должно быть обеспечено работодателем, невыполнение трудового инструктажа должно быть представлено как нарушение трудовой дисциплины. Не надлежащее исполнение требований охраны труда, а именно не соблюдение инструктажа на производстве приводит к трагическим несчастным случаям, что подтверждается статистическими данными.

По оценкам Международной Организации Труда около 2,3 млн мужчин и женщин ежегодно погибают в результате несчастных случаев на рабочем месте или связанных с работой заболеваний, и в среднем 6 000 человек ежедневно. Ежегодно в мире регистрируется примерно 340 млн несчастных случаев на производстве и 160 млн жертв профессиональных заболеваний. МОТ регулярно обновляет эти данные, изменения которых показывают рост количества несчастных случаев и ухудшений состояния здоровья. [12]

Согласно статистическим данным, представленным на сайте Министерства Энергетики, за 2015 год только на предприятиях отрасли электроэнергетики было официально зафиксировано 172 несчастных случая на производстве, в результате которых пострадало более 180 человек, что касается фактов производственного травматизма с последующим летальным исходом, то в 2015 году показатель в данной отрасли увеличился на 1,5%. [7]

Отчет — сведения о пострадавших на производстве по территориям РФ за первую декаду 2016 года показал по стране следующие данные: общая численность исследуемых предприятий 139595, из них в период 2015–2016 год несчастных случаи произошли на 125986, численность работников с утратой трудоспособности на 1 рабочий

день и более 28240 человек, а численность несчастных случаев с летальным исходом равна 1288 человек. [13]

Приведенные числительные показатели зарегистрированных случаев производственного травматизма являются наглядным показателем несоблюдения условий охраны труда и производственной деятельности. Соблюдение норм охраны труда является для субъектов трудовых правоотношений — субъективной юридической обязанностью.

На основании изложенного автор приходит к выводу о том, что в несоблюдении нормативов охраны труда, низкой правовой грамотности работников, часто заложено неправомерное поведение и, как результат, высокий показатель травматизма. Что же собой представляет такое поведение? С точки зрения профессора А. В. Малько — «Правомерное поведение субъектов права можно определить, как их «деятельность в сфере социально-правового регулирования, основанную на сознательном выполнении требований норм права, которое выражается в их соблюдении, исполнении и использовании» [4, с.245]. Соответственно понимание работником важности нормативов охраны труда, и их выполнение могут в значительной мере повлиять на снижение уровня травматизма.

С нашей точки зрения, правовое знание формально может быть определено как знание о свободе и ее границах, правах человека и правовой действительности [8, с. 4]. Правовая грамотность в сфере охраны труда — это тот вид грамотности, который необходим человеку, живущему в современном мире трудовых взаимоотношений, она должна охватывать:

- Осознание своих прав, в области труда;
- Исполнение установленных нормативов по охране труда и соблюдение техники безопасности со стороны работника;
- Осознанное выполнение своих обязанностей на безопасном уровне;
- Умение действовать обдуманно в чрезвычайных ситуациях на рабочем месте;

В Российской Федерации большая часть населения не знакома даже с основными своими правами, связанными с реализацией своих трудовых способностей. Согласно проведенному аналитическому исследованию по средствам юридического онлайн-сервиса портала «pravoved.ru», более половины из опрошенных граждан имеют не достаточные знания в области своих прав и обязанностей, в качестве примера приведены данные, согласно которым около 24% из 2000 опрошенных утверждали, что ежегодный трудовой отпуск составляет не более четырнадцати календарных дней [10, 1].

Для сравнительного анализа считаю необходимым представить также данные по Республике Казахстан, согласно которым половина населения страны (43,6%) имеет только общее поверхностное представление о своих правах в трудовой сфере [10].

Актуальность темы в сфере охраны труда подтверждается тем, что данный институт является важной

составляющей любого производства, определяя человеческую жизнь его здоровье и безопасность как главную ценность. Выполнение требований охраны труда позволяют сделать производственный процесс более рентабельным, что важно для всех сторон трудовых отношений. Правильно организованный процесс охраны трудовой деятельности представлен дисциплинирующим фактором, и обязателен для исполнения. Российская Федерация является одной из тридцати развитых стран, ратифицировавших наибольшее количество конвенций по правам человека. В сфере охраны трудовой деятельности следует обратить внимание на такие документы, как Конвенция № 29 Международной Организации Труда «О принудительном или обязательном труде» — согласно нормам которой, принудительный труд в странах, ее ратифицировавших, должен быть исключен. Конвенция № 87 МОТ «О свободе объединений и защите права объединяться в профсоюзы» определяет значимость профессиональных союзов, которые служат рычагом реализации мер по охране труда на производстве. Следует отметить также Конвенции № 155 МОТ от 3 июня 1981 года «О безопасности, гигиене труда и производственной среде» и № 150/26 июня 1978 года МОТ «О регулирование вопросов труда».

Профсоюзным организациям в вопросах охраны трудовой деятельности отведена значительная роль. Правовые основы профсоюзной деятельности заложены Конституцией РФ, Трудовым Кодексом РФ, Федеральными законами и иными нормативными правовыми актами. норм В соответствии с нормами Трудового Кодекса РФ, профсоюзные организации могут беспрепятственно иметь доступ на производство для проверки условий работы, охраны труда, а также для расследования несчастных случаев, что говорит о их значимости в трудовой сфере. Соответственно повышение уровня правовой грамотности тоже во многом зависит от действий представителей профсоюзных организаций.

Федеральный закон «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», наделил профессиональные союзы полномочиями представительства при защите прав и интересов трудящихся по вопросам охраны труда. Право профсоюзных организаций на представительство работников и участие от их имени в коллективных переговорах закреплено законодателем в Законе РФ от 11 марта 1992 года «О коллективных договорах и соглашениях». Данное право является основным инструментарием при решении вопросов, связанных с трудовыми правоотношениями, и главное — для честного решения противоречий, возникающих между работниками и работодателем.

К сфере охраны трудовой деятельности относятся трудовые споры по вопросам условий охраны труда, вопросам предоставления льгот и компенсационных выплат за работу с вредными производственными факторами и другими важными вопросами касательно охраны труда, включенными в коллективный договор.

Профессиональные союзы можно, по праву, считать основой для соблюдения условий охраны труда, поскольку на законодательном уровне им представлен наиболее широкий спектр прав в данной области. Федеральный закон «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» закрепил за органами профсоюзных организаций право на повышение уровня знаний в области охраны труда и трудовой деятельности, что отражено, к примеру в праве создавать совместные комиссии по охране труда, в которые на паритетной основе входят представители работодателей, профессиональных союзов и иных уполномоченных работниками представительных органов, данное право отражено в статьях 11 и 20. Основными задачами комиссий по вопросам охраны труда, созданных от профсоюзных организаций относятся:

— Организация и осуществление контроля за соблюдением законных прав и интересов работников в области охраны труда;

— Принятие мер необходимых для устранения нарушений в области охраны труда;

— Координация работы уполномоченного сотрудника профкома по осуществлению контроля за условиями трудовой деятельности;

— Анализ состояния условий труда на производстве независимо от представительных органов работодателя;

— Внесение поправок касательно вопросов охраны труда в коллективный договор;

Все вышеперечисленные функции комиссии по охране труда играют значительную роль для работников, поскольку направлены на реализацию их безопасного труда.

Что касается вопросов повышения уровня профессиональных знаний, то статья 18 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», представляет возможность создания профсоюзами образовательных учреждений и научных организаций для осуществления подготовки и дополнительного профессионального образования граждан, что, несомненно является хорошей основой для решения задач, в области безопасности и охраны труда. Создавая образовательные курсы для работников, где сотрудники технической инспекции по охране труда будут иметь возможность непосредственно обучить их соответствующим навыками, непременно приведет к снижению уровня травматизма на производстве.

Повышение эффективности в области охраны труда, и улучшение уровня знаний в данной области можно добиться, также, прибегнув к системе мотивационного финансового стимулирования рабочих и служащих, что приведет к достижению целей, поставленных перед организацией в сфере охраны труда. Проблемы охраны и безопасности труда на производстве как правило, ориентированы на выплату дополнительных компенсаций работникам при получении травм на производстве, а не вопросам усовершенствования условий труда и улучшения безопасности рабочих мест.

На сегодняшний день разработан и утвержден ряд национальных стандартов по безопасности труда, среди которых ГОСТ 12.0.230–2007 «Система стандартов безопасности труда» (пункт 4.10.2) целью которого является содействие защите трудящихся от воздействия опасных производственных факторов и исключению несчастных случаев на производстве, а также ГОСТ Р 54934–2012/OHSAS 18001:2007 «Системы менеджмента безопасности труда и охраны здоровья», [14] который устанавливает требования к системе менеджмента по безопасности труда и охране здоровья работников и может содействовать системе уменьшения рисков производственного травматизма.

При написании своей работы, я опиралась на труды современных ученых, в том числе на исследования, представленные Кряжевым Е. В. в своей диссертации «Правовые аспекты охраны труда в Российской Федерации состояние и перспективы». Автор представляет трудовую концепцию охраны труда направленную обеспечение безопасных условий труда работников, за счет их правового понимания значимости нормативов безопасности труда. [15,1]

Методы, финансово мотивирующие работников к соблюдению условий охраны труда и повышению их знаний в данной области, в том числе и правовых знаний, могут оказать реальное содействие в улучшение условий охраны труда и безопасности жизнедеятельности работника. Считаю целесообразным рассмотреть две модели, которые способны позитивно повлиять на показатели в области охраны труда.

Первая модель была сформирована на основе методики контроля качества выполняемой работы, ее предложил американский психолог Берре Скиннер. Она представляет собой организационные меры управление поведением. В данной модельной концепции цели охраны трудовой деятельности сосредоточены на увеличении безопасных поведенческих новелл, изначально заложенных в систему предприятия. В такой модели наиболее важным компонентом выступает система наблюдения, при которой используется:

— Анализ расследования со стороны уполномоченных органов предприятия и профсоюзов несчастных случаев, произошедших в последнее время;

— Анкетирование или опрос (письменной или устной формы) рабочих и служащих организации для получения сведений о незарегистрированных инцидентах, связанных с нарушением трудовых инструкций;

После сбора данных, необходимых для установления проблемных ситуаций, возникших при несоблюдении требований охраны труда, с работниками необходимо провести тренинг, по результатам которого создается макет модели поведения, призванный улучшить показатели по охране труда на производстве.

Необходимой мерой для улучшения знаний работниками в области охраны труда может быть представленный работодателем или органами профессионального союза курс профессиональной переподготовки кадров, в процессе которого пройдет отработка практических моделей поведения.

В течение такого курса, к примеру, может быть проведен тренинг по безопасности труда и знанию должностных трудовых инструкций со стороны работников. Показ видеоматериала, представляющего модели поведения, как правомерного, так и неправомерного. Целесообразно введение мотивационных финансовых критериев, каковыми могут стать любые виды поощрения. Такая модель направлена на усовершенствование знаний по условиям труда, его безопасности, индивидуальное закрепление приобретенных навыков, а также на формирование групповой реакции на происходящее.

Согласно второй концепции, управление реакцией на окружающую обстановку используется по вышеуказанным методам, но они дополнены открытостью корпоративных отношений и участием рабочих и служащих в процессе усовершенствования охраны трудовой деятельности. Это в значительной мере способствует росту моральных качеств работников, их стремлению к повышению правовых и технико-технологических знаний.

Важную роль в улучшении условий охраны труда и желании работников повышать свой профессиональный уровень, может играть размер и способы оплаты труда. Системы заработной платы имеют решающее воздействие на заинтересованность работников в соблюдении условий охраны труда, одним из методов может служить прогрессивный метод оплаты труда, обусловленный дополнительными компенсационными выплатами в случае соблюдения всех нормативов труда, и при этом достижении работниками высокой, а главное безопасной производительности труда. Такой метод, с нашей точки зрения, необходимо использовать, как на групповом, так и на индивидуальном уровне. Особый положительный эффект он будет иметь при выполнении опасных (особо опасных), вредных (особо вредных), тяжелых (особо тяжелых) условиях труда, работ с повышенным риском для жизни.

В целом повышение эффективности охраны трудовой деятельности существенно отражено на производственной системе безопасности, в том случае если всеми структурными подразделениями производства осуществляются правильные меры по предупреждению опасных для жизни работников ситуаций. То есть для полного осуществления мер направленных на охрану труда необходимо штатное планирование мощностей производства, исследование и ежедневная проверка оборудования, проведение курсов профессиональной подготовки рабочих кадров, проведение семинаров для выявления проблем личной производственной защиты, а также защиты окружающей среды. Главным средством в достижении эффективности работы охраны труда будет связанная работа всех звеньев производства, включая административный персонал и работников производственных цехов.

Заключение. Исходя из материалов исследования направленного на выявление новых методов реализации нормативов охраны труда, можно сделать определенные выводы:

Охрана труда, как институт трудового права, в данной работе была рассмотрена с учетом мнения таких известных ученых, как Хныкин Г. В., Михайлов А. В. и др. Данный правовой институт представляется ими, как система нормативных правовых актов, принимаемых на государственном уровне, а также правовых актов локального уровня, направленных на управление системой охраны трудовой деятельности работников. [6,3]

На основании приведенных в исследовании данных, мы полагаем, что финансовое стимулирование работников, как метод, направленный на улучшение уровня знаний в области безопасности на производстве, может стать одним из наиболее действенных методов в области соблюдения требований охраны труда, а также повышении их уровня на конкретном производстве.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года. Статья 37 URL: <http://consultant.ru>.
2. Трудовой Кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197 ФЗ. Статья 209.
3. Типовые инструкции по охране труда для работников предприятий торговли и общественного питания. ТОИ Р-95120-(001-033)-95.
4. Малько А. В. «Теория Государства и Права». Учебник 4-е изд. /А. В. Малько С. (245) 400.
5. Хныкин Г. В. «Состояние и тенденции развития законодательства об охране труда в государствах членах ЕАЭС» С. 1–6.
6. Михайлов А. В. «Правовое регулирование охраны труда в Российской Федерации» Диссертация на соискание ученой степени.
7. Статистические данные мониторинга производственного травматизма на предприятиях электроэнергетики по итоговым показателям 2015 года. URL: <http://minenergo.gov.ru>
8. Ж. Е. Ерекенов «Правовая культура». Формат- научная статья. URL: <http://www.articlekz.com/article/12359..>
9. Статистические данные исследования по зарегистрированному травматизму URL: <http://znak.com>
10. Аналитический отчет-2–1-правовая грамотность URL: <http://www/decent.org/>
11. Хафизова З. И. Зарипова Д. А. «Нормативно правовое регулирование промышленной безопасности и охраны труда» статья по материалам конференции «Достижения современной науки» с. 773
12. Мировая статистика по охране труда и производственному травматизму. URL: <http://www.ilo.org/moscow/areas-of-work/>
13. Сведения о пострадавших на производстве РФ 2016 URL: <http://www.gks.ru>
14. Научно-практический и учебно-методический журнал «Безопасность Жизнедеятельности» № 169 (01) Долинская Ю. В. «Концептуальные вопросы управления изменениями в области профессиональной безопасности и охраны здоровья» 2015 г.
15. Кряжев Е. В. «Правовые аспекты охраны труда в Российской Федерации: состояние и перспективы» Диссертация. URL: <http://www.dissercat.ru>

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Методика прокурорского надзора за соблюдением права на реабилитацию в уголовном процессе

Витушкина Евгения Викторовна, магистрант

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

В статье рассматриваются вопросы организации и методики прокурорского надзора за соблюдением органами предварительного следствия и органами дознания права на реабилитацию. Автор формулирует понятие методики, раскрывает ее сущность, содержание и принципы, а также предлагает меры, направленные на повышение эффективности данного вида прокурорского надзора.

Ключевые слова: прокурор, прокурорский надзор, методика надзора, реабилитация, уголовный процесс

Прокурорский надзор за соблюдением права на реабилитацию в уголовном процессе России выступает в качестве одного из важнейших правовых средств обеспечения защиты лиц, подвергнутых незаконному и необоснованному обвинению, осуждению, ограничению их прав и свобод, гарантированной Конституцией Российской Федерации и закрепленной в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) в качестве одного из назначений уголовного судопроизводства [1, ст. 53; 2, п. 2 ч. 1 ст. 6].

Данный самостоятельный вид деятельности прокуратуры Российской Федерации тесным образом связан с осуществлением прокурорского надзора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия (ч. 1 ст. 37 УПК РФ), поскольку право на реабилитацию возникает в результате незаконных действий (бездействия) и решений именно этих органов. Исходя из этого, задачами прокурора на рассматриваемом участке работы являются, во-первых, выяснение вопроса о соблюдении органами предварительного расследования требований уголовно-процессуального закона о порядке реабилитации лиц, и, во-вторых, компетентная оценка законности и обоснованности процессуальных решений, принятых ими как при осуществлении уголовного преследования, так и при его прекращении полностью или частично, а также при применении мер процессуального принуждения. Важно подчеркнуть, что принятые решения должны быть оценены прокурором не только с позиции формально-юридической точности, но и с точки зрения их оптимальности и целесообразности. Следует избегать формализма при изучении материалов поступивших к нему уголовных дел, и при их анализе руководствоваться не только положениями УПК РФ, ведомственных нормативных правовых актов и судебной практики, но и собственными, в том числе криминалистическими, знаниями, а также личным правосознанием. Особое внимание

проблеме криминалистической подготовки прокуроров уделяет профессор Исаенко В.Н., который в ряде своих работ подчеркивает, что недостаточное владение прокурорами соответствующими знаниями негативно сказывается на эффективности прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и органов дознания [3].

Эффективность надзорной деятельности прокурора в рассматриваемой сфере во многом зависит от правильной методики ее осуществления. В общетеоретическом смысле методика (от греч. *methodike* — совокупность методов) представляет собой совокупность методов, приемов целесообразного выполнения какой-либо деятельности [4, с. 180]. Применительно к прокурорскому надзору за соблюдением права на реабилитацию методика представляет собой комплекс последовательных, взаимосвязанных действий прокурора по проверке исполнения органами предварительного расследования требований норм УПК РФ, регулирующих институт реабилитации, выполняемых им в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства, приказами Генерального прокурора Российской Федерации, а также криминалистическими рекомендациями, и направленными на защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения ее прав и свобод (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

Раскрывая содержание методики вышеуказанной деятельности, необходимо исходить из того, что она обусловлена самой сущностью прокурорского надзора за соблюдением права на реабилитацию, которая заключается в обеспечении прокурором такого состояния законности, при котором лица, незаконно и необоснованно подвергнутые уголовному преследованию, могут в полной мере реализовать свое право на реабилитацию и право на возмещение причиненного им имущественного и морального вреда, а также на восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах. При этом прокурор, надзирающий

за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и дознания, должен руководствоваться не только общими принципами, обязательными для всех участников уголовного судопроизводства, закрепленными в гл. 2 УПК РФ (законности, уважения чести и достоинства личности и др.), но и специфическими принципами, определяющими направленность методики данного вида надзора. Представляется, что к числу наиважнейших следует отнести принципы последовательности, комплексности, всесторонности и полноты.

Последовательность действий в рамках надзора за соблюдением права на реабилитацию подразумевает обязанность прокурора оценивать соблюдение органами предварительного следствия и органами дознания установленного уголовно-процессуальным законом порядка производства расследования уголовных дел, а также обязанность поэтапного решения ряда задач. Так, он должен разрешить вопросы о том, являются ли законными и обоснованными процессуальные решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по реабилитирующим основаниям; есть ли основания возникновения права на реабилитацию и возмещение вреда, причиненного незаконными действиями и решениями органов уголовного преследования и их должностными лицами (ст. 133 УПК РФ); соблюдены ли ими требования ст. 134 УПК РФ о порядке признания права на реабилитацию; приняты ли меры по реабилитации лица (ч.2 ст. 212 УПК РФ).

Требования к комплексному подходу осуществления надзорной деятельности прокурора на данном участке работы продиктованы самим смыслом уголовно-процессуального закона и конкретизируются в приказах Генерального прокурора Российской Федерации [5; 6]. Данный принцип предполагает использование не только положений уголовно-процессуального законодательства и ведомственных нормативных правовых актов, но и обращение к судебной практике, в том числе разъяснениям высших судов, а также владение криминалистическими знаниями. Анализ содержания вышеуказанных приказов дает основания считать, что комплексный подход должен использоваться прокурорами не только при изучении материалов уголовных дел, поступивших с обвинительным заключением, обвинительным актом, и при проверке законности и обоснованности возбуждения либо прекращения уголовного дела (уголовного преследования), но также при оценке законности привлечения лица в качестве подозреваемого, обвиняемого и обоснованности применения к ним мер процессуального принуждения. Данный принцип необходимо также применять, например, при оценке оснований возникновения права на реабилитацию (так как круг лиц, обладающих таким правом, достаточно широк); при разрешении обращений и жалоб участников уголовного судопроизводства на действия (бездействие) и решения органа дознания, дознавателя, начальника подразделения дознания, следователя, руководителя следственного органа в порядке ст. 124 УПК, и в других случаях.

Далее, методика прокурорского надзора за соблюдением права на реабилитацию должна отвечать требованиям полноты и всесторонности произведенных действий. Так, известно, что одной из самых распространенных причин прекращения уголовных дел (уголовного преследования) по реабилитирующим основаниям является их неполное расследование. Поэтому при оценке прокурором законности и обоснованности соответствующих процессуальных решений ему следует проанализировать доводы следователя или дознавателя, на основании которых были приняты эти решения, а также полноту и логику изложения обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ). Необходимо выяснить вопросы и о том, уведомлены ли участники уголовного судопроизводства о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) и разъяснен ли им порядок восстановления нарушенных прав.

При утверждении прокурором обвинительного заключения (акта) он также должен руководствоваться принципами полноты и всесторонности изучения данных процессуальных документов, а именно — проверять их на соответствие ст. 220 (225) УПК РФ. Особое внимание следует обращать на полноту и правильность изложения существа обвинения, места и времени совершения преступления, его способов, мотивов, целей, последствий и других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела; на правильность формулировки предъявленного обвинения с указанием пункта, части, статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающих ответственность за данное преступление; на полноту перечня доказательств сторон обвинения и защиты, а также на соответствие обвинения, изложенного в обвинительном заключении (акте), обвинению, изложенному в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого.

В случае обнаружения пробелов в расследовании прокурор уполномочен возвращать уголовное дело дознавателю, следователю со своими письменными указаниями об устранении выявленных недостатков, при этом всесторонне оценивая реальные возможности их устранения.

Таким образом, эффективность прокурорского надзора за соблюдением права на реабилитацию во многом зависит от методики его осуществления. Однако прокуроры не всегда придают должного внимания допущенным органами предварительного расследования нарушениям и не полностью используют свои властно-распорядительные полномочия для выявления, устранения и предупреждения нарушений прав и обеспечения законных интересов реабилитированного. Неиспользование прокурорами своих полномочий требует разработки новых подходов к организации работы при осуществлении надзорных функций по соблюдению права граждан на реабилитацию в уголовном процессе. В этих целях представляется целесообразным разработать соответствующий приказ Генерального прокурора Российской Федерации, который закрепил бы основные принципы и приоритетные направления надзорной деятельности прокурора

в данной сфере. Кроме того, на ее эффективности положительно скажется организация и регулярное проведение учебных практико-ориентированных семинаров,

в ходе которых будет происходить обмен опытом по осуществлению прокурорского надзора за соблюдением права на реабилитацию.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // <http://www.pravo.gov.ru>
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 29.07.2017, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2017) // «Российская газета», N 249, 22.12.2001.
3. Исаенко В. Н. Методика прокурорского надзора за исполнением закона при расследовании преступлений // Законность. 2012. N 7. С. 10–14.
4. Социологический энциклопедический словарь: на русском, английском, немецком, французском и чешском языках / Редактор-координатор академик РАН Г. В. Осипов. — М.: Изд-во НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА М), 2000. — 488 с.
5. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 28.12.2016 N 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // Законность, № 3, 2017.
6. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 26.01.2017 N 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» // Законность, № 5, 2017.

Недопустимость поворота к худшему в деятельности судов судебно-контрольных инстанций

Егорова Анастасия Игоревна, студент

Таврическая академия Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (г. Симферополь)

Сегодня об эффективности работы механизмов и правовых институтов уголовного процесса, в спектре реализации права на судебную защиту, можно говорить лишь при условии обеспечения участникам уголовного процесса и иным заинтересованным лицам реальной свободы обжалования. Такая свобода, помимо прочего, предполагает отсутствие у субъекта обжалования оснований опасаться того, что инициированный им пересмотр судебного решения приведет в итоге к ухудшению его собственного положения или положения того лица, в интересах которого подаются жалоба, представление.

Подобные опасения были бы безосновательными в том случае, если бы вышестоящие суды проверяли судебные решения только в пределах доводов сторон, приводимых ими в своих жалобах и представлениях. Однако в судах судебно-контрольных инстанций действует ревизионное начало, в связи с чем лицо, обжалующее судебное решение не может быть уверено в том, что суд, рассматривая дело по его жалобе, не применит ревизионное начало в целях принятия решения, которым ухудшит его положение по сравнению с первоначальным. Поэтому для того, чтобы гарантировать свободу обжалования, в уголовном судопроизводстве закрепили правило, именуемое в теории запретом поворота к худшему (*non reformatio in peius*),

который был известен ещё уголовному процессу Древнего Рима.

В уголовно-процессуальном законодательстве правило о недопустимости поворота к худшему закреплено только при кассационном рассмотрении уголовного дела и пересмотре судебного решения в порядке надзора. И, напротив, в статье 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) указывается, что поворот к худшему допускается в случае, если в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия [1]. Однако сам механизм обжалования приговора в УПК РФ с учетом реализации указанного выше правила, не разъяснен. Кроме того, такое правило отсутствует при апелляционном рассмотрении уголовного дела, то есть апелляция рассматривает дело в ревизионном порядке, согласно статье 389.19 УПК РФ, и она свободна от каких-либо ограничений.

Конечно, абсолютный запрет поворота к худшему противоречит сути правосудия. Однако его необходимо применять, пусть и в ограниченной форме, при апелляционном рассмотрении уголовного дела, так как отсутствие данного правила, мотивов изменения

решения судом, влечет за собой множество негативных последствий.

Во-первых, реализуя норму части 1 статьи 389.24 УПК РФ на практике, суд вполне может возложить на себя обвинительную функцию, что ему совсем не свойственно.

Во-вторых, анализируя правовую норму части 2 статьи 389.19 УПК РФ, мы приходим к выводу о том, что при правомочии суда проверить уголовное дело в отношении всех осужденных, суд без особых усилий вправе принять решение, ухудшающее положение осужденных, так как запрет поворота к худшему в этой стадии не закреплен, а суд принимает решение безотносительно требований, формально указанных в представлении прокурора или же жалобе потерпевшего.

Столь широкие пределы прав суда апелляционной инстанции при проверке приговора создают опасность нарушения прав участников, не обжаловавших приговор или иное решение суда. Лица, не воспользовавшиеся своим правом на обжалование, равно как и лица, подавшие жалобу, находятся под угрозой ухудшения их положения по сравнению с приговором суда первой инстанции, что также подтверждается нижеприведенной статистикой [2].

Так, по данным судебной статистики Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, за первое полугодие 2017 года апелляционными судами по жалобам рассмотрено 145 732 апелляционных уголовных дел (по числу лиц). В результате апелляционного рассмотрения уголовных дел на обвинительные приговоры в количестве 49 365 (по числу лиц), 3280 из них были отменены, причем 460 из них — с вынесением нового обвинительного приговора. Кроме того, 8683 обвинительных приговоров были изменены, из них 1324 — с усилением наказания. За первое полугодие 2017 года также было рассмотрено 413 апелляционных уголовных дел (по числу лиц) по жалобам на оправдательные приговоры. Из них 320 оправдательных приговоров были отменены, а в отношении 37 — вынесены обвинительные приговоры [3].

Да, вынесение обвинительного приговора апелляционным судом, в соответствии со статьей 389.24 УПК РФ не предполагает возможность ухудшения положения оправданного. Однако сама сущность правила недопустимости ухудшения правового положения обвиняемого состоит в том, что суд апелляционной инстанции при проверке законности, обоснованности и мотивированности судебного решения суда первой инстанции не вправе отменить обвинительный приговор в связи с необходимостью применить более строгое наказание, отменить оправдательный приговор и т. п.

То есть в ряде случаев недопустимость поворота к худшему становится препятствием для устранения судебных ошибок. И законодатель это вполне осознает, поэтому утверждать, что суд апелляционной инстанции вообще не вправе ухудшить положение обвиняемого было бы не совсем корректно, поскольку из тех же норм УПК РФ исходят исключения, которые сводятся выполнению условия

о том, что в данном случае обязательно представление четко определенного субъекта — прокурора, либо жалоба потерпевшего, частного обвинителя, их представителей. В контексте рассмотрения обозначенной проблемы достаточно остро стоит и вопрос достижения оптимального баланса прав обвиняемого (осужденного) и потерпевшего. Запрет поворота к худшему на стадии апелляционного производства адресован обвиняемому, осужденному и не рассчитан на потерпевшего. Так, суд апелляционной инстанции может ухудшить положение потерпевшего, в частности, уменьшив размер возмещение материального и /или морального вреда.

Таким образом, институт запрета поворота к худшему как проявление гуманизма уголовного судопроизводства действует на стадии апелляционного производства, но в ограниченном виде. Однако реализация этих ограничений (исключений) должна происходить с соблюдением всех предусмотренных УПК РФ требований с целью обеспечения и защиты прав и законных интересов участников процесса. Отечественному законодателю следует стремиться к формированию справедливого баланса между интересами обвиняемого (осужденного), с одной стороны, и обеспечением эффективности системы уголовного правосудия — с другой.

Что касается кассационной инстанции, то за первое полугодие 2017 года было рассмотрено 4266 кассационных жалоб (по числу лиц). Из них 247 обвинительных приговоров, вынесенных судом апелляционной инстанции, были отменены. Кроме того, было изменено 1014 оправдательных приговоров, из них без снижения наказания — 16, со снижением наказания — 991, с усилением наказания — 8. Но что немаловажно — 10 оправдательных приговоров были отменены [3].

Право на кассационное обжалование судебного решения является одной из гарантий справедливой судебной защиты прав и свобод человека, в ходе него могут отменяться уже вступившие в силу решения суда первой инстанции. Поэтому осуществление эффективности судебной защиты на этой стадии уголовного процесса имеет особое значение.

Итак, в соответствии с пунктом 6 части 1 статьи 401.14, пункта 7 части 1 статьи 412.11 УПК РФ, суды кассационной и надзорной инстанций правомочны изменить пересматриваемое судебное решение, но не тогда, когда такое решение влечет ухудшение положения осужденного, оправданного или лица, в отношении которого уголовное дело прекращено. Кроме того, правило о недопустимости поворота к худшему в деятельности кассационного суда приобретает абсолютный характер по истечении срока, указанного в статье 401.6 УПК РФ.

Так, на основании вышеизложенного, в том числе в результате анализа статистических данных и правовых норм УПК РФ, мы приходим к выводу о том, что существующий в Российской Федерации институт обжалования судебных решений хотя и гарантирует свободу обжалования

как таковую, однако он не достигает той высокой цели, которая закреплена в статье 2 Конституции Российской Федерации и в уголовном судопроизводстве должна обеспечиваться на всех его стадиях. Обеспечение прав человека возможно лишь при условии существования закрепленных на уровне законодательства и действенных в практическом применении гарантий такого обжалования, которые на данный момент отсутствуют.

Поэтому на современном этапе правило о недопустимости поворота к худшему можно рассматривать не только как процессуальную гарантию реализации свободы обжалования судебных решений, но и как процессуальную гарантию реализации права лица на защиту, а также в качестве гарантии справедливого судопроизводства. Указанное положение является международным стандартом, поскольку гарантировать справедливость судебного решения невозможно без обеспечения права заинтересованного лица на его проверку другим составом суда и, при наличии к тому соответствующих оснований, — исправления судебной ошибки. Такой подход закреплен в Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Международном пакте о гражданских и политических правах, согласно которым каждый, кто осужден за совершение уголовного преступления имеет право на пересмотр его дела вышестоящим судом.

В юридической литературе нет единого мнения относительно сущности запрета поворота к худшему. Однако из плюрализма мнений разных ученых-процессуалистов, все-таки исходит логический вывод о том, что запрет поворота к худшему в деятельности судов судебно-контрольных инстанций выражает, прежде всего, комплекс взаимосвязанных предписаний, которые выступают как процессуальные гарантии, которые обеспечивают свободу обжалования и тем самым — реализацию в уголовном судопроизводстве Конституционного права каждого на судебную защиту. Действие этого института проявляется по-разному на каждой из контрольно-проверочных стадий уголовного процесса и определяется конкретными условиями и пределами поворота к худшему.

Действительно, если в апелляционном и кассационном производстве одинаковым условием для отмены оправдательного приговора или обвинительного приговора в связи с необходимостью применить закон о более тяжком преступлении или более строгое наказание является представление апелляции или кассационной жалобы прокурором, потерпевшим или его представителем, то границы, в которых проявляется поворот к худшему на этих стадиях, различны: апелляция предполагает вынесения нового

приговора (постановления), кассация — отмена судебного решения и направления дела на новое судебное или апелляционное рассмотрение.

Положения, изложенные в данной статье, дают возможность сформулировать перечень выводов, которые станут определенным основанием для осуществления дальнейших исследований в этом направлении:

— во-первых, недопустимость ухудшения правового положения обвиняемого в апелляционном и кассационном суде — это не только важная гарантия прав обвиняемого на защиту и свободы обжалования решения, но одновременно и гарантия правосудия, поскольку является эффективным средством выявления и исправления нарушений закона в деятельности органов досудебного расследования, судов первой инстанции, а если кассационное производство — также и в деятельности апелляционных судов;

— во-вторых, гарантия невозможности поворота к худшему является условной, а не абсолютной. Условность заключается в возможности судов судебно-контрольных инстанций ухудшить положение лица, но при наличии определенного юридического факта;

— в-третьих, недопустимость ухудшения правового положения обвиняемого можно рассматривать не только как гарантию свободы обжалования судебных решений, но и как инструмент установления границ апелляционного или кассационного пересмотра, благодаря которому названные инстанции имеют возможность исправить судебные ошибки, лежащие за пределами заявленных требований заинтересованного лица;

— в-четвертых, для нормального функционирования правила недопустимости поворота к худшему в деятельности судов судебно-контрольных инстанций, в УПК РФ следует закрепить положение, согласно которому при ревизионной проверке судебных решений, запрещается каким-либо образом ухудшать положение лиц их не обжаловавших.

Кроме того, хотелось бы заметить, что в настоящее время в толковании нуждается сам термин «недопустимость поворота к худшему», его необходимо раскрыть в уголовно-процессуальных нормах. Представляется необходимым также закрепить в УПК РФ механизм его применения относительно деятельности судов судебно-контрольных инстанций (в том числе апелляционного суда). Считаем необходимым сократить срок на обращение в суд кассационной инстанции до 6 месяцев по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного.

Указанные нововведения позволят устранить те проблемы, которые существуют в настоящее время в уголовно-процессуальной практике.

Литература:

1. Правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2017, с изм. от 14.11.2017). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=221498&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.5074318007100374#0> (дата обращения — 26.11.2017).

2. Мотовиловкер Я. О., Ширшов М. Пределы действия преобразования к худшему // Советская юстиция. М.: Юрид. лит., 1974. С. 7–9.
3. Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации [Электронный ресурс] // Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2017 года. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4151> (дата обращения — 26.11.2017).

Досудебное соглашение о сотрудничестве как процессуальный институт

Мальцагов Иса Даудович, кандидат юридических наук, доцент;

Адамова Петимат Саидахметовна, магистрант

Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Досудебное соглашение о сотрудничестве рассматривается как взаимодействие обвиняемого (подозреваемого) с органами предварительного следствия и правосудия. Данная норма прописана в гл. 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и является положительным шагом в борьбе с преступностью. Однако институт досудебного сотрудничества подозреваемого (обвиняемого) со следствием необходимо развивать, путем соответствующих изменений в УК и УПК РФ.

Ключевые слова: досудебное соглашение, досудебное сотрудничество

Pre-trial cooperation agreement is considered as interaction of the accused (suspect) with the bodies of preliminary investigation and justice. This rule is prescribed in Ch. 40 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and is a positive step in the fight against crime. However, the institution of pre-trial cooperation of the suspect (accused) with the investigation should be developed, by appropriate changes in the Criminal Code and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Key words: pre-trial agreement, pre-trial cooperation

Нормативному закреплению досудебного соглашения о сотрудничестве в законодательстве РФ как особого порядка принятия судебного решения предшествовали как объективная необходимость реалий современной жизни, учет зарубежной следственной и судебной практики осуществления положений соглашения о сотрудничестве, так и опыт применения особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Тем не менее, особенности правоприменительной практики в РФ выявили ошибки, допущенные в нормативном представлении досудебного соглашения о сотрудничестве. Эти ошибки легли в основу проблем, обсуждению которых посвящены многие исследования, дискуссии ученых-процессуалистов.

В УПК РФ изложено определение понятия досудебного соглашения о сотрудничестве как «соглашения между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения». Тем не менее, проблемные моменты, представленные в нормативном закреплении данного института, способствуют появлению различного его понимания, толкования и авторских представлений его дефиниции.

В результате представления научных разъяснений и практических рекомендаций многие авторы теоретических исследований по уголовному процессу РФ излагают свои авторские определения понятия досудебного соглашения о сотрудничестве в аспекте совершенствования его норм как отдельного процессуально-правового института.

Исследователи предполагают, что процессуальная сущность института досудебного соглашения о сотрудничестве РФ более близка к американскому понятию института сделки о признании вины, основывающегося на договорных отношениях.

В этой связи в научной литературе дискуссионным выступает вопрос о том, является ли досудебное соглашение о сотрудничестве в уголовном процессе РФ вариантом деятельного раскаяния или согласительной процедурой (сделкой), полностью ли основан данный институт на договорных отношениях.

Некоторые исследователи подчеркивают, что досудебное соглашение о сотрудничестве является соглашением (сделкой), заключенным только между прокурором и подозреваемым (обвиняемым). Существует также мнение, исходящее из анализа норм досудебного соглашения о сотрудничестве, согласно которому природу данного института можно считать сделкой лишь отчасти.

Ст. 317. 3 УПК РФ полностью посвящена процессуальному порядку составления документа досудебного соглашения о сотрудничестве.

Появление в уголовном процессе упрощенного особого порядка рассмотрения дел является общемировым направлением. Оно обусловлено ростом преступности и чрезмерной нагрузкой судов.

В научной литературе существуют различные подходы к определению целей, назначения досудебного соглашения о сотрудничестве. Некоторые исследователи определяют в качестве назначения данного института всю совокупность целей, осуществление действий для достижения которых регламентированы нормами главы 40 УПК РФ: снижение уровня преступности, повышение раскрываемости преступлений, противодействие организованным формам преступности. [3, с.198]

Для других авторов теоретических исследований характерна дифференциация целей и назначения института досудебного соглашения о сотрудничестве. Так, различают основную цель введения данного института — противодействие организованной преступности и сопутствующую — повышение уровня раскрываемости преступлений, совершенных в соучастии.

Для некоторых исследователей является принципиальным разграничить цель досудебного соглашения о сотрудничестве как процедуры, заключающейся в содействии обвиняемого (подозреваемого) следствию при раскрытии и расследовании тяжких и особо тяжких преступлений, выявлении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступлений, и цель особого порядка принятия судебного решения при заключении данного соглашения, представленную в оптимизации судебных издержек и расходов, решении проблемы оперативности правосудия. [1, с.273]

Другие видят первичную цель досудебного соглашения о сотрудничестве в установлении истинных обстоятельств по делу (выявление, преследование соучастников преступления, содействие при раскрытии и расследовании преступлений), вторичной целью определяют экономичность уголовного процесса. Отмечено, что досудебное соглашение о сотрудничестве соответствует принципам и назначению современного уголовного процесса РФ, актуальным направлениям индивидуализации уголовного наказания, упрощения уголовного судопроизводства. [4] Однако это не означает, что досудебное соглашение о сотрудничестве может быть заключено с любым лицом, привлекаемым к уголовной ответственности. Дискуссионным выступает вопрос о том, считать ли применение процедуры заключения досудебного соглашения о сотрудничестве в качестве исключения или общего правила в уголовном процессе, что связано с публичным характером данного института. Здесь принцип публичности выражается в заинтересованности правоохранительных органов в сотрудничестве с подозреваемым (обвиняемым).

Но в то же время подозреваемый (обвиняемый) может осуществить свое право на применение данной процедуры только при условии, что у него имеется достаточно значимая информация, и лишь в том случае, если стороне обвинения это будет необходимо. Во многих странах действует практика законодательного ограничения на сотрудничество с обвиняемым в обмен на снижение ему наказания. Смягчение наказания на основе заключения сделки правоохранительными органами возможно лишь по нетяжким преступлениям. Только в странах англо-саксонской правовой системы при применении норм института сделки ограничение является недопустимым.

В РФ уголовно-процессуальный закон не устанавливает ограничение, определяющее, по каким уголовным делам может быть заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. По мнению исследователей, это обстоятельство указывает на то, что решение по применению норм данного института отведено на усмотрение правоприменителей. Несмотря на назначение и цели введения в уголовно-процессуальный закон института досудебного соглашения о сотрудничестве, заключающиеся в выявлении, раскрытии, расследовании тяжких и особо тяжких уголовных дел по преступлениям, совершенными в соучастии, организованно, латентно, в настоящее время сложилась судебная практика, согласно которой досудебное соглашение о сотрудничестве заключается по всем категориям дел. [2]

По мнению исследователей, в законе все же можно обнаружить нормы, ограничивающие круг преступлений, по которым возможна процедура заключения рассматриваемого соглашения.

Проанализировав норму ч. 4 ст. 317. УПК РФ, указав на то, что термин «преступная деятельность» может применяться в отношении преступлений, имеющих групповой характер, некоторые ученые пришли к выводу, что процедура заключения досудебного соглашения о сотрудничестве может применяться только по уголовным делам, преступление по которым совершено несколькими лицами. [5] Данной позиции придерживаются и судьи Верховного Суда РФ, указывая, что «рассматриваемый институт может быть применен лишь при расследовании преступлений, совершенных не одним, а несколькими лицами». Высказана и другая точка зрения, согласно которой необходимо ограничить область применения норм, закрепленных в главе 40¹ УПК РФ, исключительно расследованием преступлений, совершенных организованными преступлениями.

Согласно следующему подходу к данной проблеме, ни одна из вышеприведенных позиций не может быть принята. В связи с тем что институт сотрудничества сориентирован на тяжкие и особо тяжкие преступления, является необходимым исключить зависимость сферы применения главы 40¹ УПК РФ от ограничений, закрепленных нормами главы 40 УПК РФ. Так, согласно сторонникам данной позиции, содействие обвиняемого может быть разнообразным и необязательно касается изобличения соучастников.

Литература:

1. Климанова О. В. История и особенности современного правового регулирования и практики применения аналогов института досудебного соглашения о сотрудничестве в зарубежных странах // Вестник Самарского государственного университета. — 2014. — № 11–2 (22). — С. 273–278.
2. Майорова М. С., Кавайкин А. А. Особенности уголовного судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Nauka-rastudent.ru. — 2017. — No. 02 (038)
3. Марфицин П. Г. Уголовно-процессуальный и оперативно-розыскной аспекты досудебного соглашения о сотрудничестве // Юрид. наука и практика: вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2012. № 1. С. 198–201.
4. Тишин Р. В. Право на досудебное соглашение о сотрудничестве как элемент конституционной правосубъектности лица, привлекаемого к уголовной ответственности // Российский следователь. 2016. № 6.
5. Шаутаева Г. Х., Шаутаева Р. Х. Явка с повинной с позиции состязательного процесса // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. Ижевск, 2015. Вып. 6. С. 193.

Понятие исполнения мер уголовно-процессуального принуждения

Мальцагов Иса Даудович, кандидат юридических наук, доцент;

Ажиев Ризван Вахаевич, магистрант

Чеченский государственный университет (г. Грозный)

В статье рассмотрено понятие исполнения мер уголовно-процессуального принуждения.

Ключевые слова: меры пресечения, меры принуждения, определение понятия

The article describes the concept of execution of measures of criminal procedural coercion.

Keywords: measure; coercive measures; definition of the concept

Эффективное функционирование демократического общества с его экономическими, политическими и другими социальными институтами немыслимо без надлежащего упорядочения общественных отношений, которое достигается с помощью общеобязательных, формально-определенных правил (норм) поведения. Однако правовые нормы действуют только при условии их выполнения, что обеспечивается активным воздействием на сознание и поведение субъектов социального бытия, которое, в свою очередь, реализуется такими методами государственного управления, как убеждение и принуждение.

В системе мер государственного принуждения особое место принадлежит мерам уголовно-процессуального принуждения, которые наиболее ощутимо вторгаются в сферу прав и свобод личности. Исключительная социальная значимость уголовно-процессуального принуждения объясняет неослабевающий научный интерес к этому правовому феномену.

Для осуществления практики исполнения мер уголовно-процессуального принуждения наиболее существенным является понимание того, что такие мероприятия должны носить исключительный характер, поскольку в любых формах своего проявления уголовно-процессуальное принуждение тем или иным образом связано с соответствующим ущемлением конституционных прав и свобод личности. Д. Н. Козак, Е. Б. Мизулина справедливо отмечают, что из всех видов государственной деятельности уголовное судопроизводство

более других вторгается в сферу частной жизни, ограничивает права и свободы граждан. Такой подход, по их мнению, подчеркивает необходимость исключительного использования принуждения, если метод убеждения не достиг желаемого результата [5]. Это означает, что принудительные меры, как правило, применяются только в случае отказа лица, привлеченного к сфере уголовного производства, добровольно выполнить свой процессуальный долг. Гуськова А. П. отмечает, что принуждение, прежде всего, противостоит свободному волеизъявлению, а потому суть принуждения заключается в том, что оно осуществляется помимо воли и желания участников процесса [4]. В связи с этим для отграничения принуждения от принудительных элементов используется критерий психического отношения субъекта к возложенным на него обязанностям. Добровольное исполнение обязанности исключает принуждение. Поэтому, следует согласиться с тем, что, во-первых, исполнению мер уголовно-процессуального принуждения должно предшествовать убеждение, а во-вторых, мероприятие уголовно-процессуального принуждения избирается в соответствии со сложившейся ситуацией.

Меры уголовно-процессуального принуждения могут быть классифицированы по различным критериям. Прежде чем рассмотреть их возможные классификации, отметим, что в уголовно-процессуальной теории сложилось два подхода к решению вопроса по их систематизации. Одни ученые считают, что в нее не должны включаться следственные

действия, поскольку они являются средствами доказывания, другие настаивают на целесообразности признания за ними значение мер уголовно-процессуального принуждения. Разделяя последнюю точку зрения, следует вместе с тем подчеркнуть, что к мерам уголовно-процессуального принуждения обоснованно относить только те следственные действия, при производстве которых закон позволяет принуждение.

Следовательно, важно понимать, что согласие лица добровольно выполнить свой процессуальный долг, в частности предоставить доступ в помещение, к вещам, документам и т. п. исключает применение к нему соответствующего мероприятия уголовно-процессуального принуждения.

В уголовном праве РФ меры процессуального принуждения играют очень важную роль при достижении целей уголовного судопроизводства. Так, задержание подозреваемого в совершении преступления в российском уголовном процессе — это значимая мера процессуального принуждения, смысл которой заключается в том, чтобы на недлительный срок лишить подозреваемого свободы. При этом подозреваемый может быть задержан на срок не более 48 часов, при отсутствии решения суда (ч. 2 ст. 94 УПК РФ). В исключительных случаях по ходатайству уполномоченного органа этот срок может быть продлен до 72 часов, с обоснованием необходимости задержания суду. Данная мера, безусловно, ограничивает конституционные права личности, но при этом она обусловлена объективными причинами, препятствующими возникновению угрозы объектам уголовно-правовой охраны. Законность применения данной меры процессуального принуждения обосновывается соблюдением определенных условий. Первое из которых: соответствие задержанию определенной цели: проверить причастность задержанного к совершению того или иного преступления и наличие оснований для применения к задержанному лицу меры пресечения в виде заключения под стражу. В связи с этим, задержание лица, преследующее иные цели, считается незаконным [3].

Второе, задержать можно лицо, подозреваемое в совершении преступления, наказание за которое предусматривает лишение свободы и с условием одномоментного возбуждения уголовного дела. Необходимо учитывать, что при наличии оснований для задержания подозреваемого возникают основания и для возбуждения уголовного дела в кратчайшие сроки. Но здесь есть некоторые проблемы. В соответствии с нормами УПК РФ протокол задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, должен быть составлен в течение 3 часов с момента фактического задержания. Но при этом, возбуждение уголовного дела возможно только с согласия прокурора (ст. 146 УПК РФ). При таком противоречии норм процессуального права у суда могут возникнуть сомнения в законности и обоснованности задержания.

Третье, что необходимо отметить, задержание подозреваемого может производиться только при наличии достаточных оснований и законных мотивов, определяемых

законом. Основание дает понимание, на основании которого принимается решение о процессуальном задержании лица. [2]

Уголовный закон называет исчерпывающий перечень оснований и мотивов задержания. Основания определены законодателем в п. 1–3 ч. 1 ст. 91 и ч. 2 ст. 91 УПК РФ. Сложность при этом представляет только четвертое основание, определяемое как «иные данные, дающие основание подозревать данное лицо в совершении преступления» (ч. 2 ст. 91 УПК РФ). Данное основание включает в себя фактические данные, и данные оперативно-розыскного характера, позволяющие подозревать лицо в совершении преступления. Особенностью задержания подозреваемого по последнему основанию является и то, что оно может применяться только при наличии специальных мотивов, указанных в ч. 2 ст. 91 УПК РФ, что не всегда принимается во внимание правоприменителем. Помимо специальных, законом предусмотрены и общие мотивы для задержания (ч. 1 ст. 97 УПК РФ), применение которых возможно при задержании, осуществляемом по основаниям п. п. 1–3 ч. 1 ст. 91 УПК РФ. В связи с тем, что перечень мотивов исчерпывающе установлен законодателем, суд будет считать незаконным задержание, мотив которого не соответствует указанному исчерпывающему перечню.

Необходимо обратить внимание, что меры принуждения применяются:

- в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством и ведомственными нормативно-правовыми актами;
- в рамках производства по уголовному делу (имеются исключения, например, задержание подозреваемого возможно на стадии доследственной проверки);
- уполномоченными на то должностными лицами (следователями, дознавателями, органом дознания и судом);
- только к участникам уголовного судопроизводства (подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему и т. п.).

Порядок применения каждой меры уголовно-процессуального принуждения строго регламентируется законодательством, однако, несмотря на это, должностные лица не редко допускают нарушения, которые в дальнейшем могут повлечь отмену принятого процессуального решения. В каждом случае нарушений необходимо требовать восстановления своих прав в рамках действующего законодательства [1].

Меры процессуального принуждения в уголовном производстве применяются исключительно по основаниям, на условиях и в порядке определенных законом. Основаниями являются такие обстоятельства, которые требуют применения мер процессуального принуждения и выступают их причиной, поводом. Вместе с тем применение этих мер не может не ограничиваться определенными условиями, назначение которых — создать четкие границы законности их применения.

Таким образом, основанием исполнения мер уголовно-процессуального принуждения может быть определена как совокупность имеющихся в уголовном производстве

фактических данных, доказывающих необходимость применения таких мер для достижения целей предварительного расследования.

Литература:

1. Власенко Н. В. Проблемы применения домашнего ареста в качестве меры пресечения // Уголовный процесс. 2012. № 9. С. 36–41.
2. Волеводз А. Г. Международная организация уголовной полиции — Интерпол и тенденция формирования региональных правоохранительных организаций // Библиотека криминалиста. 2011. № 1. С. 130–151.
3. Воронин Ю. А., Даровских С. М. Судебные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации — источники уголовно-процессуального права // Проблемы права. 2012. № 2. С. 172–175.
4. Гуськова А. П. Процессуально-правовые и организационные вопросы подготовки к судебному заседанию по УПК РФ. — Оренбург, 2012. — С. 45.
5. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. Д. Н. Козак, Е. Б. Мизулина. — М.: Юрист, 2015. — С. 456.

Организация прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении заявлений (сообщений) о преступлениях

Мальцагов Иса Даудович, кандидат юридических наук, доцент;

Габаева Тамила Руслановна, магистрант

Чеченский государственный университет (г. Грозный)

В статье рассмотрено понятие «организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях». Проанализированы особенности организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении заявлений (сообщений) о преступлениях в позиции системного подхода

Ключевые слова: прокурорский надзор, прием, регистрация и разрешение заявлений (сообщений) о преступлениях, системный подход, организация

The article considers the concept of “organization of Prosecutor’s supervision over execution of laws during the acceptance, registration and resolution of communications on crimes”. The article analyses the peculiarities of organization of Prosecutor’s supervision over execution of laws during the acceptance, registration and settlement of statements (messages) on crimes in the system approach

Key words. Public Prosecutor’s supervision, admission, registration and resolution of applications (messages) on crimes, systemic approach, organization

Организация прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении заявлений (сообщений) о преступлениях представляет собой системное понятие. Системность понятия организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении (проверке) сообщений о преступлениях предполагает использование системного подхода для объяснения и описания его свойств.

Любое творчество, включая и наше, посвященное организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, всегда движется к построению системы. В этом плане наши размышления по такому поводу для науки прокурорского надзора традиционны.

С позиции системного подхода организация прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях представляет собой открытую систему. По этой причине для организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях свойственно не только собственно организация, но и самоорганизация. В силу этих обстоятельств, а именно в процессе организации и самоорганизации возрастает степень упорядоченности и происходит усложнение структуры прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях. [4, с. 592]

Организация прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях представляет собой сознательную деятельность прокуроров по созданию целостной системы, направленной на упорядочение прокурорской деятельности в анализируемой сфере. Организация прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, «выступающая как упорядоченное состояние системы, есть одновременно результат целенаправленного осуществления организаторской функции управления».

В контексте организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях такими показателями совокупного результата труда (прокурорского надзора) выступают, например, результаты прокурорского надзора по отдельным видам преступлений.

При рассмотрении понятия «организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях» мы свое внимание в большей мере сосредоточим на статичном «срезе», а в последующих своих размышлениях — на динамическом (функциональном) «срезе». Поэтому, когда мы употребляем слово «организация» в статичном «срезе» применительно к организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, то подразумеваем сложно организованное, живое и единое целое, разделенное (объединенное) совокупностью физических и духовных свойств, позволяющим отличать целое от неживой материи. И не только от нее, но и человека от животного мира.

Для понимания статичного смысла организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях весьма важно акцентировать внимание на нижеследующем. В статичном смысле организация прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях предполагает, по крайней мере, три уровня подобной организации, а именно, физическом, психологическом и духовном уровнях анализируемой организации, с характерными для каждого из них свойствами в рамках целого. В совокупности данное обстоятельство говорит в пользу того, что в статичном смысле организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях имеет трехуровневую структуру, каждый из уровней которой обладает свойствами целого, а именно духовного свойства. Данное обстоятельство говорит в пользу того, что организация прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях представляет собой организационную систему, созданную для достижения общей для нее целей. [2, с.143]

Дух организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях позволяет:

- 1) быть источником смыслополагания, личностного самоопределения и осмысленного преобразования организационной деятельности прокурора;
- 2) открывает возможность дополнять природную (физическую и психологическую) основу организации прокурорского надзора (как одной из форм бытия) миром моральных, культурных и религиозных ценностей;
- 3) выполнять роль руководящего и сосредоточивающего принципа (начала) для упорядочивания всех форм рационального и иррационального мышлений. [3, с.17]

Согласно стратегии национальной безопасности основа российской общности состоит в сохранении и приумножении традиционных духовно-нравственных ценностей (п. 67). В контексте организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях сохранение и приумножение традиционных духовно-нравственных ценностей русского народа означает указание на ее стратегическую цель. Исходя из духа и буквы Стратегии национальной безопасности, деятельность прокуратуры Российской Федерации по обеспечению национальной безопасности невозможна в отрыве от культурной системы российской общности и духовно-нравственного наследия русского народа. В противном случае, цели организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях будут не соответствовать фундаментальным ценностям нашего народа.

Итак, организация прокурорского надзора предполагает:

- 1) внутреннюю упорядоченность, согласованность и взаимодействие для достижения общих целей прокурорской деятельности;
- 2) совокупность действий и решений прокуроров, влекущих за собой оптимизацию (образование и совершенствование взаимосвязей между частями целого) прокурорской системы, обусловленных целями и задачами прокуратуры;
- 3) объединение усилий прокуроров, совместно осуществляющих деятельность на основе определенных правил (процедур) для достижения общей цели прокурорского надзора и разрешения его задач. [5, с. 229]

Организация прокурорского надзора за исполнением законов и организация прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях соотносятся между собой как целое к части. Отсюда вполне правомерно следующее суждение: все, что характерно для целого, имманентно и для части. Сказанное означает, что накопленный в науке прокурорского надзора опыт объяснения и описания организации

прокурорского надзора может быть использован для объяснения и описания организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях.

С учетом изложенного под организацией прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях следует

понимать обусловленную менталитетом, мировоззрением российского народа и стратегическими целями национальной безопасности, деятельность прокуроров, направленную на целевое объединение ресурсов прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений с целью ее упорядочивания и повышения эффективности.

Литература:

1. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 47. — Ст. 4472.
2. Антипова И. А., Шигуров А. В. Прокурорский надзор как гарантия законности решений, выносимых в стадии возбуждения уголовного дела // Новые информационные технологии в науке: сборник статей Международной научно-практической конференции: в 2-х частях. — Киров, 2016. — С. 143–145.
3. Душкин С. В. Фальсификация документов первичного учета в сфере уголовно-правовой статистики // Законность. — 2016. — № 9. — С. 17–24.
4. Шигуров А. В., Шигурова Е. И. К вопросу о полномочиях прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса // Современные научные исследования и инновации. — 2016. — № 3 (59). — С. 592–596.
5. Шигуров А. В., Шигурова Е. И. Проблемы участия прокурора в стадии предварительного расследования в российском уголовном процессе // Инновационные процессы в научной среде: Сборник статей Международной научно-практической конференции. — Киров, 2016. — С. 229–232.

Поводы и основания возбуждения уголовного дела

Мальцагов Иса Даудович, кандидат юридических наук, доцент;

Талаева Милана Мусаевна, магистрант

Чеченский государственный университет (г. Грозный)

В данной статье анализируются поводы и основания возбуждения уголовного дела, анализируется порядок производства доследственной проверки, выявляются проблемы соблюдения сроков проверки по сообщению о преступлении, предлагаются изменения в действующее уголовно-процессуальное законодательство.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, повод возбуждения уголовного дела

This article analyzes the reasons and grounds for initiating a criminal case, analyzes the procedure for the production of pre-investigation checks, identifies the problems of compliance with the terms of verification of a crime report, suggests changes in the current criminal procedure legislation.

Key words: initiation of criminal case, cause of initiation of criminal case

Исчерпывающий перечень поводов возбуждения уголовного дела, а также фактические основания для возбуждения уголовного дела содержатся в ст. 140 УПК РФ

Поводами для возбуждения уголовного дела являются:

- заявление о преступлении;
- явка с повинной;
- сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников;
- постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании.

Выявив повод, следователь обязан принять меры для установления оснований возбуждения уголовного дела,

которые наукой уголовного процесса трактуются как фактические данные о наличии в деянии признаков состава преступления и отсутствию обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу. [4, с. 249]

Основанием для возбуждения уголовного дела является исключительно наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

Уголовно-процессуальное законодательство не говорит конкретно о том, что может быть признано основанием возбуждения уголовного дела, не содержит их перечисления, поскольку привести их даже не то что исчерпывающий, примерный перечень, невозможно.

Логический анализ норм УПК РФ, а также мнений в научной литературе позволяет определить, что по общему

правилу, для возбуждения уголовного дела не имеет значение, известно ли лицо, совершившее преступление, либо нет, поскольку установление или неустановленные к моменту возбуждения уголовного дела лица, совершившего преступление, основанием для возбуждения уголовного дела не является. Исключением могут быть только ситуации, когда преступление имеет специальный субъект, тогда основанием для возбуждения по нему уголовного дела будет являться факт совершения его специальным субъектом.

Необходимым же, во всех случаях, основанием возбуждения уголовного дела, является наличие данных, свидетельствующих о наличии самого события преступления. Таковыми могут являться следы взлома на косяке входной двери в квартиру, свидетельствующие о проникновении в квартиру и совершении из нее кражи, следы насильственной смерти на трупе, свидетельствующие об убийстве, умышленном причинении телесных повреждений или причинении смерти по неосторожности.

Какое конкретно совершено преступление, выясняется путем сбора всей необходимой информации, однако для возбуждения уголовного дела достаточно достоверных сведений о совершении любого преступления, поскольку постановление о возбуждении уголовного дела не является окончательной квалификацией расследуемого преступного деяния, при получении более подробной информации о содеянном возможна перекалфикация на иной состав уголовно-наказуемого деяния. Таким образом, основаниями возбуждения уголовного дела являются фактические данные, относящиеся к объекту и объективной стороне преступления.

Вопрос о достаточности данных, указывающих на признаки преступления, являющихся в соответствии с ч. 2 ст. 140 УПК РФ, основанием для возбуждения уголовного дела, в практической деятельности представляет определенную сложность, что нередко приводит к принятию незаконного решения о возбуждении уголовного дела. Фактически, достаточность является признаком, субъективно оцениваемым лицом, принимающим решение о возбуждении уголовного дела. Очевидно, что все обстоятельства совершенного преступления к моменту принятия решения о возбуждении уголовного дела установлены быть не могут, соответственно, необходимо обладать минимумом о знании тех достаточных данных, на основе которых может быть возбуждено уголовное дело, однако и такой минимум тоже является оценочной категорией. [4, с.253]

В юридической литературе существует мнение о том, что если имеются хотя бы минимальные данные о том, что преступление имело место, должно быть принято решение о возбуждении уголовного дела, поскольку необоснованное расширение пределов проверки сообщения о преступлении затягивает решение вопроса о возбуждении уголовного дела, создавая таким образом условия для уничтожения следов преступления. [3, с.207]

Так, минимальными достаточными данными, свидетельствующими о наличии признаков преступления, может являться сообщение потерпевшего о хищении у него из квартиры имущества и установленные в ходе осмотра места происшествия данные о проникновении в квартиру, при этом для принятия решения о возбуждении уголовного дела нет необходимости устанавливать точную сумму причиненного имущественного ущерба, точный перечень похищенного, данные о количестве лиц, совершивших данное преступление, данные о личности преступника.

Из сказанного следует, что достаточность данных, указывающих на признаки преступления, означает такую совокупность и качество этих данных, которые позволяют сделать обоснованное предположение о совершении или подготовке к совершению преступления.

Таким образом, основанием для возбуждения уголовного дела следует считать такие фактические данные, которые достаточны для предположения о совершении деяния, подпадающего под признаки того или иного преступления. Основания для возбуждения уголовного дела неразделимы между собой и представляют единый процесс мыслительной и предметной деятельности.

Следователь (дознатель) в порядке ст. 144 УПК РФ обязан принять и проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах своей компетенции принять по нему решение.

Для производства проверки по сообщению о преступлении УПК РФ предоставляет следователю ряд полномочий по производству следственных и иных процессуальных действий, осуществление которых возможно до возбуждения уголовного дела. [2, с.7]

Решение по сообщению должно быть принято в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения. Данный срок при необходимости может быть продлен до 10 или 30 суток руководителем следственного органа по ходатайству следователя. В то же время, законодателем не принят во внимание тот факт, что документальные проверки, ревизии, судебные экспертизы, различного рода исследования могут потребовать срок, превышающий 30 суток. В практической деятельности, в силу отсутствия законодательной регламентации подобных ситуаций, у сотрудников правоохранительных органов в таком случае имеется лишь два варианта принятия решения по сообщению, срок проверки которых составил 30 суток. Это либо принятие решения о возбуждении уголовного дела либо вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. В случае неполноты проведенной проверки данные решения являются незаконными и подлежат отмене. Таким образом, отсутствие законодательных норм, которые могли бы урегулировать данную ситуацию, приводит к заведомому нарушению уголовно-процессуальных норм сотрудниками правоохранительных органов.

В качестве примера такого безвыходного нарушения действующего законодательства можно привести материал проверки по сообщению о преступлении по факту

дорожно-транспортного происшествия с участием М., повлекшего смерть двух лиц. Проверка по сообщению о преступлении осуществлялась более пяти месяцев в связи с необходимостью производства большого количества медицинских и автотехнических экспертиз. Поскольку до получения заключений эксперта не представлялось возможным определить виновника данного преступления, решить вопрос о возбуждении уголовного дела было невозможно, так как если был установлен факт вины водителя А., погибшего в результате данного ДТП, то по материалу должно было приниматься решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Следовательно был вынужден 6 раз принимать решение об отказе в возбуждении уголовного дела, которое руководителем следственного органа отменялось. В результате всех проведенных процессуальных действий по материалу проверки

была установлена вина М., в отношении него возбуждено уголовное дело, которое впоследствии направлено в суд. [5]

Выходом из данной ситуации видится внесение изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, согласно которым в исключительных случаях в целях производства длительных экспертиз, документальных проверок, исследований и ревизий срок проверки сообщения о преступлении может быть продлен прокурором по ходатайству руководителя органа предварительного следствия или руководителя органа дознания до 180 суток. Наделение таким полномочиями исключительно указанных лиц будет являться гарантией тщательного изучения собранного проверочного материала и принятия решения о продлении материала лишь в случае наличия исключительных обстоятельств.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 29.07.2017 г.) // СПС «Консультант-Плюс»
2. Андреева О. И. О необходимости стадии возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 356. С. 7.
3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В. В. Мозякова. — М. 2014. С. 207.
4. Кузьмин А. С., Мухатсипова Т. Н. Виды поводов для возбуждения уголовного дела // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2014. № 3. С. 249.
5. Дело № 2–13 /2015 // Архив Кузьминского районного суда г. Москвы за 2015 год.

Вопросы отграничения террористического акта от иных схожих преступлений

Осадчий Игорь Александрович, студент

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Воронеж)

Статья посвящена изучению статьи 205 УК РФ «террористический акт», а также отграничению данного преступления от иных схожих преступлений.

Ключевые слова: террористический акт

Законодатель дает понятие террористического акта в ч. 1 ст. 205 УК РФ. Под террористическим актом понимается совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов государственной власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях [1].

В комментариях к Уголовному кодексу РФ под редакцией председателя Верховного суда Российской Федерации В. М. Лебедева, объектом данного преступления названа общественная безопасность. Дополнительным объектом данного преступления выступают жизнь,

здоровье, отношения собственности, нормальное функционирование органов власти государственных, общественных учреждений, иных социальных учреждений. Объективная сторона преступления состоит в виде деяния, которое выражается в совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, а также в угрозе совершения указанных действий [2].

Субъективная сторона террористического акта характеризуется умышленной виной в виде прямого умысла. Лицо осознает, что совершает взрыв, поджог или иные действия, устрашающие население и создающие опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, либо создает

угрозу совершения указанных действий, и желает так действовать. Субъект преступления — вменяемое физическое лицо, достигшее 14 лет.

В июле 2016 г., в Уголовный кодекс РФ, была включена новая статья, которая получила название: акт международного терроризма (ст. 361). Данная статья схожа с таким преступлением, как террористический акт. В данном случае, отграничение данных преступлений будет проходить по объекту преступления. Объектом преступления — акта международного терроризма — выступает безопасность человечества, мирное сосуществование государств, и он обладает большей ценностью, чем объект террористического акта.

Кроме того, согласно диспозиции ст. 361 УК РФ, совершение террористического акта предусмотрено вне пределов территории Российской Федерации, относясь тем самым к преступлениям международного характера. Это предполагает, согласно принципу экстерриториальности (ч. 3 ст. 12 УК РФ), уголовную ответственность за данное деяние любого лица по УК РФ, вне зависимости от его гражданства и независимо от того, на территории какого государства было совершено преступление. Также данные преступления отличаются и по цели: в ст. 361 УК РФ целью террористического акта является нарушение (или угроза нарушения) мирного сосуществования государств и народов.

Часть 2 ст. 167 УК РФ по своим признакам также напоминает террористический акт: в ней предусматривается ответственность за умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом, либо повлекшие по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия.

В данном случае отграничить его от ст. 205 УК РФ можно по следующим критериям:

- по объекту посягательства: в ст. 167 УК РФ основным объектом является право собственности — а в ст. 205 УК РФ это является дополнительным объектом;
- по объективной стороне преступления: в ст. 167 УК РФ это умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, которые могут быть совершены не только путем поджога или взрыва, но и каким — либо иным способом;
- по субъективной стороне преступления: в ст. 167 УК РФ целью является повреждение или уничтожения чужого имущества, а в ст. 205 УК РФ — это может быть лишь второстепенная цель, которую даже не стремились достигнуть виновные;
- по субъекту: в ст. 167 УК РФ возраст уголовной ответственности предусмотрен с 16 лет (по ч. 2 — с 14 лет); в ст. 205 УК РФ — с 14 лет [6].

По ряду признаков террористический акт обнаруживает много сходства и с диверсией. Согласно ст. 281 УК РФ, диверсией признается совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, путем и средств сообщения,

средств связи, объектов жизнеобеспечения населения в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации [3]. Отграничение террористического акта от диверсии заключается в следующем:

- диверсия выражается в таких действиях, как совершение взрыва, поджога и иных общественных опасных действий, а террористический акт выражается не только в виде перечисленных выше действиях, но также включает в себя иные насильственные действия или угрозы их совершения;
- действия лиц, которые совершают диверсию, направлены на причинение вреда или ущерба (разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов жизнеобеспечения населения, массовые отравления и т. д.), а террористический акт направлен на устрашение населения или его части, создание и поддержание обстановки страха, или связан с воздействием на органы власти или международные организации;
- цель диверсионных актов — ослабление государства, подрыв его экономической безопасности и обороноспособности, дестабилизация деятельности государственных органов или общественно-политической обстановки; цель терроризма — оказании воздействия на принятие какого-либо решения органами власти или международными организациями;
- диверсанты действуют, как правило, тайно, без каких-либо требований или огласке о себе, а террористы действуют открыто, демонстративно, с предъявлением конкретных требований и не скрывают своих амбиций;
- отличается и возраст уголовной ответственности за данные преступления, предусмотренный ст. 20 УК РФ.

Следует также отличать бандитизм от террористического акта. Согласно ст. 209 УК РФ, бандитизм — это создание устойчивой вооруженной группы (банды) в целях нападения на граждан или организации, а равно руководство такой группой (банды) [1].

Отграничение данных преступлений заключается в следующем:

- цель бандитских нападений — различные корыстные интересы, связанные с нападением на граждан или организации (иногда — завладение имуществом, оружием), а цель террористического акта — устрашение населения и оказание воздействия на органы власти и управления, или международные организации;
- обязательным признаком бандитизма является вооруженность, а при террористическом акте оружие может и не применяться;
- обязательный признак объективной стороны бандитизма — создание организованной устойчивой вооруженной группы из двух и более лиц, заранее объединившихся для нападения на граждан

или организации (банды). При террористическом акте создание террористической группировки — это может быть преступление, предусмотренное ст. 205.4 УК РФ — «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации» [4];

— отличие и в возрасте уголовной ответственности за данные деяния.

В.Л. Кудрявцев выделяет и иные, схожие преступления с террористическим актом: организация незаконного вооруженного формирования или участия в нем — ст. 208 УК РФ; организации преступного сообщества или участия в нем — ст. 210 УК РФ; угон судна воздушного или водного транспорта, либо железнодорожного подвижного состава — ст. 211 УК РФ; посягательство на жизнь государственного

или общественного деятеля — ст. 277 УК РФ; насильственный захват власти или насильственное удержание власти — ст. 278 УК РФ; вооруженный мятеж — ст. 279 УК РФ; посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование — ст. 295 УК РФ; посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа — ст. 317 УК РФ; нападение на лиц или учреждений, которые пользуются международной защитой — ст. 360 УК РФ [5].

Как правило, отграничение данных преступлений от террористического акта можно провести, как и в ранее указанных случаях, по таким элементам состава преступления, как: объект преступного посягательства; характер и цель совершаемых действий; предусмотренный законом возраст уголовной ответственности.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 29.07.2017) // СЗ РФ. — 1996. — № 25.
2. Комментарии к УК РФ / Под ред. В. М. Лебедева [Электронный ресурс] // URL: <http://www.studfiles.ru/prereview/2042372/page:57.html> (дата обращения: 28.10.2017).
3. Асильдаров А. Ч. Правовое государство: проблемы противодействия терроризму [Электронный ресурс] // URL: <http://www.centerbereg.ru/m2569.html> (дата обращения: 28.10.2017).
4. Понятие, признаки и значение множественности преступлений. Под множественностью преступлений [Электронный ресурс] // URL: <http://mir.zavantag.com/pravo/563349/index.html?page=9.html> (дата обращения 28.10.2017).
5. Кудрявцев В.Л. Отграничение террористического акта от иных смежных составов преступлений: теоретический анализ // Вестник Южно-Уральского профессионального института. 2013. № 1 (10). С. 45–55.
6. Семернева Н.К. Квалификация преступления (части Общая и Особенная): научно-практическое пособие. — М.: Проспект; Екатеринбург, Уральская государственная академия, 2010. — С.142–143.

Объективная сторона незаконного производства лекарственных средств и медицинских изделий

Остапенко Ольга Игоревна, аспирант

Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

В статье анализируются признаки объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 235.1 УК РФ.

Ключевые слова: незаконное производство, лекарственные средства, медицинские изделия.

Объективная сторона преступления представляет собой один из четырех элементов состава преступления, объединяющий признаки, которые характеризуют преступление с его внешней стороны.

В теории уголовного права принято выделять обязательное содержание объективной стороны преступления, к которому относится деяние (действие и бездействие) и факультативное содержание, включающее общественно опасные последствия, причинную связь между деянием и наступившими последствиями, время, место, способ, обстановку, орудия и средства, совершения преступления и др. [1]. Последние имеют значение для квалификации в тех

случаях, когда предусмотрены в уголовном законе в качестве признаков преступления.

Рассмотрим подробнее по порядку признаки объективной стороны состава преступления, предусмотренного частью 1 статьи 235.1 УК РФ.

Объективная сторона указанного состава представлена деянием, которое может выражаться лишь в активной форме поведения лица (действию) и состоит в незаконном производстве лекарственных средств и медицинских изделий.

При этом, обращает на себя внимание тот факт, что смысловое содержание названия статьи — «Незаконное

производство лекарственных средств и медицинских изделий» — шире такового в диспозиции части 1: «Производство лекарственных средств или медицинских изделий без специального разрешения (лицензии), если такое разрешение (такая лицензия) обязательно (обязательна)». Буквальное толкование данной нормы приводит нас к выводу о том, что под незаконным производством лекарственных средств и медицинских изделий законодатель понимает осуществление соответствующей деятельности исключительно без необходимой лицензии.

Мы понимаем, что такой вид рассматриваемая норма «унаследовала» от общих статей УК РФ — 235 «Незаконное осуществление медицинской деятельности или фармацевтической деятельности» и 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство», но полагаем, что подобные расхождения в смысловом наполнении формулировок неудачны с точки зрения юридической техники и нуждаются в корректировке, поскольку незаконный характер процесса производства, собственно, не ограничивается отсутствием разрешительного документа на его осуществление, а, например, может также включать любые действия, в результате которых вне установленного порядка, либо с нарушением установленного порядка, изготовлены и получены товары или продукция, являющиеся предметом преступления.

В пункте 31 ст. 4 Федерального закона от 12.04.2010 N 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» производство лекарственных средств определяется как «деятельность по производству лекарственных средств организациями — производителями лекарственных средств на одной стадии, нескольких или всех стадиях технологического процесса, а также по хранению и реализации произведенных лекарственных средств» [2].

Положение о лицензировании производства лекарственных средств, утвержденное Постановлением Правительства РФ от 06.07.2012 N 686, в понятие деятельности по производству лекарственных средств включает целый спектр работ, предусмотренный соответствующим перечнем, который в качестве приложения входит в указанное Положение [3].

При формулировании указанных дефиниций допущена грубая логическая ошибка — определение понятия посредством самого себя — «idem per idem» («то же через то же») [4]. Кроме того, приведенные определения включают в понятие деятельности по производству лекарственных средств такие виды работ, которые, собственно, производством не являются (хранение, реализация и т. п.).

Несмотря на то, что действующее российское законодательство не содержит дефиниции понятия «производство медицинских изделий», Положение о лицензировании деятельности по производству и техническому обслуживанию (за исключением случая, если техническое обслуживание осуществляется для обеспечения собственных нужд юридического лица или индивидуального предпринимателя) медицинской техники, утвержденное Постановлением Правительства РФ от 03.06.2013 N 469

определяет медицинскую технику, как медицинские изделия, представляющие собой инструменты, аппараты, приборы, оборудование, применяемые в медицинских целях отдельно или в сочетании, а также вместе с другими принадлежностями, необходимыми для применения указанных изделий по назначению, включая специальное программное обеспечение, и предназначенные производителем для профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации заболеваний, мониторинга состояния организма человека, проведения медицинских исследований, восстановления, замещения, изменения анатомической структуры или физиологических функций организма, предотвращения или прерывания беременности, функциональное назначение которых не реализуется путем фармакологического, иммунологического, генетического или метаболического воздействия на организм человека.

Таким образом, согласно действующему законодательству, медицинская техника является разновидностью медицинских изделий и составляет их значительную часть.

В состав деятельности в части производства медицинской техники входят:

- а) производство медицинской техники;
- б) изготовление по индивидуальным заказам пациентов медицинской техники, к которой предъявляются специальные требования по назначению медицинских работников и которая предназначена исключительно для личного использования конкретным пациентом [5].

Как видим, данное определение также не лишено выявленных выше недостатков.

В уголовно-правовой доктрине основные подходы к определению понятия «производство» тоже не отличаются единообразием.

Так, часть исследователей определяют производство как «выполнение различных работ или производство разнообразных товаров и продукции, которые осуществляются различными предприятиями» [6]. Другие — предлагают понимать под производством «деятельность по изготовлению (созданию) товаров и иной продукции...» [7], а третьи ученые — определяют рассматриваемое понятие как изготовление товаров, их создание, сборку, выпуск и т. п. операции. Некоторые другие авторы видят производство товара как «его изготовление и подготовку к реализации потребителю» [8].

Помимо обозначенных ранее недостатков, приведенные дефиниции не раскрывают разницу между изготовлением и производством, которая заключается в том, что производство направлено на серийное получение готового продукта.

Перечисленные недостатки формальных и доктринальных дефиниций понятия производства лекарственных средств не способствуют единообразному пониманию терминов уголовного законодательства и нуждаются в корректировке.

С учетом вышеизложенных замечаний мы предлагаем понимать под производством лекарственных средств

деятельность, направленную на серийное получение готового к применению по назначению соответствующего продукта — лекарственных средств.

Соответственно, под производством медицинских изделий предлагается понимать деятельность, направленную на серийное получение готовых к применению по назначению медицинских изделий.

Предлагаемое определение, на наш взгляд, целесообразно закрепить в новом Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, посвященного проблемам квалификации преступлений в сфере незаконного оборота лекарственных средств и медицинских изделий.

Другими обязательными признаками объективной стороны рассматриваемого состава преступления выступают способ (без специального разрешения (лицензии)) совершения преступного деяния и обстановка (если такое разрешение (такая лицензия) обязательно (обязательна)), в которой оно должно быть совершено.

Следует отметить, что в научной литературе соотношение указанных признаков рассматриваемого состава не обоснованно игнорируется. Между тем, детальное определение каждого из них выступает залогом правильной квалификации.

Согласно п.16 ст. 12 Федерального закона от 04.05.2011 N 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности», производство лекарственных средств входит

в перечень видов деятельности, на которые требуются лицензии.

Порядок лицензирования деятельности по производству лекарственных средств, осуществляемой юридическими лицами в соответствии с Федеральным законом «Об обращении лекарственных средств» устанавливает Положение о лицензировании производства лекарственных средств, утвержденное Постановлением Правительства РФ от 06.07.2012 N 686 [3].

Согласно п.17 ст. 12 Федерального закона от 04.05.2011 N 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности», производство медицинской техники также входит в перечень видов деятельности, на которые требуются лицензии. Однако, в силу п.5 ст. 22 этого же документа лицензирование указанного вида деятельности должно прекратиться со дня вступления в силу нормативного правового акта, устанавливающего обязательные требования к медицинской технике и процессам ее производства, монтажа, технического обслуживания. Пока же порядок лицензирования деятельности по производству и техническому обслуживанию (за исключением случая, если техническое обслуживание осуществляется для обеспечения собственных нужд юридического лица или индивидуального предпринимателя) медицинской техники определяется соответствующим Положением, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 03.06.2013 N 469 [5].

Литература:

1. Уголовное право Российской Федерации: (Общая часть): Учебник / Под ред. А. И. Марцева. — Омск, 2006. С. 101–102.
2. Пункт 31 статьи 4 Федерального закона «Об обращении лекарственных средств» от 12.04.2010 N 61-ФЗ (в ред. Федерального закона от 03.07.2016 N 350-ФЗ)
3. Положение о лицензировании производства лекарственных средств, утвержденное Постановлением Правительства РФ от 06.07.2012 N 686.
4. Иванов Е. А. Логика: Учебник. — 2-е издание, переработанное и дополненное. М.: Издательство БЕК, 2002. URL: <http://avkrasn.ru/article-1113.html> (дата обращения: 18.07.2017).
5. Положение о лицензировании деятельности по производству и техническому обслуживанию (за исключением случая, если техническое обслуживание осуществляется для обеспечения собственных нужд юридического лица или индивидуального предпринимателя) медицинской техники, утвержденное Постановлением Правительства РФ от 03.06.2013 N 469.
6. Агафонов, А. В. Уголовная ответственность за производство, хранение, перевозку либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности: дис... канд. юрид. наук. Красноярск, 2001. С. 18.
7. Гусева Т. А., Васинев С. А. Товары и продукция без маркировки: Административная и уголовная ответственность // Право и экономика, 2003. № 5. С. 60–65.
8. Современный экономический словарь. Производство. URL: <http://www.economic-enc.net/> (дата обращения: 18.07.2017).

КРИМИНОЛОГИЯ И КРИМИНАЛИСТИКА

Проблемные вопросы расследования заказных преступлений

Осадчий Игорь Александрович, студент

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Воронеж)

Статья посвящена анализу проблем, которые возникают при расследовании заказных убийств.

Ключевые слова: заказное убийство; убийство по найму

Первым заказным убийством в постсоветском периоде Российской Федерации, считается убийство журналиста Дмитрия Холодова, который погиб в результате взрыва мины-ловушки. После этого события началась череда заказных убийств. Согласно, статистическим данным, в 1994 году, было совершено 562 преступления по данной категории. Хмелева А. И., обобщая судебную практику, пришла к выводу, что количество преступлений по данной категории дел, уменьшились. Так в 1999, было совершено 153 заказных убийств, в 2012—107, а в 2013—112. Однако, начальник пресс-службы департамента Любовь Бахур считает обратное. В 2008 году в России было совершено 48 заказных убийств, а за первую половину 2009 года — 26. Это говорит, о том, что механизм расследования заказных убийств несовершенен и обладает рядом проблем.

По мнению Яшина А. А., основной проблемой раскрытия заказных убийств заключается в том, что преступления по данной категории либо вообще не раскрываются в силу своей неопределенности и недостаточности информации, либо следствие находя исполнителя заказного убийства, заходит в тупик и прекращается. В итоге организатор преступления остается безнаказанным [4].

Яшин А. А., выделяя выше указанную проблему, говорит о том, что она возникла в результате следующих недостатков расследования преступлений по данной категории дел:

- 1) Расследование уголовных дел планируется неудовлетворительно.
- 2) Недостаточно тщательно проводится осмотр места происшествия.
- 3) Следователи используют неоправданно ограниченный набор экспертных исследований.
- 4) Неполно исследуется личность потерпевшего.
- 5) Имеющаяся у следователей и дознавателей криминалистическая и специальная техника, средства связи и транспорт по количественным и качественным параметрам зачастую уступает арсеналу преступников, то есть для исследования требуется новейшие устройства, которые стоят достаточно дорого и не в каждом следственном отделе они имеются.
- 6) Не предоставляется защита участникам уголовного процесса от угроз, преследования и расправ со стороны

преступников, понуждающих потерпевших и свидетелей к даче заведомо ложных показаний и отказу от дачи показаний.

7) Отсутствуют очевидцы [4].

Выше указанные недостатки расследования заказных убийств, свидетельствуют о несовершенстве методике расследования заказных убийств. Поэтому необходимо разработать новую методику расследования преступлений по данной категории дел, в которой будут прописаны основы, а также данная методика должна быть зафиксирована в определенном нормативно-правовом акте.

Помимо выше указанной проблемы, в научной литературе говорят о том, что предупредить такое преступление, как «заказное убийство», затруднительно. Согласно статистическим данным по опросу 200 сотрудников правоохранительных органов выяснилось, что 86,5% опрошенных считают, что успешно предупреждать такое убийство невозможно. Эти данные позволяют сделать вывод о том, что на стадии приготовления преступления практически невозможно изловить преступника.

Все выше изложенное позволяет нам, сделать следующий вывод: в настоящее время при расследовании заказных убийств следствие заходит в тупик. Это обусловлено тем, что методика расследования преступлений по данной категории не совершенна, поскольку наемные убийцы приспособились к современным техническим средствам — мобильным телефонам, рациям, включая те, на использование которых требуется специальное разрешение. Поэтому мы предлагаем проект нормативно-правового акта, в котором будут прописаны основы расследования заказных убийств, который будет именоваться как «Инструкция о порядке расследования заказных убийств».

Структура данной Инструкции следующая:

I. Понятие и признаки заказных убийств.

1. Понятие заказных убийств.

2. Признаки заказных убийств.

II. Криминалистическая характеристика заказных убийств.

1. Мотив совершения заказных убийств.

2. Субъекты заказных убийств:

- Организатор;
Посредник;
Исполнитель;
Укрыватель;
3. Этапы совершения заказных убийств:
Подготовительный этап;
Этап сокрытия;
III. Порядок расследования заказных убийств.
1. Осмотр места происшествия.
2. Изучение личности потерпевшего.
3. Поиск свидетелей.

Стоит обратить внимание на третий пункт в предлагаемой нами Инструкции. В нем мы говорим о порядке расследования заказных убийств и поэтому, необходимо

раскрыть два подпункта таких как: «осмотр места происшествия» и «изучение личности потерпевшего».

Осмотр места происшествия: необходимо более детально осматривать место происшествия. Это позволит обнаружить значительно больше следов, которые мог оставить преступник. На месте происшествия необходимо проводить не менее 6 часов и выявлять не менее 10 следов, это позволит ускорить расследование преступления по данной категории.

Изучение личности потерпевшего включает в себя более детальный анализ сведений о личности потерпевшего, проверку круга его родных и близких, установление лиц, которым выгодно было убийство потерпевшего и в дальнейшем работу с этими личностями.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 N 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)».
2. Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика: учебник / под ред. Е. П. Ищенко. — М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2007. — 748 с.
3. Хмелева А. В. Убийство по найму: результаты обобщения следственной практики / А. В. Хмелева. // Российский следователь. — 2015. — № 18. — С. 11–14.
4. Яшин А. А., Кузьмин Р. П., Бебех А. Е. Проблема расследования заказных убийств (убийств по найму) [Текст] // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). — Казань: Бук, 2016. — С. 281–284.
5. 45 % умышленных убийств в России — заказные убийства предпринимателей [Электронный ресурс] // URL: <http://delogu.ru/article/6652/> (дата обращения: 25.10.2017).
6. МВД предсказало рост числа заказных убийств [Электронный ресурс] // URL: <https://lenta.ru/news/2009/07/29/contracts/> (дата обращения: 25.10.2017).

Понятие и сущность бытового убийства

Степанов Дмитрий Олегович, магистрант
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В данной статье рассматривается генезис термина бытовое убийство и его современная трактовка с учетом имеющийся на сегодняшний день научной литературы и нормативно-правовой базы.

Ключевые слова: бытовое убийство, толкование права, криминология, бытовые конфликты, статистика преступности

В УК РФ нет отдельных составов бытовых преступлений, отсутствует даже такое понятие. В силу отсутствия официальных интерпретаций, бытовых преступлений, применим доктринальное толкование. Для определения бытового убийства, имеется необходимость разъяснения дефиниции «быт». Слово быт по своему происхождению восходит к древнеславянским словам — «бытность/бытие». Продемонстрировать изменение смыслового значения «быта» во времени, можно следующим примером: — первоначально в древнерусском языке, «быт» представлял собой существительное означающее «имущество», соответственно в древних текстах встречались такие образцы

применения слова «быт», как: «Изборяне грабиша быто Московское и Псковское» [3]. Преступность, как явление социальное, издревле сопровождает любое человеческое общество, ведь даже в вышеприведенном примере старинного текста, можно заметить признаки преступления. Меняя со временем свое лексическое значение «быт», примерно ко второй половине XIX века, стал принимать свои современные значения — «повседневная жизнь человека в ее привычных проявлениях; установившийся порядок жизни [7].

Для выявления и определения бытового убийства, воспользуемся одной из правовых наук — криминоло-

гией — как наукой, изучающей сущность преступности и причины ее возникновения. Учеными криминологами, выдвинуты множество классификаций преступности по различным основаниям, одно из них и станет базисом для данной статьи — это бытовая природа преступлений.

В отечественной науке к сегодняшнему дню сложилось несколько различных точек зрения на то, что следует понимать под «бытовым преступлением». Мустафаев М. М., не ограничиваясь просто бытовым преступлением, дифференцирует его на подгруппы: — «досугово-бытовые», «сугубо-семейные», «сугубо-досуговые», «сугубо-бытовые», «сугубо-семейные» [12]. В свою очередь Ким Е. П. разделяет бытовые преступления на следующие категории: — «семейно-бытовые», «коммунально-бытовые», «досугово-бытовые», «производственно-бытовые» [5]. Расстегаев А. А. выделяет «быт», «досуг» и «труд» [9] как отдельные группы отношений, порождающие бытовые преступления.

Кроме вышеприведенных точек зрения, существуют и иные, предполагающие отдельное рассмотрение «досуга» и «быта». Все они не лишены одного существенного недостатка, а именно — употребления слова «быт» в очень узком смысле. Так исключая из «быта» в отдельную категорию «досуг» (в понимание свободного времени), предполагается указание на место и время (вне рабочее) [10] преступления, при совершении которого, лицо пребывает в свободное времяпрепровождении — дома, в гостях и т. п. В тоже время понятия «быт», «досуг», «семья», чрезвычайно сложно отделимы друг от друга, по причине своей тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Учитывая указанное, предлагается в дальнейшем рассматривать единый комплекс бытовых отношений, под одним, наиболее общим термином — «быт», в своем широком толковании, включающим в себя смежные понятия.

Определившись с базовой составляющей бытовых преступлений, сформулируем понятие бытового убийства и раскроем его сущность. В силу ч. 1. ст. 105 УК РФ, под убийством понимается умышленное причинение смерти другому человеку [11]. Проводя сравнение данного деяния с вышеприведенным понятием «быт», можно сформулировать следующее определение: бытовое убийство — это умышленное причинение смерти другому человеку, совершенное в сфере бытовых отношений, сложившихся между преступником и потерпевшим.

Бытовое убийство, обычно представляет собой кульминацию бытового конфликта. Как основной мотив совершения бытового убийства, обычно выступает ревность, зависть, месть и другие проявления личностной неприязни. Типичным поводом к совершению бытового убийства служат скандалы, ссоры, внезапно возникшие неприязненные отношения.

Проводя анализ данных статистики, собранной в процессе судебно-следственной практики, можно обозначить два первичных повода к совершению бытового убийства:

1) кульминация бытового конфликта;

2) внезапно возникшие лично-неприязненные отношения.

Пожалуй, одним из первых советских ученых, начал собирать и анализировать статистику по бытовым убийствам среди членов семей, Мошак Г. Г. По приведенным им данным, большей части случаев совершения бытового убийства (29%), предшествовал 4–6 летний период неприязненных отношений; в 14% случаев таковой период составлял от 7 до 10 лет, и свыше 10 лет в 21% случаев. И лишь оставшиеся 36% приходятся на более краткий период (менее 4-х лет) [8].

Данная статистика непременно должна учитываться работниками следственных органов, при проверке лиц, подозреваемых в совершении бытового убийства.

При этом нельзя отметить и возможность совершения бытового убийства при внезапно возникшем конфликте. Если проверка, проведенная в первую очередь, не выявила достаточных оснований, для предположения о длительности конфликтной ситуации, предшествующей совершению убийства, можно допустить версию о внезапности конфликта. Если исходить из того, что бытовое убийство совершено в исходе длительного конфликта, логично было бы предположить виновным лицом члена семьи убитого, либо того, с кем убитый состоял в близких отношениях, то есть проверке подлежат возможные случайные знакомства и встречи потерпевшего.

Нельзя не упомянуть и такую характеристику бытового убийства, как частое нахождение виновного лица, в состоянии алкогольного либо наркотического опьянения. Влияние, оказываемое факторами алкоголизма и наркомании достаточно подробно освещено в научной литературе. Так совершение убийства в состоянии алкогольного/наркотического опьянения, может указывать на антисоциальность лица его совершившего, а также зачастую на конфликтные черты характера, пренебрежение чужими интересами и склонность к реализации своих личных потребностей за чужой счет. Преобладающая в таких случаях линия поведения включает в себя демонстрацию агрессии насильственные средства решения личных проблем. Указанный портрет свойственен большинству лиц, совершивших бытовые убийства, находясь при этом в состоянии наркотического, алкогольного или психотропного опьянения. Зачастую в вышеописанной ситуации потерпевший и преступник относятся к одному и тому же социальному кругу. Вообще, для бытовых убийств характерна ситуативность, ярко проявляющаяся при нахождении виновного в совершение преступления лица в состоянии опьянения.

Дополним описание характеристики бытового убийства, субъективными личностными особенностями виновных лиц. По данным Мешковой А. В., Кириллова М. А., Панченко П. Н., полученным в ходе опроса осужденных лиц, основными мотивами совершения убийства являются: — ревность и супружеская неверность (15%), — корысть (27%), — месть (30%) [6]. Что характерно, приведенные процентные показатели, коррелируются с исследованием

Кима Е. П., согласно которому, в большинстве случаев, мотивом бытовых убийств является месть, ревность и зависть (59% описанных случаев) [5].

При определенном стечении обстоятельств, вероятно сочетание мотивов. Антонян Ю. М. приводит статистические данные о такого рода сочетаниях — в 28,3% совершенных бытовых убийств, присутствовала ревность, как сопутствующий мотив.

Для дальнейшего рассмотрения бытового убийства воспользуемся криминологией как наукой, предметно изучающей явление преступности. Зачастую учеными криминологами приводятся различные социальные стратификации, распределенные по многообразным основаниям. Так Долгова А. И. подразделяет преступления на следующие среды:

1. легалистская или официальная среда;
2. криминальная среда;
3. маргинальная среда.

Вряд ли можно подвергать сомнению тот факт, что бытовое убийство может быть совершено во всех вышеприведенных средах, но при этом нельзя не учитывать различную вероятность совершения убийства, представителями 1 и 2,3 сред. [4]. По криминологическим показателям, совершение бытового убийства представителем легалистской среды относится к категории случайности, в результате чего, виновное лицо вряд ли подготовится к его совершению

в должной мере или предпримет попытку сокрыть следы совершенного преступления. В тоже время существует и возможность совершения бытовых убийств представителями криминальной среды, но бесспорное лидерство в количественных показателях принадлежит маргинальной среде. Именно среди маргинальной прослойки населения, где преобладают асоциальный типаж личности, вкупе с характерным злоупотреблением алкогольными напитками/наркотическими средствами. Социальная незащищенность, недостаточный уровень образования, низкий уровень культуры в совокупности образуют портрет типичного выходца из маргинальной среды.

Подводя итог выше обозначенным обстоятельствам, кратко охарактеризуем бытовое убийство:

- 1) в большинстве случаев являются кульминацией затяжного бытового конфликта;
- 2) виновное лицо зачастую является членом семьи потерпевшего или состояло с ним в тесных отношениях;
- 3) высокая вероятность совершения лицом, находящимся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения;
- 4) мотив составляют — месть, ревность, корысть.

Не смотря на уникальность каждого конкретного случая совершения бытового убийства, приведенные в статье данные обобщают и типизируют данный вид преступлений, позволяя дать понятие и общую характеристику.

Литература:

1. Абельцев С. Н. Семейные конфликты и преступления // Российская юстиция. — 1999. — № 5. — 89 с.
2. Антонян Ю. М. Профилактика преступлений в сфере быта / Ю. М. Антонян, Г. А. Панфилов. — М., 1979. — 38 с.
3. Виноградов В. В. История слов. — М., 1999. — 1138 с.
4. Долгова А. И. Вступит. статья // Преступность и культура. — М., 1999. — 127 с.
5. Ким Е. П. Преступность в сфере бытовых отношений и ее предупреждение: проблемы теории и практики: дис. д-ра юрид. наук. — М., 2002. — 30 с.
6. Кириллов М. А., Мешкова А. В., Панченко П. Н. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых в состоянии наркотического
7. Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 2009. — 1245 с.
8. Мошак Г. Г. Криминологические проблемы изучения и предупреждения убийств, совершенных в сфере семейно-бытовых отношений М., 1986. — 24 с.
9. Расстегаев А. А. О методике изучения влияния социальных условий на преступность // Влияние социальных условий на преступность. — М., 1983.
10. Серебрякова В. А., Сыров А. П. // Вопросы борьбы с преступностью. — М., 1980. — 195 с.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ с изменениями и дополнениями от 26 августа 2017 г. [Электронный ресурс] — Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». — Режим доступа: локальный. — Дата обновления 28.10.2017.
12. Мустафаев М. М. Проблемы профилактики правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений. — М., 1982. — С. 15.

Научная методология расследования преступлений

Степанов Дмитрий Олегович, магистрант

Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В рамках данной статьи рассматривается система научных методов, объективно применяемая субъектом расследования при производстве по уголовным делам.

Ключевые слова: научные методы, криминалистика, расследование преступлений

В процессе развития научного познания появились и классификации научных методов по наиболее общим основаниям. Самой логически последовательной и непротиворечивой представляется классификация научных методов от наиболее всеобъемлющих — «философских» до методов отдельных наук. Указанная классификация очерчивает следующую последовательность: 1. всеобщие методы (диалектика и метафизика); 2. общенаучные методы (разработаны и используются всеми науками); 3. Частнонаучные методы (разработаны в рамках отдельных наук, но зачастую применяются и в других науках).

Особый интерес представляет собой всеобщий метод диалектики. Сама по себе диалектика имеет двойственную природу. В первую очередь она является непрерывно углубляющимся теоретическим знанием, проявляющимся в философских категориях. Кроме того, материалистическая диалектика берет на себя роль метода научного исследования. Специфика диалектического материализма заключена в неразрывной связи естественных наук и философии. Что особенно характерно, в диалектике данная связь представлена не в статично, а в динамике, описывая познание человеческого индивидуума в виде процесса. Нацеленность конкретной науки на диалектический метод, позволяет одновременно систематизировать и обобщать доступный теоретический и эмпирический материал и тем самым формировать новые теории.

Общенаучные методы являются особыми приемами, характерными только для научного познания. Среди таких методов обычно отмечают: анализ, синтез, дедукцию, индукцию, обобщение, абстрагирование и т. д. Ленин В. И. отмечал: «чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования» [2]. Исходя из данной цитаты, можно сформулировать мысль о том, что изучение какого-либо предмета непосредственно связано с процессом конкретизации представлений о нем.

Познание предмета представляет собой процесс постепенного выявления его существенных внутренних признаков, связей и взаимодействий его элементов. Для претворения указанного процесса познания в жизнь необходимо расчленив целостный предмет на отдельные составляющие, после чего изучать их по отдельности, отмечая связи и взаимоотношения. По завершении познавательного процесса, отдельные части можно вновь соединить в целый предмет, с составлением для себя общего представления, опирающегося на знания внутренней сущности

предмета. Описанные операции представляют собой такие общенаучные методы, как анализ и синтез. «Анализ — это расчленение целостного предмета на составляющие части (стороны, признаки, свойства или отношения) с целью их всестороннего изучения. Синтез — это соединение ранее выделенных частей (сторон, признаков, свойств или отношений) предмета в единое целое» [3, с. 55].

Сама структура материальных объектов, их способность к объединению и разделению, является объективной предпосылкой для этих операций. По своей сути анализ и синтез являются самыми простыми приемами познания и в тоже время они представляются наиболее универсальными его средствами. При производстве научного исследования они могут применяться, как на теоретическом уровне (при выяснении сути явлений), так и на практическом (изучение внешних свойств и признаков).

Анализ и синтез, как операции диалектически взаимосвязаны, что подразумевает их совместное использование для достижения полноты познания. Анализ и синтез иллюстрируют собой такой закон диалектики, как «отрицание отрицания», ведь сам по себе анализ не может осуществляться без предыдущего синтеза, а синтез в свою очередь вполне может рассматриваться в роли начала для последующего анализа.

При осуществлении исследования объекта или явления, зачастую приходится делать предположения о неизвестном, опираясь на уже доступные знания. При переходе от известного к неизвестному, можно воспользоваться познаниями об отдельных фактах, попытаться построить систему общих принципов, а можно наоборот, взять за отправную точку общие принципы, сделать заключение о частных фактах. Именно такими логическими операциями познания являются дедукция и индукция. «Индукцией называется такой метод исследования и способ рассуждения, в котором общий вывод строится на основе частных посылок.

Дедукция — это способ рассуждения, посредством которого из общих посылок с необходимостью следует заключение частного характера» [3, с. 63]. В основе индукции лежит знание, полученное опытным путем, а также наблюдение за проведенными экспериментами, при проведении которых были получены объективные факты. Изучая и анализируя этот фактический материал, исследователь выявляет общие и повторяющиеся закономерности в изучаемых явлениях.

На основе выявленных закономерностей исследователем может быть сделано индуктивное умозаключение,

в качестве предпосылки для которого выступит суждение о единичных объектах, с отметкой об их повторяющихся признаках и выводы о едином классе, в который входят данные объекты. Таким выводом будет суждение, о приписывании выявленного у единичного объекта свойства, всему классу объектов.

Значимость индуктивных выводов заключается в том, что с их помощью можно осуществить переход от частных фактов к общим положениям, обнаруживая взаимозависимость между явлениями.

Дедукция отличается от индукции прямо противоположным вектором движения рассуждений. Дедукция опирается на общее знание, исходя из которого, делается частный вывод. Главной предпосылкой дедукции обязательно представляется некое общее суждение, при этом, если оно было получено ранее из индуктивного рассуждения, то дедукция дополняет его, углубляя объем знаний.

Следующий метод научного познания — абстрагирование, представляет собой особого рода прием мышления, заключающийся в отвлечении от определенных свойств изучаемого объекта при одновременном акцентировании внимания исследователя только на интересующих его признаках. Результатом подобной деятельности является получение всевозможных абстракций. Характеризую прием абстрагирования, Ленин В. И. писал: «Мышление, — восходя от конкретного к абстрактному, не отходит если оно правильное..., — от истины, а подходит к ней. Абстракция материи, закона природы, абстракция стоимости и т. д., одним словом, все научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, полнее» [1].

Абстрагирование производится в непосредственной связи с другим приемом научного познания — обобщением. При осуществлении абстрагирования исследователь концентрируется на определенном свойстве объекта, при этом возникает основа для объединения данных свойств в новый единый класс. Таким образом, обобщение представляет собой такой прием мышления, при котором устанавливаются общие свойства объекта.

При изучении свойств окружающей действительности, в виду ее размеров и многообразия, познать и изучить все сразу не представляется возможным. Подобные ограничения преодолеваются за счет постепенного изучения цепочки объектов. При изучении новых объектов может обнаружиться, что таковые сходны с уже ранее изученными объектами. Устанавливая подобное сходство и определив достаточное количество совпадающих свойств объектов, появляется возможность сделать допущение о совпадении и других свойств рассматриваемых объектов. Рассуждения в таком роде лежат в основе метода — аналогии. «Аналогия — это такой прием познания, при котором на основе сходства объектов в одних признаках заключают об их сходстве и в других признаках» [3, с. 71].

Еще одним рассмотренным в рамках данной статьи методом научного познания является моделирование. «Моделирование — это изучение объекта (оригинала)

путем создания и исследования его копии (модели), замещающей оригинал с определенных сторон, интересующих познание» [3, с. 74]. Модель всегда должна соответствовать объекту-оригиналу, в тех своих свойствах, которые представляют особенный интерес для изучения. В научном познании моделирование используется при невозможности по какой-либо причине непосредственного изучения объекта-оригинала.

Частнонаучные методы, как правило, разрабатываются в рамках отдельно взятой, конкретной науки, но их применение ей не ограничивается. К примеру, в криминалистике помимо криминалистических методов, разрабатываемых и применяемых в рамках самой криминалистики, используются методы и других наук, таких как химия, физика, биология, лингвистика, медицина и т. д. В случае, когда в ходе расследования встает проблема, для разрешения которой требуются специальные познания, следствием привлекаются эксперты. Именно эксперты, владеющие частнонаучными методами в рамках своей специализации, определяют ход множества расследований по уголовным делам. Так методы медицины позволяют установить причину смерти потерпевшего, методы биологии определить принадлежность пятна вещества бурого цвета к человеческой крови, методы информатики и математики — установить местонахождение абонента сотовой связи на местности и т. д.

Возможность раскрытия, таких преступлений, которые традиционно в криминалистике называются неочевидными убийствами, и особенно их разновидности связанной с отсутствием тела потерпевшего, неразрывно связано с применением следствием системного подхода, выраженного в применении системы научных методов, посредством которой подлежат выявлению все обстоятельства совершения конкретного преступления.

Преступление, как и любое социальное явление или процесс, при внимательном изучении обнаруживает в себе диалектические признаки единства противоположностей. Одной стороной является целостность преступления, охваченного одним единым умыслом на его совершение, относительная самостоятельность самого преступного деяния, а с противоположной стороны, обнаруживается явно выраженная структурность, деление на отдельные составные элементы.

Системный подход, основанный на системе вышеприведенных научных методов, предлагаемый в качестве основного в расследовании преступлений, предполагает изучение отдельных элементов, их взаимосвязей и взаимозависимостей, а также отношение к другим системам, более высокого порядка по сравнению с рассматриваемым событием.

Иллюстрировать вышеприведенное положение, можно на примере расследования убийства: конкретное убийство, может быть раскрыто, будучи рассмотрено как целостная, взаимосвязанная система, даже в отсутствие трупа потерпевшего. Каждое конкретное обстоятельство, содеянное преступником, в ходе исполнения им своего преступного умысла, обладает взаимосвязанными

и взаимодействующими признаками образующими единую систему преступления. Пятна крови — остаются в щелях между половицами, а на ровных поверхностях, даже будучи заматыми, выявляются при помощи люминола. Даже подвергшись термической обработке в печах, растворенным в кислотах, будучи фактически уничтоженным, человеческое тело оставляет те или иные следы. Важно знать, что даже предпринимаемые преступником меры по сокрытию преступления, сами по себе оставляют следы в материальной действительности. Так несмотря ни на какие усилия преступника по сокрытию следов преступления, при должном уровне подготовке следователя и владения

им научными методами, такие следы без всякого сомнения будут найдены и изъяты.

Соотнося вышеприведенные положения с непосредственным процессом расследования преступления, можно сказать, что следователь, обладающий должным уровнем опыта и профессионализма, способен приметить и выделить в общей совокупности обстоятельств преступного деяния, такие, казалось бы, неочевидные детали, научное исследование которых в конечном счете, позволит выявить все системообразующие признаки преступления, и в конечном счете изобличить виновного и привлечь его к ответственности.

Литература:

1. Ленин В.И. Полн., собр, соч., т. 29, М.: Политиздат, 1973. — 783 с.
2. Ленин В.И. Полн., собр, соч., т. 42, М.: Политиздат, 1973. — 606 с.
3. Степин В.С., Елсуков А.Н. Методы научного познания. Минск, «Вышэйшая школа», 1974. — 152 с.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО, ПЕНИТЕНЦИАРИЯ

Недобровольное лечение и реабилитация зависимых от алкоголя и наркотиков в учреждениях исполнения наказания

Тихомиров Сергей Михайлович, психиатр-нарколог
Экспертно-правовой центр «Куаттро» (г. Санкт-Петербург)

Количество осужденных в исправительных учреждениях (ИУ), имеющих зависимость от алкоголя и наркотиков, заметно превышает возможности медицинской службы УФСИН. Правовые и нормативные документы требуют проведения им лечебных и реабилитационных мероприятий. Имеющиеся условия отбывания наказания не обеспечивают оказания наркологической помощи согласно медицинским стандартам. Предложены мероприятия по улучшению качества оказания наркологической помощи находящимся в ИУ.

Ключевые слова: алкоголь, наркотики, синдром зависимости, медико-социальная реабилитация, стандарты, законы, нормативные акты

Прекращение реализации в России федеральных целевых антинаркотических программ в 2009 году оказало существенное негативное влияние на наркологическую обстановку в стране. Возросла распространённость потребления наркотических средств, наиболее заметная среди молодёжи. Увеличилось количество преступлений в сфере незаконного оборота наркотических веществ, в 2015 г. каждый четвёртый, находившийся в ИУ, был осужден за преступление в сфере наркотизма [7]. Официальная статистика наркопреступности предоставляет лишь относительную возможность наблюдения динамики этого вида преступности, вследствие высокой степени латентности этих преступлений. Преступления, совершаемые потребителями алкоголя, наркотиков можно по своей структуре и характеру, классифицировать следующим образом:

- преступления корыстного характера, совершаемые с целью завладения наркотиками или добычи денег для их приобретения;
- насильственные преступления против личности, совершаемые больными алкогольной и наркотической зависимостью, нередко под воздействием этих психоактивных веществ (ПАВ);
- преступления против здоровья населения и общественной нравственности, связанные с незаконным оборотом наркотиков и алкоголя;
- преступления в сфере незаконного оборота алкоголя и наркотических средств, их прекурсоров, входящие в состав «теневого экономики» (хрематистики) [8].

Число больных ВИЧ-инфекцией в исправительных учреждениях (ИУ) за период 2000–2012 гг. увеличилось в 3,7 раза. Ежегодно в следственные изоляторы

поступает порядка 8000 ВИЧ-инфицированных, 90% которых являются потребителями инъекционных наркотиков. В 2012 году в ИУ находились свыше 5000 осужденных с сочетанной патологией в виде туберкулёза легких и ВИЧ-инфекции [7].

Попытка изменения ситуации законодательным путём — введением лечения, альтернативного уголовному наказанию с 2013 года, до настоящего времени не дала должного эффекта. Из всех психических расстройств, выявленных у осужденных в 2013 г., 56,4% составляют психические расстройства и расстройства поведения, связанные с употреблением ПАВ, в число больных которыми входили в 2013 году 50,2 тысячи потребителей наркотиков и 20,33 тысячи больных с зависимостью от алкоголя [6]. Предикционность алкоголя в отношении преступных действий, в том числе сопровождающихся агрессией, давно и хорошо известна психиатрам и психиатрам-наркологам [1]. Отсутствие целостного подхода к проблеме алкоголизма и наркотизма приводит к непониманию наличия того вреда для человека, общества и государства, которое приносят эти явления. Они имеют экономическую, юридическую, социальную, педагогическую, антропологическую и другие составляющие, которые также нуждаются в преодолении для избегания последствий при бездействии, как это показано на рис. 1 [10].

Оказание медицинской помощи осужденным с алкогольной и наркотической зависимостью, находящимся в ИУ предусмотрено совместным приказом МЗ и МЮ РФ «О Порядке организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключённым под стражу» № 640/190 от 17 октября 2005 года.

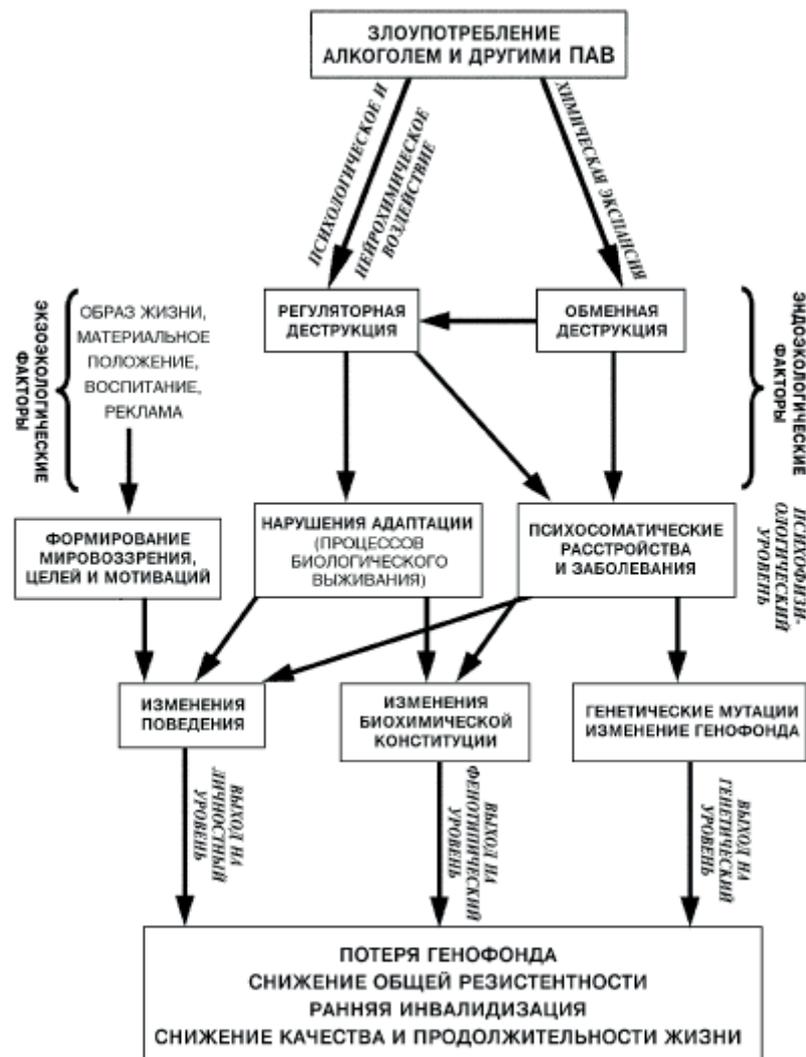

Рис. 1. Негативное антропогенное действие ПАВ и этапы деволюции

Выполнение приказа требует от врачей медицинских частей в ИУ ознакомления с судебными решениями осужденных, направленных для отбывания наказания с целью выявления нуждающихся в применении принудительных мер медицинского характера: лиц с зависимостью от ПАВ. Решение о принудительном лечении конкретного лица от алкогольной, наркотической или токсикоманической зависимости принимается медицинской комиссией учреждения, даже при отсутствии такового в приговоре суда, в форме заключения о необходимости и возможности исполнения такого. Состав комиссии: начальник медицинской части ИУ, 2 врача психиатра-нарколога (психиатра). Объем диагностики при наркологических расстройствах определен действующей в России Международной классификацией болезней 10-го пересмотра, приказами МЗ РФ. Формуляр написания заключения для прохождения принудительного лечения разработан [4]. Этапность, длительность проведения лечебных и медико-социальных реабилитационных мероприятий при наркологических расстройствах содержатся в законе РФ об оказании медицинской помощи,

приказах, методических указаниях МЗ РФ [5]. Для лечения больных наркоманиями в местах лишения свободы имеется 9 ЛИУ (лечебно-исправительных учреждений), в то время как самих ИУ на территории России свыше 700. Лечение обычно проводится по месту отбывания наказания при наличии в ИУ психиатров-наркологов, при их отсутствии — в ИУ, имеющих необходимую базу. Решение о продлении, прекращении и окончании принудительного наркологического лечения также принимается комиссионно. Срок лечебных и реабилитационных мероприятий при наркологических заболеваниях не может быть менее 6 месяцев, после чего стандарты МЗ РФ требуют контроля за состоянием пациента в течение 2 лет, в условиях свободы. Время пребывания в ремиссии в ИУ не засчитывается.

Лицам, освободившимся с незавершенным курсом лечения, дальнейшее лечение проводится в лечебно-профилактических учреждениях государственной или муниципальной систем здравоохранения по месту жительства с соответствующим их уведомлением. Во всех случаях освобождения лица, проходившего принудительное лечение

от алкогольной, наркотической или химической зависимости от других ПАВ (токсикомании), медицинская часть ИУ обязана за один месяц до освобождения направить в наркологический диспансер по избранному месту жительства выписку из медицинской карты амбулаторного больного медицинской части ИУ о проведении лечения и его результатах.

Сопоставление законных и нормативных требований по оказанию наркологической помощи, в том числе принудительно, осужденным к лишению свободы с фактическими условиями, в которых предлагается их реализовывать показывает невозможность их выполнения на уровне, предусмотренном МЗ РФ.

Штаты врачей психиатров и психиатров-наркологов не только не укомплектованы, но и число специалистов, оказывающих данный вид помощи уменьшается. Штатные нормативы должностей психиатров и психиатров-наркологов уменьшены в 2012 году с 1640 единиц до 535 ставок психиатров и 170 ставок психиатров-наркологов, то есть в 2013 году число работающих специалистов составляло примерно 1/3 от реальной потребности. Укомплектованность психиатрами-наркологами в 2014 году составляла 57%. В 2013 году в ИУ было развёрнуто 458 наркологических коек. Врачи в большинстве своём не имеют необходимого практического опыта реализации программ медико-социальной реабилитации, предусмотренных стандартами МЗ РФ [6], как и медицинские психологи, обязанные проводить психокоррекционную работу. Помещения для такой работы с осужденными в ИУ отсутствуют, а они необходимы не только для индивидуальных, но и групповых занятий с больными.

Медико-социальная реабилитация при наркологических заболеваниях включает в себя в обязательном порядке трудовую занятость [9]. Примерно 30 лет назад, учреждения, в которых отбывали наказание, назывались исправительно-трудовыми (ИТУ). Запрет на принудительный труд (при сохранении принудительных обязательных работ!), отсутствие возможностей трудовой занятости, привёл к трудоустройству осужденных, только при наличии возможности и переименованию учреждений в ИУ. В настоящее время в большинстве ИУ имитируют трудоустройство осужденных для благопристойности отчётности, деля 1 рабочую ставку на 4–8 человек. Таким образом, удаётся «трудоустроить» менее 1/3 осужденных к лишению свободы. Соблюдение МРОТ при этом лучше не анализировать. Финансирование оказания медицинской помощи осужденным в ИУ является недостаточным.

Требования норм п. п. 271–278 приказа МЗ и МЮ РФ № 640/190 не реализуются, в первую очередь из-за отсутствия должного контроля исполнения приказа. Отказ осужденного от прохождения принудительного и обязательного лечения при исчерпанности всех методов психотерапевтического воздействия, приводит к применению мер административного воздействия. Осужденному не предоставляют возможность отбытия наказания в улучшенных условиях содержания, не ходатайствуют о его условно-досрочном

освобождении или замене неотбытой части наказания более мягким наказанием, не направляют в колонию-поселение [3].

Состояния и исполнение принудительного лечения наркологических заболеваний в ИУ можно охарактеризовать как неудовлетворительное. База для лечения и реабилитации в ИУ отсутствуют. Кадры врачебного персонала не все имеют специализацию по специальности «психиатрия-наркология», а имеющие, как и психологи не прошли усовершенствование по реабилитации в психиатрии-наркологии. Оборудование по стандартам МЗ РФ не имеется. Условия для трудового обучения минимальны, для трудовой занятости в массовом порядке не имеются. Имеющиеся исключения [2], только подтверждают долженствование соблюдения законов и правил.

Выводы

Анализ научных исследований, нормативной документации, опыт проведения экспертиз, лечения и медико-социальной реабилитации в учреждениях системы здравоохранения позволяет сделать следующие выводы:

1. Задачей, не решенной до настоящего времени по отношению к наркологическим больным, проходящим принудительное лечение, вне зависимости о его места проведения, является медицинское и социальное страхование. Отсутствует регламент получения ими листа временной нетрудоспособности, представления академических отпусков обучающимся в вузах, ссузах. Необходимо безотлагательно разработать и принять необходимые законы и подзаконные акты.

2. Актуальной задачей, так же не имеющей решения является проведение мероприятий по социально-трудовой реадaptации и реабилитации проходящих принудительное лечение. Возможным решением данной задачи было бы использование опыта зарубежных стран (Германия) по квотированию мест для наркологических больных на предприятиях в обмен на налоговые льготы предприятиям.

3. Оценка эффективности проведения принудительного лечения наркологическим больным, должна базироваться на статистическом учете и отчётности, которая не разработана и не осуществляется, что необходимо осуществить.

4. Недобровольное лечение больных токсикоманией, предусмотренное ч. 3 с. 81 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, выполняется только в ИУ, то есть лишь в тех случаях, когда этот больной отбывает наказание в местах лишения свободы, что лишает проводимое лечение и реабилитацию возможности преемственности в оказании наркологической помощи после его освобождения. Необходима разработка и принятие соответствующих законных и подзаконных актов.

ИУ в настоящее время по своим условиям не способны исполнять принудительное лечение больных с наркологическими заболеваниями, так как база, оборудование, кадры не соответствуют стандартам МЗ РФ, что не позволяет реализовать стратегические меры, разработанные правительством по снижению уровня наркотизма в стране.

Литература:

1. Говорин Н. В., Сахаров А. В., Гаймоленко А. С., Алкогольный фактор в криминальной агрессии и аутоагрессии. — Чита: Изд-во «Иван Фёдоров», 2009. — 184 с.
2. Дядичко А. Н. О возможности создания наркологических реабилитационных центров в местах лишения свободы // Наркология, 2011. № 5. С. 97–99.
3. Игонин А. Л. Судебно-наркологическая экспертиза и принудительное лечение больных алкоголизмом и наркоманиями / Руководство по наркологии под редакцией Н. Н. Иванца. — М.: ИД Медпрактика-М. 2002. В 2х томах. Том II. С. 329–343.
4. Котов В. П., Мальцев М. М., Яхимович Л. А., Каганович Ю. Т. Порядок составления заключения о психиатрическом освидетельствовании лица, находящегося на принудительном лечении: методические рекомендации. — М.: ФГБУ «ГНЦССП им. В. П. Сербского» Минздрава России, 2013. — 16 с.
5. Кривулин Е. Н., Малкин Д. А., Фастовцев Г. А. и др. Современные подходы к диагностике, лечению и реабилитации осужденных с наркологическими расстройствами в местах лишения свободы: методические рекомендации. — Челябинск — Москва: Издательство ООО фирма «Пирс», 2013. — 102 с.
6. Макушкина О. А., Степанова Э. В. Актуальные вопросы и перспективные задачи оказания психиатрической помощи в учреждениях исполнения наказания // Российский психиатрический журнал. 2015. № 3. С. 13–20.
7. Менделевич В. Д. Анализ системы организации наркологической помощи осужденным в Российской Федерации // Неврологический вестник, 2014. Т. XLVI, вып. 2. С. 74–77.
8. Пашкова Е. Н. К вопросу определения основных детерминант преступлений, совершаемых на почве наркомании // Наркология, 2007. № 2. С. 60–62.
9. Федоренко В. В. Психологические и социологические аспекты трудовой социализации лиц с алкогольной и наркотической зависимостью // Наркология, 2016. № 1. С. 51–59.
10. Чернобровкина Т. В. Социальные функции аддиктивных заболеваний (к вопросу об аддиктивной этиологии и социогенезе в свете синергетики) // Наркология, 2007. № 12. С. 70–79.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Причины возникновения института защиты прав беженцев в мировом сообществе

Болат Алибек Алмазулы, магистр юридических наук, преподаватель;
Молдабеков Болат Есенгалиевич, старший преподаватель
Жетысуский государственный университет имени И. Жансугурова (Казахстан)

На сегодняшний день высшими ценностями каждого демократического государства являются права, свободы человека и гражданина, за которые нередко приходится бороться. Мы считаем, что в современных условиях развития цивилизации, с появлением новых государств, просто необходимо уделять достаточное внимание проблемным вопросам в целом прав человека и в особенности уязвимым категориям лиц — которые в силу обстоятельств были вынуждены покинуть страну своего гражданского происхождения. Глобальная проблема беженцев и лиц, перемещенных внутри страны, — один из самых сложных вопросов, стоящих сегодня перед мировым сообществом. Эта проблема является предметом активного обсуждения, как в рамках международного сообщества, так и внутри государств, ее регулирование весьма сложно в международном гуманитарном праве. «Феномен вынужденных массовых притоков» сегодня ставится во главу угла при исследовании миграционных потоков населения.

Беженцев неизбежно сопровождают войны и конфликты. Масштабы этого явления напрямую сопоставимы с масштабами военных действий, связаны с территориями, на которых они происходят. В Первой и Второй мировой войнах в Европе были миллионы беженцев. Миллионы беженцев появились и в Африке уже в конце 20-го столетия, в ходе военных и этнических конфликтов. Сотни тысяч беженцев страдали и до сих пор страдают из-за кровопролитных конфликтов на Балканах. Замечателен тот факт, что его удалось «потушить». Но права тысяч людей грубо нарушены, и они не могут вернуться в свои дома. Есть даже целые народы, для которых статус беженца определяют стиль жизни, их вечную отверженность и бездомность. Таковы с древности были евреи, потерявшие свою государственность и великими муками обретшие ее в Израиле. Таковы сегодня палестинцы, чья трагическая судьба предопределила мировой ближневосточный конфликт. Это острейшая и сложнейшая международная гуманитарная проблема. Число беженцев в мире достигло 42 миллиона человек. Беженцам, как правило, предоставляются равные права с другими иностранцами, они документируются особыми проездными документами и получают гражданство в льготном

порядке. В ряде стран существует особый «гуманитарный статус» — так называемое «временное убежище», предоставляемое в случае массового исхода беженцев или лицам, которые не удовлетворяют конвенционным критериям, но не могут быть высланы из соображений гуманности. Беженцами не могут быть признаны лица, совершившие тяжкие преступления неполитического характера, включая акты терроризма. Беженец или лицо, ищущее убежища, не может быть выслан обратно в страну происхождения. Беженцы сегодня стали тяжелейшей проблемой для соседнего Узбекистана. Только разместить, накормить, содержать и лечить такое количество людей — сложнейшая задача даже для сильного государства. Перспективы разрешения конфликта на юге Киргизии также выглядят не слишком обнадеживающими. Порожденные конфликтом в Киргизии семена недоверия, злобы и мести неизбежно взойдут и принесут горькие плоды. Этот огонь экстремизма очень легко может перейти границы других государств. В истории есть примеры, когда проблема беженцев приводила на грань гражданской войны страны, в которых они разместились. Пример недавний: лагеря палестинских беженцев в Ливане в 80-х годах прошлого века стали активно вмешиваться в запутанную политическую жизнь этой страны, там нашли приют и развитие откровенно террористические, экстремистские организации. В результате ливанские соединения фалангистов устроили жестокую резню в лагерях палестинских беженцев Сабра и Шатила. И по сей день этот уголок взаимной ненависти тлеет на Ближнем Востоке. Сегодня все соседние страны, и прежде всего — Казахстан и Россия, должны помогать скорейшему восстановлению политической ситуации в Киргизии. Одной гуманитарной помощи продовольствием, палатками и медикаментами явно недостаточно.

Причины, по которым беженцы покидают свои страны и обретают статус беженцев: а) внешней агрессии, оккупации, иных форм иностранного господства; б) природных стихийных явлений, которые подорвали материальные основы их существования; в) обоснованной опасности подвергнуться репрессиям из-за принадлежности к той или иной социальной группе, политических и религиозных убеждений.

В своих правах беженцы уравниваются с иностранцами, постоянно проживающими в стране. Кроме того, беженцы вправе рассчитывать на получение равного с гражданами государства пребывания вознаграждения за труд. Беженцам могут быть выданы документы, позволяющие им пересекать государственные границы. Конвенция о статусе беженцев была принята после Второй мировой войны в 1951 году [1, с. 123].

Вопросами репатриации беженцев и перемещенных лиц занималась ООН. Генеральная ассамблея ООН в своих резолюциях от 12 февраля и 15 декабря 1946 г. установила, что все государства — члены ООН должны содействовать скорейшей репатриации беженцев и перемещенных лиц, находящихся на их территории. В целях осуществления сотрудничества в этой области при была создана Международная организация по делам беженцев (В 1951 г. была заменена управлением Верховного комиссара по делам беженцев).

В Послании Президента говорится, что в Казахстане будет проводиться активная, прагматичная и сбалансированная внешняя политика, направленная на обеспечение национальных интересов, повышение международного авторитета страны и укрепление национальной, региональной и глобальной безопасности.

Казахстан намерен участвовать в процессах принятия глобальных решений при формировании новой архитектуры международных отношений и контуров мировой торгово-финансовой системы.

Казахстан будет активно способствовать налаживанию стратегического диалога между всеми существующими системами коллективной безопасности, что положительно скажется правовом положении беженцев.

Для Казахстана, в силу его географического положения и обстановки в соседних странах, ситуация с беженцами не носит масштабного характера, вызванного внешними факторами, но так как Казахстан поддерживает и всячески укрепляет добрососедские отношения с соседней Кыргызской Республикой, в которой сейчас нестабильная внутривнутриполитическая ситуация, началось пребывание граждан этой страны на территории Казахстана [2, с. 112].

Одной из основных причин, по которой указанные лица вынуждены были покинуть страну своей гражданской принадлежности, является политическая нестабильность. При этом лица, признанные беженцами на территории Казахстана, не стремятся возвращаться обратно.

Верховный комиссар ООН по делам беженцев Антонио Гутеррес, в ходе встречи с Министром иностранных дел нашей страны, подчеркнул, что Казахстан как самая успешная страна в Центрально-Азиатском регионе, столкнется в предстоящие годы с непрерывным ростом потока мигрантов и беженцев. В настоящее время для Казахстана особенно актуальным становится вопрос соблюдения международных норм, регулирующих права беженцев. Современный уровень, достигнутый нашей страной в результате экономических и социальных преобразований,

позволяет сформировать национальную законодательную базу, регулиующую права беженцев, и тем самым зарекомендовать Казахстан на международной арене как страну, предоставляющую защиту, как своим гражданам, так и иностранцам.

В этой связи необходимо продолжить процесс совершенствования системы убежища и управления миграцией. С учетом накопленной практики уполномоченных государственных органов и опыта других государств в настоящее время представляется необходимым провести детальный анализ действующего законодательства в этой области и подготовить соответствующие изменения и дополнения [3].

Приведем, такой пример, как отмечает в своей научной статье Генеральный консул посольства Азербайджана в Казахстане — Р. Мамедов «Интенсификация процесса прибытия иммигрантов в Азербайджан в период распада СССР и становления государственности происходила в условиях отсутствия соответствующей нормативно-правовой базы. Закон Азербайджанской Республики «Об иммиграции» был принят в 1999 году. Данный пробел в определенной степени компенсировался составом иммиграционного потока — большую часть иммигрантов в 90-х годах составляли этнические азербайджанцы (беженцы и вынужденные переселенцы из Армении, часть азербайджанского населения Грузии, турки-месхетинцы из Узбекистана и азербайджанцы, пожелавшие вернуться на историческую родину из других республик бывшего Советского Союза), что в немалой степени облегчало процесс адаптации. Важной особенностью иммиграционного процесса являлось то, что основной его причиной была не миграционная привлекательность Азербайджана, а последствия межэтнических и межнациональных конфликтов, в условиях которых происходил распад СССР. Приход к власти националистических сил в некоторых государствах также стимулировал данные тенденции [4, с. 37].

Обеспечение прав беженцев сталкивается с трудностями придания им правового статуса, жизнеобеспечения, с настороженным отношением части населения к самому факту пребывания на территории Казахстана беженцев. Решению всех этих вопросов можно найти в Законе Республики Казахстан «О беженцах» от 4 декабря 2009 года.

Присоединившись к международным договорам, Республика Казахстан приняла на себя обязательства по приему лиц, ходатайствующих о признании беженцев. Если процедура определения статуса афганских беженцев законодательно урегулирована, отдельного рассмотрения требует вопрос статуса пребывания на территории Республики Казахстан лиц чеченской национальности. Данная категория лиц не имеет статуса беженца и рассматривается государственными органами как граждане одной из стран СНГ, которые не нуждаются в предоставлении убежища.

Им не предоставляется официальный статус беженцев, но дается возможность безопасного пребывания на территории Республики Казахстан, что в принципе их устраивает. Но в отличие от положения афганских беженцев, чеченцы представлены в стране большой диаспорой, родственными связями, да и традиции этого народа не позволяют им оставаться в стороне от проблем своих сородичей.

Как иностранные граждане, особенно имея вид на жительство, они не получают возможности для реализации отдельных прав, сам вид на жительство имеют лишь единицы. Остальные постоянно вынуждены проходить процедуру перерегистрации. Как вариант решения проблемы, сами чеченцы рассматривают опыт Кыргызской Республики, в соответствии с законодательством которой их можно

было бы определить как лиц, ищущих убежище, но не беженцев.

Из вышеизложенного можно определить, что именно конфликты политических сил с применением насилия в стране являются причиной появления таких категории лиц, как «беженцы», еще одной причиной потоков беженцев является нищета, также не маловажное место играют природные катаклизмы, природные бедствия и эпидемии. Если со вторым бороться иногда практически является не возможным, а вот с первым и вторым критерием (причины), нужно бороться и всегда решать вопросы внутри каждого государства лишь демократическими средствами и решением проблемы нищеты должно быть заинтересовано само государство.

Литература:

1. Сарсембаев М. А., Сарсембаев К. М. Международное право. Общая и Особенная части. — Алматы: «Жеті жарғы», 2009. — 408 с.
2. Кулжабаева Ж. О. Международное публичное право. Общая и Особенная части: учебник. — Алматы: «Юридическая литература», 2002. — 467 с.
3. Байкадамов Б. Будет закон, будет и статус // Казахстанская правда. 18 января 2007.
4. Мамедов Р. Генеральный консул посольства Азербайджана в Казахстане. Азербайджан в миграционных процессах // Фемида. № 12 (180), 2010. — С.37–40

Правомерность санкций США в отношении проекта «Северный поток-2»

Лободина Юлия Александровна, студент

Всероссийский государственный университет юстиции (г. Москва)

В статье рассматривается проблема влияния американских санкций на реализацию проекта бестранзитного экспортного газопровода «Северный поток — 2». Автор анализирует непростую ситуацию на международной арене, рассматривает непосредственно сам закон «Противодействие противникам Америки посредством закона о санкциях» (H. R.3364 — Countering America's Adversaries Through Sanctions Act. Latest Action), приводит контраргументы в противовес тем доводам, которые изложены в законе о санкциях США, раскрывая при этом истинные мотивы проведения санкционной американской политики в отношении России.

Ключевые слова: Северный поток — 2, Россия, США, санкции, закон, Газпром, газовый рынок, монополия, Украина, Германия, политические, экономические, протекционистские мотивы

Как известно, на международной арене сложилась довольно сложная ситуация между такими странами как Россия и США. Многочисленные санкции выступают в качестве инструмента оказания давления на принятие политических решений странами и их поведение.

Так, законопроект (в последующем закон) «Противодействие противникам Америки посредством закона о санкциях» [2] подтверждает предыдущие санкции против России и вводит новые.

В одном из тематических «блоков» прямо указано: «продолжать выступать против трубопровода NordStream 2, учитывая его пагубные последствия для энергетической безопасности Европейского Союза, развития газового

рынка в Центральной и Восточной Европе и энергетических реформ в Украине...» [2].

«Санкции направлены на тех, кто инвестирует в строительство трубопроводов для российских энергоносителей или поддерживает такое строительство», — говорит сенатор-республиканец Майкл Крепо [4].

«Северный поток — 2» — это проект бестранзитного экспортного газопровода из России в Германию через Балтийское море мощностью 55 млрд кубометров газа в год. Компанией, отвечающей за проектирование, строительство и эксплуатацию магистральной, стала NordStream 2 AG, единственным акционером которой является «Газпром».

Почему же проект предполагает транспортировку газа в обход Украины? Дело в том, что речь идёт о задолженности украинской стороны в размере «...4,455 млрд долл.: 1,454 млрд долл. — за ноябрь-декабрь 2013 года и 3 млрд долл. — за апрель-май 2014 года» [5]. С таким ненадёжным партнёром «Газпром» просто отказывается сотрудничать.

Также, по мнению представителей Евросоюза, а именно еврокомиссара по энергетике и климату Мигеля Ариаса Каньете, который выступал в Европарламенте в Страсбурге, «Северный поток — 2» может иметь негативное воздействие на ряд транзитных маршрутов, ведущих в Евросоюз, включая тот, что идет через Украину» [7].

Таким образом, данный маршрут транзита газа не является ни надёжным, ни стабильным, так как внутриполитическая ситуация в стране после смещения президента В. Януковича оставляет желать лучшего. Это выражается в гражданской войне на территории Украины. В связи с этим можно сделать вывод о том, что данный маршрут транзита газа не является желательным для России.

Вернёмся к американским санкциям. Так в чём же дело? Почему США так агрессивно настроены против данного проекта?

«Countering America's Adversaries Through Sanctions Act» содержит следующую формулировку:

— Правительству Соединенных Штатов следует уделять приоритетное внимание экспорту энергетических ресурсов Соединенных Штатов в целях создания американских рабочих мест, оказания помощи союзникам партнерам Соединенных Штатов и укрепления внешней политики Соединенных Штатов [2].

Напрашивается вывод о том, что это является попыткой США монополизировать газовый рынок. «Они пытаются своим законом о санкциях убить проект «Северный поток — 2», который для европейцев очень выгоден, который нужен Германии, он превращает ее в крупнейший газораспределительный центр в Европе. От этого и Меркель, и бизнес вряд ли откажется. И кроме того, в Европе есть серьезные подозрения, что перекрывая сотрудничество по линии «Северного потока — 2», американцы на самом деле хотят заставить покупать американский сланцевый газ по гораздо более высоким ценам, чем им обходится газ российский», — заявил в эфире канала «Россия 24» российский сенатор Алексей Пушков [9].

В данном документе указываются и другие цели проведение санкционной политики в отношении России:

— Помочь Украине и союзникам Соединенных Штатов и партнерам в Европе снизить зависимость от российских энергоресурсов, особенно природного газа, которые правительство Российской Федерации использует в качестве оружия для принуждения, запугивания и влияния на другие страны [2];

— Сотрудничать с государствами-членами Европейского союза и институтами Европейского союза в целях содействия энергетической безопасности путем развития диверсифицированных и либерализованных энергетических

рынков, которые предоставляют диверсифицированные источники, поставщики и маршруты [2];

Таким образом, США нужны поводы для введения санкций в отношении России.

Во-первых, Конгресс утверждает, что российское руководство занималось «хорошо задокументированной коррупционной практикой» для подкупа в европейских и евразийских странах. С этим нельзя согласиться, так как данный проект реализуется в силу официального соглашения, о котором было известно всему миру. 4 сентября 2015 года главы ПАО «Газпром», немецких энергетических компаний E.ON SE и BASF SE/Wintershall Holding GmbH, англо-голландской Royal Dutch Shell, австрийской OMV AG и французской Engie S.A. (ранее GDF SUEZ S.A.) подписали соглашение акционеров о реализации проекта «Северный поток — 2» по строительству дополнительной инфраструктуры для транспортировки российского газа на рынок ЕС. Таким образом, пять европейских компаний обязуются предоставить долгосрочное финансирование в объеме 50% от общей стоимости проекта, которая на данный момент оценивается в 9,5 млрд евро. Вклад каждой из компаний составит до 950 млн евро. Единственным акционером проектной компании Nord Stream 2 AG останется «Газпром», который покрывает вторую половину стоимости [2].

Во-вторых, США считают, что Россия нарушает суверенитет Украины, её границы. В частности, они говорят о незаконной аннексии Крыма. При определении будущего статуса и государственной принадлежности Автономной Республики Крым и города Севастополя проводился референдум на соответствующих территориях. По официальным данным обработки 100% протоколов, на территории АР Крым 96,77% [10] проголосовавших выбрало первый пункт бюллетеня — «За воссоединение Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации», в Севастополе — 95,6% [8]. Да, действительно, на территории Севастополя находились войска России, однако именно они совместно с отрядом крымской самообороны смогли восстановить порядок, воспрепятствовав властям Украины, сделали возможным проведение этого референдума, обеспечив «безопасность граждан и благоприятные условия для их волеизъявления» [6].

Данный референдум был правомерен, так как Международным судом ООН, а также многими странами была признана независимость Косова [1] также в одностороннем порядке. Данный факт можно рассматривать в качестве прецедента. Независимость Крыма 17 марта была провозглашена на основании Декларации о независимости и результатов референдума, а 18 марта произошло юридическое закрепление присоединения Крыма к Российской Федерации. В свете вышесказанного можно сделать вывод о том, что нарушения границ территории Украины нет.

Таким образом, санкции США в отношении России, затрагивающие проект «Северный поток-2», обусловлены

не правовыми мотивами, а политическими и экономическими (протекционистскими). Кроме того, эти санкции затрагивают не только Россию. В Берлине возмущены тем, что хотя «речь

идет о санкции за действия России», но при этом «под санкции попадают европейские компании», — передал мнение Ангелы Меркель официальный представитель ее кабинета.

Литература:

1. 2008 Kosovo declaration of independence: act of the Provisional Institutions of Self-Government Assembly of Kosovo от 17. 02. 2008 // Kosova Wiki — 2008/ — 17 февраля.
2. H. R.3364 — Countering America's Adversaries Through Sanctions Act. Latest Action: Public Law от 08.02.2017 No: 115-44 // Congress.gov — 2017. — 2 августа.
3. Nord Stream 2 AG и европейские энергетические компании подписали соглашения о финансировании // Газпром: сайт. — Режим доступа: <http://www.gazprom.ru/press/news/2017/april/article327181/>. — Загл. с экрана.
4. Балтачева, М. США намерены санкциями перекрыть «Северный поток — 2» / М. Балтачева, Н. Коваленко, М. Мошкин // ВЗГЛЯД. — 2017. — 16 июня. — С. 2.
5. В Берлине прошли переговоры с НАК «Нафтогаз Украины» // Газпром: сайт. — Режим доступа: <http://www.gazprom.ru/press/news/2014/june/article192727/>. — Загл. с экрана.
6. Встреча с членами фракций политических партий в Государственной Думе. // Kremlin.ru: сайт. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/page/174/>. — Загл. с экрана.
7. ЕК: «Северный поток — 2» может повлиять на маршруты транзита газа в ЕС // Федеральное государственное унитарное предприятие «Международное информационное агентство «Россия сегодня»: сайт. — Режим доступа: <https://ria.ru/economy/20170914/1504745665.html/>. — Загл. с экрана.
8. На сессии городского Совета утверждены результаты общекрымского референдума 16 марта 2014 года // Официальный сайт Севастопольского городского совета: сайт. — Режим доступа: <http://archive.is/zbExZ/>. — Загл. с экрана.
9. Пушков прокомментировал новый проект США о санкциях // Федеральное государственное унитарное предприятие «Международное информационное агентство «Россия сегодня»: сайт. — Режим доступа: <https://ria.ru/economy/20170914/1504745665.html/>. — Загл. с экрана.
10. Результаты общекрымского референдума // Официальный сайт Государственного Совета Республики Крым: сайт. — Режим доступа: <http://archive.is/bvjR6/>. — Загл. с экрана.

Пути совершенствования таможенно-тарифного регулирования внешнеторговой деятельности в РФ в условиях глобализации экономики

Платонова Инна Сергеевна, студент

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва

В современных условиях глобализации экономики внешняя экономическая деятельность государств требует усиленного внимания. Наблюдается прогрессивное развитие форм международной торговли, ключевую роль в котором играет таможенно-тарифное регулирование внешней экономической деятельности.

В данной статье таможенно-тарифное регулирование внешнеэкономической деятельности рассматривается с точки зрения государственной системы, необходимой для осуществления внешнеторговой деятельности. На сегодняшний день количество инструментов системы таможенно-тарифного регулирования внешнеторговой деятельности в РФ является достаточно большим и динамично увеличивающимся. Именно поэтому уделить внимание особенностям применения методов таможенно-тарифного регулирования внешнеторговой деятельности является значимым.

Необходимо выполнение протекционистских мер национальной экономики одновременно с поддержанием высокого уровня конкуренции отечественного производства; соблюдение обязательств, предписанных политическими и экономическими объединениями, а также выполнение эффективного товарооборота с целью наращивания прибыли отечественной экономики.

Вследствие этого, вопрос об эффективном таможенно-тарифном регулировании внешнеэкономической деятельности является актуальным.

Для того, чтобы предложить пути совершенствования таможенно-тарифного регулирования внешнеэкономической деятельности в РФ, необходимо изучить всю систему, включающую основные элементы таможенно-тарифного регулирования и сделать соответствующие выводы о текущей ситуации:

1. Для создания устойчивого положения национальной экономики государству необходимо использовать эффективные меры воздействия на внешнеэкономическую деятельность, где ключевым инструментом является таможенно-тарифное регулирование внешнеторговой деятельности.

2. Таможенно-тарифное регулирование внешнеторговой деятельности, играя ключевую роль для обеспечения эффективной внешнеэкономической деятельности государства, а также оказывая влияние на национальную экономику стран, представляет собой сложную систему, функционирование которой законодательно регламентируется нормативно-правовой базой и находится в постоянном развитии за счет прогрессивного взаимодействия государств.

3. Таможенный тариф играет важную роль в системе таможенно-тарифного регулирования внешнеторговой деятельности государства. Таможенный тариф можно охарактеризовать в качестве важнейшего экономического регулятора, который оказывает непосредственное воздействие на торговые потоки страны, ее положение в системе международной торговли, на ход обмена товарами и услугами между странами, на развитие национальной экономики в целом.

4. Таможенное декларирование товаров является важным элементом системы таможенно-тарифного регулирования, унифицирующим форму подачи заявлений на те или иные товары, что позволяет добиться строгой регламентации системы в целом.

5. Строгая регламентация порядка осуществления возможных таможенных процедур позволяет добиться ввоза товаров на территорию Российской Федерации по единым установленным правилам и сократить число возможных инцидентов.

6. Используемая точность классификации товаров, обусловленная товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности, позволяет повысить эффективность осуществления государством мер таможенно-тарифного регулирования. Кроме того, это позволяет повысить объективность таможенной статистики внешней торговли, что играет важную роль при последующей выработке таможенной политики.

7. Необходимо отметить, что таможенные платежи играют важную роль в системе государственных доходов, поэтому их место в системе таможенно-тарифного регулирования является также строго регламентированным.

8. Определение страны происхождения товаров и определение таможенной стоимости товаров представляют собой значимые инструменты таможенно-тарифного регулирования, позволяющие осуществлять необходимые таможенные процедуры по унифицированным и строго регламентированным правилам.

9. В условиях глобализации экономики происходят изменения, слияния, интеграция различных компаний с целью повышения эффективности осуществления национальной политики, улучшения состояния экономик

стран-участниц различных союзов. Все прогрессивные изменения призваны привести к положительным результатам. Одним из ключевых моментов стало создание Евразийской экономической комиссии, которой Комиссия Таможенного союза передала свои полномочия 18 ноября 2011 г. В период с 2007—2012 гг. регулирование таможенной деятельности происходило Комиссией Таможенного союза, представляющей собой регулирующий орган Таможенного союза Евразийского экономического союза. Состав Комиссии Таможенного союза: Республика Беларусь, Республика Казахстан, Российская Федерация. Комиссия Таможенного союза осуществляла исполнительскую деятельность в соответствии с принятыми решениями Межгосударственными советами, производила контроль за исполнением международных договоров, касающихся вопросов формирования Таможенного союза, а также выдвигала предложения по эффективному осуществлению работ Таможенного союза. Это является одним из важнейших шагов на пути к эффективному взаимодействию Евразийского экономического союза, Таможенного союза и Единого экономического пространства в разрезе глобализации экономики. Значимым моментом является вступление в силу нового Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, в котором важным моментом является учет многих аспектов, исходя из современных условий внешнеэкономической деятельности государств, а также из опыта предыдущих лет функционирования таможенных органов.

Таким образом, принимая во внимания основные выводы, сделанные по текущей ситуации в области таможенно-тарифного регулирования, можно предложить следующие пути совершенствования таможенно-тарифного регулирования внешнеэкономической деятельности.

Во-первых, говоря о таможенных тарифах, наиболее эффективным является использование сложных тарифов, нежели простых или, иными словами, многоколонных, нежели одноколонных тарифов. Это позволит обеспечить гибкость тарифов в свете усложнения самого процесса внешней торговли в условиях глобализации. Происходит прогрессивное увеличение категорий товаров, обмен товарами становится более интенсивным. Кроме того, таможенный тариф включает в себя информацию об участии в договорах международного уровня, которые, в свою очередь, могут подтверждать предоставление странами друг другу режима наибольшего благоприятствования — важный момент в условиях глобализации экономики и осуществления внешнеэкономической деятельности, в целом.

Во-вторых, несмотря на очевидные преимущества развития глобализации в мировых масштабах, перемещение товаров через границы влечет за собой множество обязанностей со стороны правовых органов государств. Соответственно при либерализации торговой деятельности между странами необходимо осуществлять постоянный мониторинг и вести строгий учет за выполнением

своевременных платежей, осуществлять меры по борьбе с контрабандами, а также не допускать импортное производство фальсифицированной в области качества продукции.

В-третьих, для обеспечения высокого уровня конкурентоспособности национальных товаров необходимо произвести уменьшение ставок ввозных таможенных пошлин на импорт [1]. Кроме того, важным является учет особенностей аналогичного производства стран-участниц Таможенного союза для корректировки стратегий производства рассматриваемого государства [2].

Одной из проблем является отсутствие оперативных каналов взаимодействия между как странами-участницами Таможенного союза, так и между странами-участницами Таможенного союза и самим Таможенным союзом. Необходимо четкое выполнение определенных задач в соответствии с глобальными стратегиями Таможенного союза, а следовательно, необходимо создание определенных правил для осуществления согласования позиций каждого государства-члена Таможенного союза.

Для экономического развития и осуществления эффективного взаимодействия между государствами целесообразным является осуществление пересмотра существующих тарифных преференций, предоставляемых льгот [3]. Это напрямую оказывает влияние на регулируемую функцию, которую осуществляет таможенный тариф, в частности, в отношении стран, именуемых развивающимися. Это позволит выстроить благоприятную как с экономической точки зрения, так и с политической точки зрения обстановку.

Таможенно-тарифное регулирование призвано играть двойную роль в области национальной политики России. С одной стороны, благодаря таможенному регулированию появляется возможность оказывать воздействие на рынок, формируя его доступность для осуществления внешней торговли и выстраивая внешнюю политику. Но с другой стороны, таможенно-тарифное регулирование необходимо для осуществления и политики протекционизма отечественного производства, поддержания конкурентоспособности [4]. С точки зрения развития экономики Российской Федерации, необходимо уделять особое внимание проблемам безопасности экономики в совокупности с развитием и внедрением глобальных инноваций в промышленное производство России

[5]. Также необходимо произвести укрепление позиций России в рамках Таможенного союза для отстаивания интересов страны в рамках мировой торговли и внешнеэкономической деятельности в целом [6]. Например, разработана концепция социально-экономического развития страны до 2020 г. Полагаясь на положения концепции формируется политика страны в области, в том числе, промышленного производства. Соответственно целесообразным является соотношение таможенных ставок, тарифов, их структуры с целями, обозначенными в концепции развития страны.

Таможенно-тарифное регулирование внешнеэкономической деятельности играет ключевую роль в развитии Российской Федерации, как для внутренней политики, так и на международной арене. В период развития торговли мирового уровня, расширения границ взаимодействия между странами и, иными словами, в условиях глобализации экономики, необходимо создание четкой и эффективной политики внешней экономической деятельности, а именно пристальное внимание к совершенствованию принципов таможенно-тарифного регулирования.

Позиции Российской Федерации необходимо удерживать в статусе лидирующих и принимаемых во внимание в Таможенном союзе с целью обеспечения конкурентоспособности отечественного производства посредством подчинения ставок таможенных тарифов разработанным стратегиям развития страны. Отстаивание национальных интересов при одновременном учете развития других стран-участниц Таможенного союза является ключевым моментом.

Требуется акцентирование внимания на улучшении процедур администрирования в области таможенно-тарифного регулирования, осуществления строгого контроля в целях обеспечения экономической безопасности страны, повышения эффективности взаимодействия между органами Таможенного союза.

С созданием Евразийского экономического союза, в момент написания актуальных концепций развития страны, создания и внесения правок в действующее законодательство, Российская Федерация имеет возможность эффективного развития своих мощностей в сфере международной торговли в случае устранения затрудняющих осуществления эффективной таможенной деятельности моментов.

Литература:

1. Иванов И. Д. Тенденции и проблемы российского импорта // Российский внешнеэкономический вестник, № 11, 2008. С. 22–36.
2. Молчанова О. В. Таможенное дело. — М.: Норма, 2011. — 350 с.
3. Козырин А. Н. Правовое регулирование таможенно-тарифного механизма. — М.: ЮНИТИ, 2014. — 95 с.
4. Краснолуцкая Н. Т. Страна происхождения, классификация товара // Таможенный альманах, № 3. М.: Центр экономики и маркетинга. 2007. — 136 с.
5. Рассолов М. М. Обеспечение таможенно-тарифного регулирования. — М.: Изд. ЮНИТИ, 2012. — 403 с.
6. Шишканова Е. Э. Таможенно-тарифное регулирование внешнеэкономической деятельности как инструмент экономической безопасности страны // Концепт. — 2015. — № 06 (июнь).

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Становление правового, социального и экономически развитого государства в послевоенной Японии

Лукшин Олег Владимирович, магистрант

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (г. Киров)

В статье рассматривается развитие Японии после Второй Мировой войны и становление ее как правового, социального и экономически развитого государства. Эта возможность была обеспечена во многом США, которые оккупировали острова Японии через две недели после ее капитуляции и поставили своей целью превратить ее из противника в своего стратегического союзника. Именно тогда появилась возможность реформировать государственный строй Японии, дать ей демократичную конституцию и перенаправить ее развитие с грозного милитаристского пути на буржуазно-демократические рельсы.

Ключевые слова: конституционная монархия, модель социального государства, японское экономическое чудо, шоковая терапия.

В отличие от Германии, оккупированной всеми союзниками, Японские острова были заняты только лишь войсками США. Поскольку СССР объявил войну Японии только на последнем этапе Второй Мировой, то он не мог претендовать на ее оккупацию, согласившись на то, что США будут представлять интересы всех союзников.

После того как 2 сентября 1945 г. на борту американского линкора «Миссури», вошедшего в Токийский залив, был подписан акт о безоговорочной капитуляции Японии, было принято провести коренные преобразования государственной политики этой страны. Подписав акт о безоговорочной капитуляции, Япония принимала и обязалась выполнять условия Потсдамской конференции: прекратить все военные действия, а также «обязать всех гражданских, военных и морских официальных лиц повиноваться и выполнять все указания, приказы и директивы, которые Верховный командующий союзных держав сочтет необходимыми для осуществления данной капитуляции, и которые будут изданы им самим же...». [1]. Также согласно указанному акту «власть императора и Японского Правительства управлять государством должна быть подчинена верховному командующему союзных держав, который будет принимать такие шаги, которые сочтет необходимым для осуществления этих условий капитуляции». Верховным главнокомандующим Союзных держав был назначен американский генерал Дуглас Макартур, который формально представлял интересы всех стран-победительниц. Предоставление американскому генералу таких широких полномочий и явилось юридическим основанием единоличной оккупации США Японских островов и попадания этой страны в зону исключительного американского влияния, в которой она находится до сих пор. Также существенной победой США в борьбе за Японию была

разработка проекта Сан-Францисского мирного договора от 08.09.1951 г. не выгодного СССР, так как он не предусматривал передачу ему Курильских островов и южной части о. Сахалин, захваченных Японией еще в русско-японскую войну 1904–1905 гг. Между СССР и Японией мирный договор заключен так и не был, поэтому состояние войны между ними прекращено не было [2]. Япония оказалась под колоссальным американским влиянием. Однако многие прогрессивные круги Японии увидели в этом возможность преобразовать государство из, по сути, феодального в мощное социально-развитое и правовое, и помочь им в этом деле должны были Союзные державы, и главным образом США.

Первым, что поставили перед собой Союзные державы, было уничтожение милитаризма и не допущения возрождения агрессивной силы Японии в будущем. Это можно было сделать путем демократизации страны, ликвидации помещичьего землевладения, роспуска клановых конгломератов Дзайбацу, контролировавших банковские и промышленные объединения в стране, и демилитаризации экономики. Практически все эти задачи были решены в первые годы оккупации, а в 1947 г. Японией была принята одна из самых демократичных конституций.

В 1946 г. штаб генерала Дугласа Макарура написал для Японии и перевел на ее язык Конституцию, принятую Парламентом Японии 03.11.1946 г. и ратифицированную 03.05.1947 г.

По своей структуре Конституция состоит из преамбулы, XI глав и 103-х статей. Главы регулируют статус императора, права и обязанности народа, правовой статус Парламента, Кабинета Министров, судебной власти, финансов, местного самоуправления, процедуру внесения поправок в Основной закон.

Конституция вобрала в себя многие черты англо-саксонского права. Основной ее особенностью является антимилитаристская направленность, которая вытекает из ст. 9 «Отказ от войны». Согласно указанной статье, японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы силой или применения вооруженных сил как средства разрешения международных споров. Также примечательно то, что согласно ст. 66 премьер-министр и другие министры должны быть гражданами лицами [3].

Важной особенностью Конституции 1947 г. также является то, что она установила в Японии конституционную монархию. Согласно ст. 7 император по совету и с одобрения Кабинета осуществляет от имени народа следующие действия: промульгацию поправок к Конституции, законов, правительственных указов и договоров, осуществляет созыв Парламента, роспуск Палаты представителей, объявление всеобщих парламентских выборов, подтверждение назначений и отставок государственных министров и других должностных лиц в соответствии с законом, а также полномочий и верительных грамот послов и посланников и др. [4].

Деятельность императора во многом ограничивается полномочиями Парламента. Согласно ст. 41 Конституции Парламент является высшим органом государственной власти и единственным законодательным органом государства. По ст. 43 Палата советников и Палата представителей состоят из выборных членов, представляющих весь народ.

Полномочия императора также ограничиваются деятельностью Кабинета. Согласно ст. 65 исполнительная власть осуществляется Кабинетом. Статья 69 содержит норму о взаимном контроле Палаты представителей Парламента и Кабинета как гарантии сохранения правового государства. Если Палата представителей принимает проект резолюции о недоверии или отклоняет проект резолюции о доверии, Кабинет должен уйти в отставку в полном составе, если в течение десяти дней Палата представителей не будет распущена.

К числу общих функций Кабинета в деле управления государством согласно ст. 73 являются добросовестное проведение в жизнь законов, государственных дел, руководство внешней политикой, организация и руководство гражданской службой, составление бюджета и внесение его на рассмотрение Парламента и др.

Исходя из гл. VI в Японии помимо законодательной и исполнительной в качестве самостоятельной ветви власти выделяется также судебная. По ст. 76 Конституции вся полнота судебной власти принадлежит Верховному суду и прочим судам. Административные органы не могут осуществлять судебную власть с правом вынесения окончательного решения.

Система разделения властей, ограниченные полномочия императора в Конституции Японии 1947 г. свидетельствует о том, что монархия в этом государстве является конституционной, а само наличие правителя не более

чем декоративный атрибут, призванным отдать дань традициям и истории страны.

Прежде чем приступить к разбору социального законодательства Японии, нужно разобраться в модели социального государства в этой стране.

На сегодняшний день существует большое количество классификаций моделей социального государства, однако основной является разделение на скандинавскую (шведскую), континентальную (европейскую), англо-саксонскую.

Скандинавскую модель характеризует государственный (патерналистский) подход, который предполагает, что государство берет на себя значительную часть расходов на социальные нужды, является основным производителем социальных услуг, а доля этих услуг очень велика. В них входят образование, здравоохранение и др.

В континентальной модели действует корпоративный подход, т. е. существует минимизация ответственности государства за социальное благополучие населения, но ставится взаимосвязь между уровнем социальной защиты и длительностью профессиональной деятельности гражданина, т. е. социальное финансирование осуществляется в основном за счет страховых взносов работника и работодателя. Доля бюджетных отчислений на социальные расходы весьма небольшое.

В англо-саксонской модели также существует минимальное участие государства в социальных расходах. Финансовая составляющая социальной политики реализуется за счет частного страхования и частных сбережений граждан. Обязанностью же государства является забота и защита наиболее слабых и обездоленных слоев населения при одновременном отказе от социальной поддержки экономически сильных граждан.

Применительно к Японии более всего относится континентальная (европейская) модель, поскольку роль государства в социальном секторе невелика, высока деятельность благотворительных фондов и общественных организаций, а социальное обеспечение финансируется за счет бюджетных отчислений и страховых взносов работника и работодателя.

Однако Японию нельзя причислять к континентальной (европейской) модели в чистом виде в силу специфических отличий. Многие современные ученые применительно к этой стране выделяют четвертую, так называемую восточноазиатскую модель социального государства [5].

Дело в том, что в Японии большую роль в социальной защите индивида играет семья, частная корпорация или фирма. В этом государстве испокон веков существует стабильная семейная поддержка каждого ее члена, обусловленная историческими и культурными традициями, а семейные корпорации и фирмы занимают большую часть рынка. Примером тому служит семья Ивасаки, основавшая Mitsubishi Motors Corporation — одну из крупнейших автомобилестроительных компаний мира.

Важным достижением Конституции 1947 г. является закрепление основ социального государства, которых

не было в Конституции 1889 г. Права и обязанности народа получили закрепление в гл. III Конституции. Согласно ст. 13 все люди должны уважаться как личности. Их право на жизнь, свободу и на стремление к счастью является высшей ценностью в области законодательства и других государственных дел. По ст. 19 свобода мысли и совести не должна нарушаться. Исходя из ст. 23 гарантируется свобода научной деятельности. Ст. 25 провозглашает, что все имеют право на поддержание минимального уровня здоровой и культурной жизни. Во всех сферах жизни государство должно прилагать усилия для подъема и дальнейшего развития общественного благосостояния, социального обеспечения, а также народного здоровья. По ст. 26 все граждане имеют равное право на образование в соответствии со своими способностями в порядке, предусмотренном законом и др.

Помимо Конституции деятельность государства в социальной сфере регулируется специализированными законами, которые гарантируют минимальный уровень жизни и стабильное существование всех членов общества. Особенное внимание уделяется пенсионерам, нетрудоспособному населению и молодежи, притом законодатель пошел по пути уравнивания в размере социальных выплат всех категорий нуждающегося в них населения. Законами, регулирующими социальную сферу, являются Закон «О национальном всепомоществовании нуждающимся» 1946 г., «О благосостоянии детей» 1947 г., «О нетрудоспособных» 1948 г. Также социальную сферу призваны регулировать законы «О трудовых стандартах», «О страховании», «О стимулировании развития людских ресурсов».

Большое внимание государством уделяется делам материнства и детства. Их призваны регулировать законы «О материнстве и детстве» 1964 г., «О пособии на детей» и др.

Все вышеперечисленные законы были приняты в Японии еще в середине XX в, однако продолжают действовать до сих пор, хоть и с многочисленными поправками.

Сколько бы ни было в стране законов, их количество не имеет значение при случае, если у государства нет денег на претворение их в жизнь. Япония является

одним из развитых государств мира с мощной экономической системой и профицитным бюджетом. Это стало возможно благодаря так называемому «японскому экономическому чуду».

Процесс восстановления экономики в разрушенной войной стране, а затем выход Японии на второе место в мире по экономическому потенциалу представляет научный интерес и является темой диссертационных исследований многих ученых. Можно точно сказать, что такое развитие Японии стало возможным благодаря политическому климату, который предоставили этой стране США, внедрение в экономику буржуазно-демократических идей, в частности, по ликвидации феодальных пережитков и преобразования деревни по типу фермерских хозяйств США, а также использования передовых идей коммунизма касательно индустриализации страны путем постепенного развития тяжелой промышленности и «шоковой терапии» в щадящем варианте [6].

К особенностям такой «шоковой терапии», приведшей к «японскому экономическому чуду» можно отнести:

- сохранение регулирующей роли государства в социально-экономической сфере;
- государственный контроль над экспортом-импортом капитала, запрет на свободную конвертацию национальной валюты;
- мощные таможенные заслоны импортной продукции, государственное регулирование и протекционизм в торговой сфере;
- государственная поддержка отечественного производителя, пресечение финансовых спекуляций с капиталом предприятий, способствующих обогащению узкой прослойки населения;
- поддержка развития мелкого предпринимательства, направленная на рост многочисленного среднего класса;
- быстрое развитие научно-технического прогресса;

Вот так благодаря внешнеполитической поддержке США, дальновидности и патриотизму чиновников Япония стала такой, какой мы ее знаем сегодня: социальным, правовым и экономически развитым государством.

Литература:

1. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной Войны. М., 1947. Т. 3. С. 480, 481.
2. РИА Новости [Электронный ресурс]: Сан-Францисский мирный договор//ria.ru, МИА «Россия сегодня». 28.04.2017. URL: <https://ria.ru/spravka/20170428/1493143543.html> (дата обращения 11.11.2017).
3. О. В. Афанасьева, Е. В. Колесников, Г. Н. Комкова, А. В. Малько. Конституционное право зарубежных стран / Под общ. ред. д. ю. н., проф. А. В. Малько. — М.: Норма, 2004. С. 284–286.
4. Юридическое агентство Legal NS Пермь. Конституции мира на русском языке [Электронный ресурс]: Япония, Конституция Японии// Официальный сайт. 2014–2017. URL: <https://legalns.com/компетентные-юристы/правовая-библиотека/конституции-стран-мира/конституция-японии> (дата обращения 11.11.2017).
5. Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник / Л. А. Морозова. — 5-е изд., перераб. и доп. — М., 2017. С. 450–452.

6. MIUKI MIKADO Виртуальная Япония [Электронный ресурс]: Япония после Второй Мировой войны// Сайт о Японии и японцах. 06.08.2011. URL: <http://miuki.info/2011/08/yaponiya-posle-vtoroj-mirovoj-vojny/#5> (дата обращения 25.10.2017).

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

VI Международная научная конференция

г. Москва, декабрь 2017 г.

Сборник статей

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е. А. Шишков*

Верстка: *О. В. Майер*

Издательский дом «Буки-Веди», г. Москва

Подписано в печать 24.12.2017. Формат 60x90 ¹/₈.

Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 12,5. Уч.-изд. л. 13,0. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый»
420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.